

Алена СТЕРЛИГОВА

МУЖЕМ БИТАЯ...

ЧТО МНЕ
ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ
С ГЕРМАНОМ
СТЕРЛИГОВЫМ

Министерство культуры Российской Федерации

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Пронзительная автобиографическая история жены одного из первых российских миллионеров — Германа Стерлигова. Миллионерша, ставшая крестьянкой и родившая пятерых детей. Книга о женской доле и простом бабском счастье с единственным мужем.

Русским женщинам читать обязательно!

- Алена Стерлигова
 - Предисловие
 - Вступление
 - Часть I
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - Глава 14
 - Глава 15
 - Глава 16
 - Глава 17
 - Глава 18
 - Глава 19
 - Глава 20
 - Часть II
 - Глава 21
 - Глава 22
 - Глава 23
 - Часть III
 - Глава 24
 - Глава 25
 - Глава 26
 - Часть IV
 - Глава 27

- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Часть V
 - Глава 33
 - Глава 34
 - Глава 35
 - Глава 36
 - Глава 37
 - Глава 38
- Часть VI
 - Глава 39
 - Глава 40
 - Глава 41
 - Глава 42
 - Глава 43
 - Глава 44
 - Глава 45
 - Глава 46
 - Глава 47
- Часть VII
 - Глава 48
 - Глава 49
 - Глава 50
 - Глава 51
 - Глава 52
 - Глава 53
 - Глава 54
 - Глава 55
 - Глава 56
 - Глава 57
 - Глава 58
- Заключение
- Рецепты из Слободы
 - 1. Хлеб на закваске
 - 2. Домашний сыр
 - 3. Печной творог.
 - 4. Домашняя лапша
 - 5. Мытье посуды горчицей
 - 6. Стиральный порошок.
- Фотоархив

Алена Стерлигова

Мужем битая...

Что мне пришлось пережить с

Германом Стерлиговым

Предисловие

Недавно один журналист, бравший у меня интервью, плавно перешедшее в многочасовую беседу, неожиданно предложил: «Вам стоит написать книгу про свой женский взгляд на жизнь». Сначала это меня удивило и рассмешило одновременно: о чем я могу написать и кому это может быть интересно. Сейчас все книжные полки в магазинах забиты мемуарами известных людей и историями новых «звезд». Не пишет, по-моему, только совсем ленивый. А я так вообще неизвестный человек, просто мама пятерых детей и жена человека, чье имя уже и так много лет на слуху, и если все публикации в разных СМИ про него собрать воедино, то получится толстенная книга. Но потом я подумала, что уже на протяжении последних шести лет многочисленные журналисты и просто интересующиеся нашей жизнью люди, заглядывающие на наше хозяйство, без конца задают мне похожие вопросы, так что, отвечая очередному корреспонденту, я уже, как сочинение наизусть, излагаю ответ. Значит, это кому-то интересно, если люди все едут и едут к нам в Слободу. Особенно много к нам приезжает женщин с неустроенными судьбами — брошенные своими мужьями или сами ушедшие от оных, матери-одиночки и те, кто никогда не были замужем. Все их беды прежде всего, по-моему, из-за стереотипа восприятия жизни и отношений с мужчиной, в частности, навеваны телевидением, литературой, кишащими с книжных полок заголовками: «Как заполнить богатого мужа», «Как стать искусной возлюбленной» или «Как подстраховаться, чтобы твоя еще вчера любящая половинка не стащила вашего же общего ребенка». Мир настолько перевернулся с ног на голову, что в таком виде очень сложно стало обрести гармонию в отношениях, правильно выстроить приоритеты и обрести семейное счастье. И мне захотелось написать о простом бабьем счастье с единственным мужем, который является главой семьи, и маленькой кучкой ребятишек, о своей женской доле. Может, мой семейный опыт кому-то пригодится.

Тем более, так сложилась жизнь, что я испытала и сильные материальные проблемы и неожиданно стала миллионершей: были и пожары, и становление крестьянкой. Был долгий путь к вере в Бога и пятикратная радость материнства, и, наконец-то, я испытала, что такое быть бабушкой. Я испробовала себя в разных ипостасях и хотела бы поделиться с вами своими впечатлениями о прожитых годах.

Вступление

«Свой дом»

Я люблю то место, в котором мы сейчас живем. У нас красивый деревянный дом с большой русской печью, в которой мы печем хлеб. Господь послал нам лошадей, скотину. Кругом березки, рядом речка, в которой бобры строят плотину, у нас большое хозяйство, и это дает возможность кормить детей здоровой и натуральной пищей, есть чем их занять, и это меня радует. Вот жеребенок недавно родился, вот средний сын Сергей притащил целое ведро яиц от своих кур.

Я люблю украшать дом. Могу купить какую-нибудь салфеточку и двадцать минут подбирать ей подходящее место, и мне это будет доставлять удовольствие. Я очень рада, что родилась женщиной. Это Герман может переживать, что ему что-то не удалось, что-то он сделал неправильно, где-то совершил ошибку, чего-то не достиг, мог сделать больше. А я — купила красивую салфеточку, воткнула цветочек красивый в грядку — и уже на целый день хорошее настроение. Я такой человек, который не привыкает к месту. Если мне завтра муж скажет: «Мы переезжаем в другое место», я точно так же там обустроюсь, создам там уют и точно так же полюблю это новое место. Там, где мой муж и дети, — там мне и хорошо, особенно если есть горячая вода. Это не слова, а проверено временем: за нашу совместную жизнь я с детьми переезжала 32 раза.

За несколько дней до встречи с Германом я сдавала госэкзамен в Полиграфическом институте и долго что-то рассказывала преподавателю. Он сидел напротив за столом и внимательно на меня смотрел, пока я что-то ему с умным видом вещала. Когда я наконец-то закончила, он улыбнулся и сказал: «Леночка, вы будете женой большого начальника, а специалистом — никогда». Через два дня я встретила Германа Стерлигова и вышла за него замуж.

Часть I

Как я стала миллионершей

Глава 1

Я тебя люблю

Герман был с Ордынки, я — с Таганки. Я родом из разорившейся интеллигентной московской семьи. Он сын профессора медицины. Его папа — Лев Александрович, очень талантливый, опытный детский врач. Родом он из Сергиева-Посада, из многодетной семьи, где был самым младшим и долгожданным, так как до него были все дочери. Всего в своей жизни он добился сам. Его отец был репрессирован в 39-м году по доносу, что он происходит из дворянской семьи. Так что мама воспитывала их, четверых детей, одна. Лев Александрович за годы своей работы объездил почти всю страну, потому что, если где-то вспыхивала эпидемия, его всегда включали в выездную комиссию в регион, где случалось очередное ЧП. Был он и в Чернобыле, сразу после аварии на АС осматривал ребятишек, получивших сильную дозу радиации. Он считался лучшим диагностом нашей страны. Если возникали спорные вопросы или его коллеги не могли с точностью поставить диагноз, всегда обращались к нему за консультацией. Его несколько раз, еще при Советском Союзе, приглашали на работу в кремлевскую больницу, но он отказывался, так как знал свой характер, знал, что не сможет подстраиваться и делать вещи, с которыми не согласен.

А моя мама вначале работала преподавателем русского и литературы, в Шанхайском университете, куда попала с мужем, передававшим опыт судостроения в советские времена дружественной нам Китайской Народной Республике. А вернувшись через три года обратно в Москву, поступила на должность начальника по кадрам в НИИ, работающего на космическую отрасль. Там она подружилась с Галей Хрущевой, невесткой бывшего главы государства, с которой они общаются до сих пор. Так что мы с Хрущевыми дружили семьями, и я часто общалась с Никиткой Хрущевым-младшим, он был ровесником моего брата Николая, старшего меня на три года. Никита умер несколько лет назад — он болел с детства. Помню, он увлекался жучками. У Хрущевых вся стенка была в засушенных разнообразных насекомых: от самого маленького жучка до громадного. Была у него в коллекции и редкая бабочка «Мертвая голова» с рисунком на груди, очень похожим на человеческий череп. Ему ее из Африки привезли. Он так и стал потом биологом. В первый раз, когда мама взяла меня с собой в гости к

Хрущевым, меня поразило обилие шкур в разных комнатах, а квартира была очень большой, так что можно было заблудиться в многочисленных кабинетах, спальнях и т. п. помещениях и соединяющих их коридорах. Шкуры разных животных: медведя, волка, льва и многих других представителей фауны — были выделаны вместе с головой. Торчащие клыки и застывший, стеклянный взгляд искусственных глаз, как будто устремленных на тебя, нагоняли на меня ужас. Почему-то врезалось в память рождение у Хрущевых второго сына, Сергея. Если первый был назван в честь знаменитого деда, то второго назвали в честь отца. Галя по-хорошему завидовала маме, что у нее есть дочка, так как тоже очень хотела иметь девочку, она даже думала, если родится дочка, назвать ее Аленкой. Но родился сын. И вот мы с мамой отправились поздравлять новоиспеченную маму с новорожденным. Для малыша была выделена очень большая комната, по внешнему виду и стерильности которая царила в этой детской напоминая чем-то больничную палату. Комната была выдержана в серо-белых тонах. Из мебели там была детская кроватка, пеленальный столик и шкаф с детскими вещами. Эта мебель по сравнению с большим метражом помещения производила впечатление каких-то точечных штрихов, а не привычной обстановки детской комнаты. Поэтому, наверное, у меня и запечатлелось в памяти это событие благодаря непривычному антуражу, трепетности, с которой совершались все движения по отношению к новорожденному, и счастливому лицу Галины Хрущевой.

Мы с Германом познакомились, когда он уже зарабатывал весьма приличные для его возраста и для того времени деньги. Ему было на тот момент двадцать три года, он уже успел отслужить в армии, где проходил службу в железнодорожных войсках в Монголии, отработал токарем год на заводе, отучился полтора года в Московском государственном университете, на юридическом факультете. Но бросил его из-за конфликта с преподавателем истории, коммунистом со стажем. Герман заявил ему на одном из семинаров, что считает коммунистический режим самым кровавым в истории человечества. На что преподаватель поставил условие: либо Стерлигов остается в стенах вуза, либо он. Герман ушел из университета и занялся зарабатыванием денег, что у него очень даже хорошо получалось. Его предпринимательская деятельность и стала первопричиной нашего знакомства. Моя мама сдавала квартиру, а Герман как раз искал что-нибудь под офис. В тот день, когда мы встретились, я получила диплом и у меня начались каникулы до начала осени, когда должна была наступить моя новая, уже рабочая жизнь. Был

жаркий июльский день, мы с братом ушли в Строгино купаться на Москва-реке, а Герман как раз в этот момент пришел к нам домой смотреть, что у нас сдается. Когда я вернулась с пляжа, увидела Германа, договаривавшегося об условиях аренды квартиры с моей мамой на нашей кухне, поздоровалась и, выйдя в другую комнату, услышала через неприкрытую дверь, как он спросил маму: «Вы не возражаете, если я возьму Вашу дочь замуж?» Мама восприняла это как шутку, сказала: «Конечно, берите». В этот же день Герман сделал мне предложение, пригласив, опять же с разрешения мамы, на свидание. Он сказал: «Выходи за меня замуж, я буду миллионером». Такое признание меня очень удивило. Все в то время хотели быть инженерами, врачами, а профессия миллионера была тогда не очень популярна, точнее сказать, малоизвестна. Ведь это были еще советские годы, миллионеров тогда в стране еще никаких не было, про них тогда знали разве что из книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Мы вообще воспитывались по-другому. А как же любовь? Я очень удивилась и сказала ему прямо: «Я же тебя не люблю». А Герман отвечает: «Это неважно, полюбишь. Главное, что я тебя люблю». Потом сказал: «Я с твоей мамой уже знаком, теперь поехали знакомиться с моей». Мы поехали на Ордынку, где я познакомилась с его мамой, Маргаритой Арсеньевой.

Глава 2

Чудо

Нашу встречу с Германом я всегда считала настоящим чудом. Посудите сами. Жила-была в Советском Союзе самая бедная девушка в самом прямом смысле этого слова. Дело в том, что моя мама, оставшись после смерти мужа одна с двумя детьми, очень растерялась. Привыкшая жить на широкую ногу благодаря высокому положению отца, она не смогла сразу перестроиться, решив построить дачу на выделенном ей с работы участке, не рассчитала средств и влезла в долги. Деньги она брала под проценты, и если вдруг в срок отдачи долга денег достаточно не было, она соответственно продлевала дату, удвоив процент. При таком подходе долг рос как снежный ком. В конечном итоге окончательно запуталась: ко времени, когда я уже училась в институте, долг составлял несколько десятков тысяч рублей, астрономическую по тем временам сумму. Если учесть, что очень хорошей зарплатой в те годы считался оклад в 120 рублей, то понятно, что работай мы с братом хоть круглосуточно, отдать долг все равно не смогли бы. Помню такой момент: сидим мы с моей подругой на лавочке в Полиграфическом институте, в котором я училась, и она мне со слезами на глазах рассказывает, что ей родители не дали денег на новые сапоги. На что я ей говорю: «Слушай, у моей мамы долг в десятки тысяч, и ее кредиторы каждый день грозят, что позвонят мне в институт». А тогда такой звонок был равносильен сразу исключению из комсомола и из института автоматически. А из туфель я сразу переходила в зимние сапоги, про осенние, о которых плакала подруга, я даже не смела мечтать. Она вдруг сразу, перестав рыдать, недоуменно говорит: «А как же у тебя всегда хорошее настроение, я думала, что у тебя нет никаких проблем». Но у меня всегда, и правда, было хорошее настроение, несмотря на то, что ситуация в нашей семье была очень даже критической. Все, что можно было продать, было продано: драгоценности, которыми в былые времена баловал маму муж, библиотека, ковры, все безделушки, привезенные когда-то мамой из загранкомандировки в Китай. Даже нашу трехкомнатную квартиру на Таганке мы обменяли, соответственно с доплатой, на квартиру в отдаленном Строгино. Ну это были, как говорится, «капли в море», долги все равно не уменьшались, а росли, благодаря все время неразумно и непомерно большим обещанным в расписке процентам. Усугублял ситуацию еще и

ломбард, к помощи которого по незнанию, какая это западня, прибегла мама. Ситуация в нашей семье была насколько трагичной и, по сути, безысходной, настолько изобиловала и комическими сюжетами. Как говорится, «все было бы очень смешно, если бы не было так грустно». Был такой случай: звонит в дверь очередной кредитор, у которого сегодня по расписке срок получения долга. А денег, как водится, у нас нет, чтобы как то оттянуть время, лучше просто не встретиться лично с процентщиком. С этой целью принимается решение сказать, что мамы нет дома, а ее на время спрятать на балконе. Что и делается, а надо сказать, что на дворе стоит холодная, поздняя осень, а мама, думая, что, услышав, что ее нет дома, человек быстро уйдет, выскакивает на балкон налегке. Но пришедший человек оказывается настырным и решает дождаться маму у нас дома. Проходит минут двадцать, и мы с братом понимаем, что мама реально скоро окоченеет. Я начинаю отвлекать незваного гостя, а мой брат Коля тихонько выбрасывает через кухонное окно маме на балкон плед.

Гость, просидев у нас часа два, все же ушел, сказав, что придет завтра, но у нас был выигран хоть день, чтобы что-нибудь придумать, как найти деньги. Когда наступала зима и все переодевались в соответствующее погоде зимнее пальто или шубу, я продолжала ходить в осеннем. От автобусной остановки до здания института было порядочно, а я вообще жуткая мерзлячка, и пока я добиралась до дверей нужного мне здания, у меня уже «зуб на зуб» не попадал. Когда подруги спрашивали, почему я не переодеваю пальто по сезону, я отвечала, что мне жарко в зимнем, я с детства закаляюсь. Никто никогда не догадывался, что у меня есть материальные проблемы. Просто у меня такой характер, что страдать я могу только первые десять минут, когда узнаю плохое известие, а затем начинаю искать выход из сложившейся ситуации. Я всегда настраиваюсь на положительный результат исходя из того, что по-другому быть просто не может. Так и тогда я поддерживала свою маму и брата, периодически впадавших в отчаяние, убеждая, что скоро у нас обязательно все наладится. Я понимала, что помочь нам может только чудо, хотя не понимала, какое именно. И это чудо случилось. На своей кухне самая бедная девушка (у которой не просто ничего не было, а было минус несколько десятков тысяч рублей), помочь которой мог только миллионер, и молодой человек, уверенный, что он очень скоро станет миллионером, не только встретились, но еще будущий олигарх влюбился в нее с первого взгляда. Кто-то скажет, что так бывает только в кино, но я всегда считала, что сюжеты, которые преподносит нам реальная

жизнь, круче любой фантазии писателя.

Если бы все это происходило сегодня, я, конечно, исходя из своего жизненного опыта, без раздумий дала бы согласие стать его женой. Но тогда, я, как и многие современные девушки из нашего советского прошлого, считала, что замуж выходить надо по любви, в сердце что-то там должно «йокнуть». Я понимала, что есть в Германе что-то необычное, но за мной ведь все время ухаживали высокие, красивые ребята, а здесь передо мной был человек небольшого роста, в очках, с усиками, весь какой-то странный, очень нестандартный. Свою дочь я уже учила, что надо исходить из того, что мужчина любит глазами, и, если женщина ему сразу не понравилась внешне, он вряд ли вспыхнет к ней страстью, разглядев ее кулинарные способности. Как любит говорить мой муж, «бывает ли любовь с первого взгляда? А разве другая любовь бывает?» А женщина устроена по-другому. Девчонки часто выходят за красивые плечи, за красивые глаза, за красивые мускулы и дешевые панты, а потом как дуры бегают за ним всю жизнь. Он начинает и пить, и гулять, и, кроме внешности, у него ничего не оказывается. И такая женщина всю жизнь несчастлива. Выбрав своего будущего мужа преимущественно по внешним данным, по прошествии нескольких лет, вдруг думает, что любовь прошла, а на самом деле проходить было нечему, это был просто оптический обман. Поэтому дочке я советовала выходить за настоящего мужчину. Даже если тебе он не нравится внешне, но ты видишь, что он нормальный, умный, интересный человек, то ты будешь с ним счастлива и не сможешь не полюбить этого человека, потому что настоящий мужчина даст тебе столько внимания, что не ответить на это будет невозможно. Сначала рождается чувство благодарности, потом начинаешь понимать, что без этого человека уже не можешь, потом рождается чувство, которое и называется настоящей любовью. Ведь за что мужчину можно полюбить, пока он тебе еще ничего не сделал, пока ты его не узнала, пока не поняла, какой он в проявлениях внимания к тебе и к вашим будущим детям, а это можно понять уже только в семейной жизни. Если мужчина тебя сильно любит, умный, порядочный и добрый, можно смело выходить за него замуж: такой человек всю жизнь будет тебя добиваться, даже будучи в браке, и носить на руках. Но это понимание пришло позже, а тогда Герман заинтриговал меня своей необычностью, он был очень интересным в общении и сразу красиво ухаживал. Например, он приглашал меня в шикарный ресторан, а в те годы, чтобы попасть в такое заведение, нужно было отстоять полтора часа очередь, так он подходил к началу очереди и

швейцару, пропускающему народ внутрь, и нагло заявлял: «Это со мной!», указывая на меня. И пока все соображали, что это значило, мы уже устраивались за столиком, договорившись с официантом. Но все же стереотип, сложившийся у меня в голове, каким я видела своего будущего мужа, отличался от внешности Германа, и хоть я понимала, что этот человек реально может мне помочь в моих материальных проблемах, замуж за него я решила не выходить. Так по глупости я могла пропустить самое главное, что произошло у меня в жизни, свое женское счастье. Но случилось неожиданное...

Глава 3

Вопреки всему

Есть такая пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Я это испытала на себе. В тот день, когда я собралась сказать Герману, что нам не надо больше встречаться, так как я не выйду за него замуж и не хочу зря морочить ему голову, арестовывают одного из Гериных сотрудников, а на следующий день и его самого. Для меня это стало шоком. Я первый раз очень сильно переживала за другого человека. Все, что происходило в моей семье, казавшееся большим несчастьем, показалось мелкими неприятностями по сравнению с тем, что эти ребята могут потерять свободу. Не знаю почему: мы ведь были с ним знакомы какие-то считанные дни и каких-то особых чувств я не испытывала. Но мне вдруг так стало жалко Германа, я же видела, что это хорошие ребята, и мысль, что их могут посадить, вызывала у меня такое чувство сопереживания, что я первый раз тогда обратилась с просьбой к Богу. И почему-то во мне появилась уверенность, что его обязательно отпустят. Тогда, как и сейчас, наверное, в камере предварительного заключения можно было удерживать подозреваемого не более трех дней, если за это время не отпускают, то, скорее всего, уже будешь сидеть до суда. Уже когда до окончания последних суток оставались считанные часы, Германа выпустили. Он сразу позвонил мне, и мы в этот же вечер встретились. И уже я сделала ему предложение взять меня в жены. Сыграло чувство вечной женской сострадательности. Германа, хоть и выпустили, но дело пока не было закрыто, и чем все закончится, еще не было известно. Я сказала, что надо зарегистрироваться, а то я не смогу передачи приносить. Герман сначала стал говорить, что сейчас не время, что мало того что он остался без денег, еще всякое может быть, и его и впрямь могут посадить, и он не хочет портить мне жизнь. И вообще предложение должен делать мужчина, а не женщина. На что я ответила, что даю ему сутки, если завтра предложение руки и сердца не будет, то в другой раз я уже не соглашусь. На следующее утро Герман пришел ко мне с громадным букетом, и мы поехали в загс, где он договорился, и мы вместо трех месяцев, выделенным государством для раздумий и сомнений, поженились через три дня. Свадьбу мы решили не справлять: настроение было не особенно праздничным, так как уголовное дело еще продолжалась, и все было в подвешенном состоянии. Тем более ни его, ни меня не привлекала пышная свадьба с куклой на

капоте. В ЗАГС мы пришли вчетвером: я с Германом и свидетели с моей и его стороны. Я почему-то купила себе для этого события зеленое платье с черным бантиком, оно было красивое, но мало походило на свадебное. Стоя в зале регистрации, слушая заученную поздравительную речь работника загса, я прислушивалась к себе, «йюкает» сердце или нет. Ничего там внутри не происходило, сердце по-прежнему молчало. И тут вместо свадебного марша Мендельсона, музыканты заиграли «Созрели вишни в саду у дяди Вани...» Гера прыснул, а смех у него очень заразительный, и мы все вчетвером закатились смехом. Рассерженная сотрудница загса, которая как раз в этот момент важно зачитывала что-то умное про брак, со злостью захлопнула папку, из которой она черпала информацию и объявила, что мы теперь муж и жена и можем катиться отсюда, так как не умеем себя вести в приличном месте. С тем мы и выкатились. Сначала мы заехали к Гериным родителям на Ордынку, посидели полчаса за столом, они вручили нам подарок — чайный сервиз, затем мы заехали ко мне домой в Строгино и здесь посидели столько же времени. Оттуда я забрала свое приданое в виде одеял, подушек и тому подобного, причем все это было куплено на деньги Германа за день до свадьбы. А потом Герман отвез меня с моей подругой, которая была свидетельницей, на квартиру, которую он успел снять к нашему бракосочетанию, а сам уехал по делам. С квартирой нам надо сказать повезло. Снять квартиру в советское время было большой проблемой. А Герману не только это удалось, да еще всего за три дня, но он еще нашел квартиру совершенно новую, в которой никто до нас не жил. Молодые люди получили квартиру в новом доме, но решили пожить с родителями, а на квартире заработать, сдавая ее. Квартира была новая и соответственно совершенно пустая. Ко дню свадьбы Герман достал комод, именно достал, так как и мебель просто купить было тогда невозможно, на все нужно было записываться и стоять потом еще в бесконечной очереди. И купил два надувных матраса. Вот на этом комоде мы и распивали с подругой шампанское, отмечая торжественное событие. Через несколько дней Герман уже обставил эту квартиру полностью и даже каким-то образом умудрился провести в нашу квартиру телефон, в новом доме ни у кого еще телефоны не были проведены.

Через короткое время следствие по делу Германа развалилось, через год он и вправду стал миллионером, а мне становилось страшно при мысли, что он мог тогда пройти мимо моей кухни.

Глава 4

Каждый день по розе

Так началась наша совместная жизнь. И вот 23 года как мы вместе, уже бабушка с дедушкой. Герман на протяжении уже стольких лет продолжает окружать меня заботой и любовью. Это не значит, что все у нас было безоблачно. Были и бурные выяснения отношений и не менее страстные примирения. Удары кулаком по столу, так что стоящая на нем аджика разлеталась по потолку, и нежные признания: «Как я счастлив, что ты у меня есть». У меня характер не сахар, да и у Германа очень сложный и жесткий характер. Но он всегда все может загладить красивыми добрыми словами, подарками и сюрпризами, а я на многое смотрю сквозь пальцы, реагируя не на слова, а на поступки. Был такой случай. Как-то раз, когда Герман только уехал из дома по делам, зашла ко мне знакомая в гости и стала рассказывать, что утром поссорилась со своим мужем, он ей обидное слово сказал за какой-то ее промах. И она так обиделась, и сидит у меня, и горько плачет. А тут вдруг возвращается Герман. Я поставила ему в машину банку с молоком, ему надо было ее кому-то отвезти, а закрыла, видно, плохо крышкой, и молоко растеклось по машине. Мало того что и молоко не довез, так еще если где-то хоть капля молока останется, запах потом из машины ничем не выведешь. Вернулся Герман злой и выговорил мне все, что он в этот момент обо мне думал. Герман горячится на меня, а я себе спокойно чай готовлю. Герман дверью хлопнул и уехал. Сидит моя знакомая, глазами хлопает и говорит: «Ты такая спокойная и даже не расстроилась». А я говорю: «Чего расстраиваться, сейчас отойдет и позвонит, попросит прощения». И точно, через пять минут звонит телефон: Герман с извинениями, что не сдержался. А начини я выяснять отношения и ругаться в ответ, был бы скандал, вылившийся в ненужную ссору и на несколько дней «обидок». Так что на такие всплески я никогда не реагировала. А если все же происходила какая-нибудь более серьезная ссора, то я сразу вспоминала, сколько мне хорошего сделал Герман, и от этих воспоминаний обида казалась просто мелочностью с моей стороны. Помню, когда у нас была годовщина свадьбы, Герман тогда еще не был миллионером. Раздается звонок в дверь, я открываю, а он там стоит с букетом из трехсот шестидесяти пяти роз — за каждый день по розе. Герина мама сожалела, что такие деньги потратил, лучше бы хоть сервиз подарил. А я ей говорила, что сервиз со временем разобьется, а такой поступок я запомню

на всю жизнь. До сих пор стоят у меня перед глазами ведра с бледно-розовыми благоухающими цветами. Пришлось использовать ведра, так как такое количество больше никуда не помещалось, столько ваз не было. Герман всегда много работал, мог не приезжать несколько дней, так как это требовали рабочие обстоятельства, но в то же время мог примчаться ночью только для того, чтобы подарить букет лилий и тут же уехать, чтобы я понимала, что он обо мне помнит, несмотря на всю свою занятость. Если у Германа и бывает приступ экономии, то только при покупке одежды для себя, если покупаются вещи для меня или детей, цена для него не имеет значения. Мне всегда завидовали жены Гериных знакомых, несмотря на то, что Герман никогда не будет сюсюкать типа: «Ух ты мой зайчик», как любят многие мужья, особенно при посторонних, и даже наоборот может показаться очень строгим, но в его движениях, взгляде проскальзывает столько непоказной нежности, что не заметить этого просто невозможно. У Германа желание что-то подарить вызывает не какая-то знаменательная дата, а просто желание порадовать, сделать приятное. Я никогда не переживала, никогда не контролировала, где он, что он, работает — и работает. Мне нравится, когда мужчина при деле. Для мужчины, конечно, тоже очень важна семья: это его тыл, его отдушина, где можно расслабиться, отвлечься от забот и неприятностей, что бывают по работе, но в отличие от женщин, мужчина не может быть счастлив только семейными отношениями, ему обязательно надо реализовать себя как личность через свое дело, почувствовать себя хозяином. Поэтому у меня никогда не возникало желание пороптать, что он так мало времени проводил дома в молодости.

Глава 5

Подруги

Он сразу сказал, что я не буду работать, чем вызвал неудовольствие родителей с обеих сторон: «А как же будущая пенсия», — сокрушались они. После института я была распределена в издательство «Известие», находящееся в центре Москвы, где даже был выделен маленький кабинетик, в котором мне предстояло решать рабочие вопросы. Перспектива работать в издательстве была заманчивой, но Герман был категорически против, и я уступила. А Герман даже на всякий случай выкинул мой диплом, чтобы не было соблазна. Даже будучи молодой, мне хватило ума понять, что при Гериной ревности (а он очень ревнивый) моя работа будет постоянным поводом для разжигания этого чувства, из чего могут рождаться только одни скандалы, да и род деятельности Германа был таков, что, занятая на любой работе жена, не вписывалась бы в бешеный ритм его жизни. То нам надо срочно куда-то переезжать, то мы и вовсе улетали в другую страну, то просто днем у него было свободное время, которое хотелось провести вместе. Да если честно, то и вставать ранним утром, чтобы идти на работу, тоже не вызывало восторг, для меня всегда было важно выспаться. Так что на моей карьере полиграфиста был поставлен жирный крест, и слова педагога, принимающего у меня госэкзамен, оказались пророческими. Потом Герман как-то так хитро и деликатно сделал, что из моей жизни исчезли все подруги. У Германа всегда была очень насыщенная жизнь. Такая разнообразная, что даже, когда я сидела дома, его настроение и заботы передавались мне, волновали, интересовывали. И всегда, когда стоял выбор: встретиться с подругой или провести время с мужем, я нисколько не колебалась, однозначно с мужем. А он, как только узнавал, что я намыливаюсь на встречу с подружкой, предлагал мне встречное заманчивое предложение — провести время с ним, от которого не было сил отказаться. К тому же он сдержал свое слово и вскоре, правда, стал миллионером, и поэтому приходилось нас с дочкой скрывать, мы постоянно переезжали. Поэтому подруги отпадали в любом случае. Теперь, глядя на многих своих знакомых, я вижу, сколько семей распалось благодаря «советам» лучших подружек. Ведь даже из хороших побуждений, вроде поддерживая и утешая подругу, которая жалуется ей на очередную ссору, произошедшую у нее с мужем, она тем самым подливает, как говорится, «масло в огонь». И вместо того, чтобы вспомнить что-то хорошее про

суженого своей подруги и тем самым попытаться примирить их, она еще подкинет ей факты его недостойного поведения, на которые та не обратила внимания. Или как часто бывает, незамужние или женщины, у которых мужья подкаблучники, начинают подначивать своих подруг, которым с мужьями повезло: «Да что ты его слушаешь?», «Ты должна быть самостоятельной!», «На твоём месте я бы уделила больше времени карьере». И в таком роде несколько раз закинутые фразы в конечном итоге достигают своей цели, и в ещё вчера благополучной семье начинается разлад. Как часто, придя домой, муж не может дождаться своей очереди, когда он сможет поговорить со своей ненаглядной супругой: та поглощена телефонным общением с подругой. И на намеки мужа, давай заканчивай, делает страшные глаза и, прикрыв трубку рукой, шипит: «Ты что! У неё там такое горе, я должна выслушать, неудобно обрывать разговор». И мне так жалко мужей, чей «номер второй», после задушевной приятельницы. В жизни моими самыми близкими подругами стали моя дочь Полина и Герина мама. Мы можем говорить обо всем, зная, что все высказанное останется только между нами, и искренне радоваться или печалиться друг за друга. У нас общие интересы, так как мы одна семья.

Глава 6

Наперегонки с Алисой

Когда я была еще только беременной Полинкой, Герман подарил мне щенка кавказской овчарки. Это было очень симпатичное пушистое существо. Герман знал, что я равнодушна к собакам, и когда я в связи со своей беременностью находилась у его родителей на даче, дыша чистым воздухом, он приобрел на «птичьем рынке» бежевого лохматого щеночка. Когда я вернулась с оздоровительного места пребывания, то обнаружила сидящее под столом плюшевое чудо. Сначала оно меня забавляло, но по мере подрастания доставило массу хлопот. Ей все время хотелось играть и прыгать на меня. Так что мне приходилось оберегать свой живот, который в данный момент представлял собой домик для малыша. Поэтому я большую часть суток проводила с поводком в руках, чтобы контролировать действия щенка. Мы все никак не могли придумать, как ее назвать, а Герина мама вдруг предложила: «Назовите щенка Алисой». Так мы ее и называли. Наша собака, которая стала логотипом первой в постсоветской России биржи и запомнилась своей забавной мордой, которую показывали как рекламу очень длительное время с экрана первого канала телевидения, меня совершенно не слушалась. Когда мы еще жили на квартире и я ходила с ней гулять на площадку, то никогда ее не подзывала, чтобы не позориться. Потому что другие «собачники» кричат своим собакам: «Ко мне!» — и те бегут, радостно выполняя команду своего хозяина. А я знала, что стоит мне позвать свою собаку, она не пойдет, так как понимает, что выполни она этот приказ, ее сразу возьмут за поводок и поведут домой, а так приятно находиться на улице, а не сидеть в квартире, в каком-то роде ставшей просто большой конурой. Поэтому я никогда эту команду не произносила. Я обходилась с ней хитростью: делая вид, что просто гуляю, тихонечко подкрадывалась к ней и хватала за поводок. А собака была громадная, весила килограммов за 60, а мой вес был сорок с небольшим. Так что мы были с ней в разных весовых категориях. Когда мы находились в одну из зим в очередной «эвакуации» в Комарово и я выходила с ней на прогулку, главное было не встретиться с другой собакой. Так как моя собаченция, увидев чужака, сразу пускалась его преследовать, не могу точно сказать с какой целью: то ли задрать, то ли познакомиться, выяснить это, к счастью, так и не удалось. Я, пытаясь ее удержать, мчалась за ней,

держась за поводок из последних сил. Заканчивалось это тем, что, не выдержав, я падала на живот и в таком положении продолжала находиться до встречи с первым сугробом. Когда я со всего размаху врезалась в сугроб, она уже не могла меня сдвинуть. Под взгляды ошарашенных такой картинкой прохожих, которые и хотели бы мне помочь, но опасались собаки, я отряхивалась, делала вид, что ничего не произошло, и тащила ее домой. Может, после вышесказанного, заявление, что Алиса была очень умной собакой, вызовет у Вас улыбку. Но это действительно было так. Она являлась превосходным охранником, причем без всякой дрессировки с нашей стороны. Помню, только мы въехали в дом на Рублевку, как ранним утром к нам на участок зашли рабочие, которые у нас проводили электрику, они что-то забыли из своих инструментов на нашем участке и вернулись за ними, не ожидая, что мы уже въехали и тем более с собакой. Так вот, один успел вскочить на забор, а другого мы с трудом отбили от нашего лохматого охранника. Кавказцы, завидев чужого, сначала затаиваются, а потом неожиданно делают бросок в его сторону. Хватка у них очень крепкая. При этом Алиса была очень ласковой собакой по отношению ко всем домашним, и если ее с кем-то знакомили и говорили команду «свой», она этого, будь это человек или какое-нибудь животное, уже никогда не трогала, но для незнакомых это был страшный зверь. Зимой Алиса катала детей на санках. Мы привязывали к ней саночки, сажали туда маленькую Полинку, и она ее возила. А ее непослушание объяснялось характерной всем кавказским овчаркам чертой самостоятельно принимать решение: выполнять команду или нет, в зависимости от обстоятельств. Алиса прожила четырнадцать лет.

Глава 7

Дочка

Мне всегда очень хотелось носить серьги, а мама говорила, будешь носить только настоящие, а бижутерию не смей. На настоящие драгоценности денег естественно не было, так что оставалось только мечтать. И вот где-то уже на последнем месяце беременности Герман дарит мне брильянтовые сережки. Естественно мне хочется их сразу надеть, но уши у меня не были проколоты. На следующий день я отправилась в парикмахерскую делать дырки в ушах, не знаю, как сейчас, а тогда эта заветная мечта женщин осуществлялась там. Парикмахерша сообщила мне, что вроде беременным лучше не надо прокалывать, но я была непреклонна, так мне хотелось их надеть. Вернувшись домой, сверкая камешками в ушках, я ближе к ночи поняла, что у меня начались схватки, и оказалась в роддоме, где меня попросили сережки снять, и за то время, что я там находилось, а в советское время после родов вы должны были провести там семь дней, дырки в ушах благополучно заросли. Так что вернувшись домой, я прокалывала их уже на дому во второй раз, осуществила это подруга Гериной мамы, которая была по профессии стоматолог. Вот так долго я шла к мечте носить сережки. Но когда я пришла к вере, то, к сожалению, поняла, что мои подвиги по прокалыванию ушей были напрасны. Вообще вера имеет свойство прежде всего просветлять мозги и ставить все с головы на ноги. Ведь какой бред делать дырки в совершенно здоровых, красивых ушках. Это натуральное членовредительство сродни повадкам жителей диких негритянских племен, которые прокалывают себя, начиная от ушей до других разнообразных частей лица и тела, а также очень похоже на правило прокалывать ноздрю быку, чтобы в случае чего его можно было бы уговорить. Так что я сейчас ничего в мочки ушей не подвешиваю. Женщины во все времена хотели и любили себя украшать, на то они и женщины. Но раньше хватало ума подвешивать серьги или на головной убор или были серьги вроде клипс, для которых не требовалось себя калечить.

Когда родилась Полина, Герман привез в роддом целую машину цветов. Я выглянула в окно и увидела, как Герман вынимает и вынимает многочисленные букеты из салона машины. Цветы стояли на всех этажах, во всех палатах. Медсестры, которые расставляли мои цветы говорили: «Что же было бы, если б сын родился?» А ведь ему в начале сказали, что родился мальчик, и он, окрыленный, помчался домой, но через полчаса

ему позвонили и сообщили, что ошиблись, у него дочка. Но он не смог прийти, чтобы встретить меня из больницы. Я думаю: «Ну, что-то случилось. Не может быть, чтобы он ко мне не приехал». Звоню в офис — мне говорят: «Он в командировке». «Нет, — подумала я, — что-то здесь не так». Не может быть, чтобы он меня не предупредил. А оказалось, что когда он уехал от меня из роддома, а был ноябрь и на дороге была сильная гололедица, а он ездил очень быстро, машина потеряла управление и врезалась в столб как раз со стороны водительского места, его спасло то, что он не был пристегнут. С тех пор он никогда не пристегивается в машине. Приехал брат, и когда увидел, уже можно сказать, бывший Герин автотранспорт, сразу спросил: «Где труп?» Потому что машина была всмятку. Герман получил сильное сотрясение мозга, поэтому и не смог меня встретить и попросил своего брата осыпать меня цветами вместо него, когда я буду выходить с ребенком из роддома. Но Герин брат — скромный товарищ, он подарил мне букет и сказал: «Передай, пожалуйста, Герману, что тебя осыпали цветами». Когда я вернулась домой с дочкой и все родственники разошлись, муж первым делом схватил утюг и погладил пеленку. Это была единственная вещь, которую он когда-либо сделал по дому. Я еще подумала тогда: «Точно сотрясение». Дело в том, что его родители, пока ждали меня из роддома, все рассказывали ему, как мне нужно будет помогать, когда я вернусь, как мне будет тяжело.

Я всегда говорю, что дочка — это мой подарок от Бога. Она всегда была моим другом. Сначала маленьким дружком, а затем уже рассудительной равноправной подругой. Дни, что мы провели врозь до ее замужества, можно перечесать по пальцам.

Я с ней ездила везде вместе, так как с третьего класса мы забрали ее из школы на домашнее образование, то мы с ней общались буквально 24 часа в сутки. Сейчас, когда дочь сама стала мамой, она меня спрашивает, как мне было не скучно постоянно ее слушать, все ее детские «глупости». Но я, правда, не делала вид, что мне интересно, это было действительно так. Мы постоянно разговаривали и обсуждали все, что у нас происходило. Она спрашивала, а я с удовольствием ей отвечала, как я отношусь к этому поступку или к какому-то высказыванию кого-то из гостей. Особенно мы любили вечера, когда, уложив малышку спать, рассуждали о ее будущем, вместе мечтали, она всегда придумывала разные жизненные ситуации, и мы вместе придумывали, как бы надо было в них поступить. Воспитывая дочь сама, не перекладывая эту роль ни на нянечек, ни на преподавателей в школе, я в итоге получила очень близкого себе человека, без каких-то проблем переходного возраста, переходить

было просто не от чего, мы с ней выросли вместе. Она мне тоже часто давала очень мудрые советы, несмотря на юный возраст. Я много ей рассказывала о том, как жила до ее появления на свет, как познакомилась с ее папой. И Полина мечтала, чтобы и в ее жизни произошла какая-нибудь необычная романтическая история. Мечты сбываются. У нее произошла очень похожая история, чем-то напоминающее наше с Германом прошлое. Приехал однажды к нам домой один товарищ к мужу по делам, а с ним был молодой человек, приехавший за компанию, Полина им накрыла чай и ушла. А через три дня этот юноша приехал к нам снова, но уже свататься, ведя под уздцы красивого, белого, в серых яблоках жеребца нам в подарок. Полина ему отказала теми же словами, как я когда-то Герману: «Я же тебя не люблю». «Полюбишь», — будто подсмотрев в наше с Германом прошлое произнес жених. Через год, взяв благословение у отца, Полина вышла за него замуж. Сейчас она ждет уже второго малыша и очень счастлива со своим супругом. А мы с удовольствием ездим на этом жеребце по кличке «Каштан». Он оприходовал всех наших кобылок, и у нас уже куча жеребят.

Глава 8

Переезды

...О нашем месте жительства порой никто не знал.

За первые три года мы с Германом сменили 23 места обитания. Это было и много разных съемных квартир в Москве, и таких же съемных домов в Подмосковье. Питер, Комарово и Репино, Америка и много других мест, где мне пришлось обосновываться за эти годы.

Например, жили мы на квартире в Москве, и приезжает к нам телекомпания CNN делать репортаж в домашних условиях. У подъезда образуется чередка иномарок, что еще было редкостью в то время, свет софитов, снимать начинают еще в подъезде, куча любопытствующих соседей выглядывают из разных окон. После съемок Герман уже считал, что там нельзя оставаться, и вечером, после съемок, наша семья уезжала с этого места. Бывало, привезут меня с дочкой на новую съемную квартиру, я ее отдраю, наведу уют, а через неделю Герман говорит, что надо съезжать. И опять я начинаю обустраиваться на новом месте. Так что скучать мне не приходилось, как и обсуждать этот вопрос. Я понимала, что не могу судить о том, насколько эти переезды целесообразны, не обладая информацией, что происходит у Германа на работе, и во всем полагалась на него. А со съемками был такой забавный случай. Чтобы не засвечивать наш настоящий адрес и опять не переезжать, для очередного иностранного репортажа, в тот раз нас должен был снимать телеканал ФРГ, Герман решил провести съемку на квартире знакомых, выдав ее за нашу. Так как я совсем не была знакома с устройством чужой кухни и понятия не имела где что лежит, а мне надо было угощать тележурналистов чаем и все это на камеру, то мне пришлось проявить небывалую для меня находчивость, объясняя, почему я ищу то заварку, то чашки. Муж всегда волновался за нас, поэтому у меня с детьми почти всегда была охрана. Сам же он с охраной никогда не ходил. Когда Полине исполнилось десять месяцев, Герман отправил нас в Америку, это тоже было сделано в целях безопасности, сам он остался работать в Москве, правда, летал ко мне каждую неделю, сейчас я понимаю, как было тяжело так часто менять часовые пояса, но тогда мы над этим не задумывались, главное побыть вместе. Прилетал он чаще всего не более чем на один-два дня, но за это короткое время вся квартира заполнялась цветами. Многие посмеивались над Германом, говоря, что у него паранойя. Но он, наверное, один из немногих занимающихся большим бизнесом,

кто не потерял в те лихие девяностые никого из близких, не погиб ни один его сотрудник.

После Америки была еще череда переездов, один был связан с предательством одного чечена, которого муж считал своим другом и которому очень доверял. Из пастуха, которым тот в прямом смысле был у себя на родине, Герман сделал его очень богатым человеком. Занимал он на бирже должность завхоза, и в его распоряжении был хозяйственный бюджет офиса, причем от него не требовали отчетности о расходах. Большое доверие, которое муж испытывал к этому человеку, стало пропорциональным разочарованию по мере неожиданности от его предательства. И стала хорошим уроком на всю жизнь: друзей-чеченов у него больше не было никогда. И хоть интуиция в отношении этого товарища его подвела, Германа очень выручила привычка всегда обращать внимание даже на незначительные мелочи, которые происходят в его рабочем коллективе, следуя принципу, что «дыма без огня не бывает». И на момент, когда этот чеченский товарищ весь рассыпался в заверениях любви и преданности, по незначительным поступкам с его стороны все же насторожился и на всякий случай вывез нас поздним вечером из дома, в котором мы тогда жили, к своим друзьям, создав снаружи антураж будто мы дома. Надо сказать, что в этот дом мы переехали совсем недавно. Вернувшись из Нью-Йорка, пожив некоторое время опять на съемной квартире, Герман приобрел дом в очень красивом месте Подмосковья. На участке было много яблонь, когда мы въехали в этот дом, стояла осень и плодовые деревья словно полыхали красным пламенем от изобилия на ветках темно-красных яблок. Только обустроившись и порадовавшись, что у меня наконец-то появилось свое жилье, буквально месяца через два после новоселья случается эта неприятная история. Наутро дом, из которого мы так срочно эвакуировались под мои вполне объяснимые причитания, был взорван. Пока Герман регулировал этот вопрос, нас с дочкой переправили в Питер, и это был как раз тот момент, когда даже родители не знали, где мы находимся, так как этот «друг» был очень приближен к нашей семье и знал адреса всех наших близких родственников. Так что на определенное время наше общение с родными было прекращено. Место, куда мы с дочкой вынужденно переехали, было очень красивое, все в высоченных елях, стиль домов больше напоминал финскую деревню, чем Питерскую область. Дом был большой и отапливался семью печками-голландками, и их все приходилось топить, так как переехали мы зимой, это был мой первый опыт жизни с печкой. Со мной в это временное прибежище отправились мой брат

Николай со своей женой и их годовалым сыном и наша верная собака Алиса. Хотя это были месяцы разлуки и переживаний за мужа, я всегда потом с теплотой вспоминало это время, потому что именно в такие моменты проявляется сила чувств, и те короткие и редкие свидания были такими яркими, что компенсировали долгие дни разлуки и тревоги. Прожив там до начала весны, мы переехали в Репино, сняв домик на берегу Финского залива. Здесь тоже было красиво, мне очень нравилось ходить гулять с маленькой Полинкой на залив. На берегу было много больших валунов, и ей доставляло огромное удовольствие по ним лазить. Когда все наконец благополучно закончилось и предатель был обезврежен, мы вернулись обратно к Герману в Москву. И вскоре обустроились на Рублевке. Я была уверена, что переезды в моей жизни закончились. Часто в разговоре с родственниками у меня проскальзывала фраза: «У меня уже не тот возраст, чтобы переезжать, все, я уже отъездила». Но, как говорится, «никогда не говори никогда». Прожив девять лет на Рублевке, я опять пустилась в путь, только семья состояла уже из семи человек, а впереди меня ожидало еще восемь переездов.

Глава 9

«Сердце сердцу весточку шлет»

У нас с Германом часто были моменты, когда мы жили на расстоянии и связаться друг с другом не было возможности, и его приезд тогда становился, с одной стороны, неожиданным, а с другой — я всегда сама чувствовала, когда он приедет, и, как говорится, «предчувствие меня не обмануло». Помню, еще в самом начале нашей совместной жизни Герман поставил себе цель — попасть в Америку. Через американское посольство получить визу не получилось, и тогда муж решил попасть в эту страну через Доминиканскую Республику, в те годы можно было купить туда приглашение у иностранных студентов, подрабатывающих таким образом, что Герман и осуществил с одним из своих товарищей. Сначала они прилетели в Никарагуа, так как прямых рейсов с Доминиканской Республикой тогда не было и ничего нашего вообще в той стране не было: ни посольства, ни консульства. А после того как перебрались в Доминиканскую Республику, на второй день пребывания там потеряли почти все деньги, осталось ровно на один билет обратно. Решили, что обратно должен лететь его друг, и купили ему на последние деньги билет. Товарищ улетел назад в Россию, а Герман остался, и ему пришлось пережить ряд захватывающих приключений, прежде чем он смог вернуться обратно на родину. Но это уже история для его книги.

А я тогда не имела о нем никаких известий. Но в какой-то момент вдруг ощутила, что так хочу, чтобы он приехал, мне уже просто надоело ждать, и я решила, что пора бы ему и возвращаться. Я позвонила в справочную аэропорта и узнала, когда и во сколько прилетает ближайший самолет из Никарагуа. Мне сказали время и дату, о чем я тотчас сообщила Гериным родителям, заявив, что их сын точно прилетит этим рейсом. Они, конечно, не поверили, списав это на мое состояние, я тогда была как раз беременна Полиной. А Герман прилетел именно этим самолетом. Он приехал в обрезанных джинсах, с отросшими, выгоревшими до блондина волосами, держа в руке мне в подарок апельсин, который он захватил из самолета, так как подарки ему купить было не на что, но совсем с пустыми руками он явиться не мог, не его стиль.

Был у нас еще такой период, когда Герман вывез меня с дочкой под Питер, где мы находились несколько месяцев. Связи с ним у меня не было, приезжал он всегда неожиданно, как только

появлялась возможность. Так вот я всегда знала, что он приедет в этот день, мой брат Николай, который со мной там находился, не даст соврать. В день приезда Германа я с утра сообщала брату, что сегодня приедет мой муж. Он вначале смеялся надо мной, а затем, когда это уже повторилось n-ое количество раз, перестал удивляться.

Глава 10

Америка — дубль два

Когда Герман стал миллионером и известным человеком, получение визы для въезда в Америку произошло стремительно. И когда он уже в новом статусе пришел в посольство США снова оформлять визу, его встретил сам консул, отвел в какую-то комнату, напоил Германа кофе, и пока они кофейничали, сотрудница взяла его паспорт, где было три refused и поставила минут за пятнадцать многократную визу, потому что это было уже надо американскому посольству. Именно тогда пришло понимание, что законы, конечно, есть, но они писаны не для всех. Теперь и Герман, и его сотрудники стали летать в Америку без всяких проблем. Муж отправлял туда большое количество людей, целыми бригадами, снимал им там квартиры, так как предпочитал, чтобы даже за границей его сотрудниками в первую очередь были наши соотечественники. Герман был первым русским, открывшим офис на Уолл-Стрит, а так же первым открытым миллионером в России. Поэтому, конечно, к нему было внимание колоссальное: о нем писали американские газеты и журналы, его без конца снимали ведущие западные телеканалы. Четыре года назад, когда Герман создал антикризисный расчетный центр, в основе которого лежали расчеты золотом, и для этого даже были отчеканены настоящие золотые монеты 999 пробы, к нам приехали тележурналисты из Америки, и оказалось, что это те же самые люди, что делали про него репортаж в 90-х. Вот такая встреча двадцать лет спустя.

А в середине 90-х у Германа после феерического шествия по Америке перекрылся туда въезд, он стал для этой страны фигурой нон грата. А произошло это из-за следующего случая. Германа попытался вербовать консул США Дэвид Уиддон. Причем в наглую, за обедом, в ресторане, предложив передавать ему нужную информацию взамен на участие в его бизнесе на их территории. Но Герман не просто далеко отослал его на словах с его предложениями, а на следующий день выложил это все в прессе. Консул был депортирован на Родину, а для мужа поездки в Америку стали закрыты. У меня даже сохранились газетные вырезки, где Герман обличает консула в вербовке, а Дэвид старается сохранить хорошую мину при плохой игре в ответной статье.

Глава 11

Боязнь не успеть

Если Герман приходит к какому-то убеждению, он начинает действовать и не боится рисков, поэтому у него в жизни все, наверное, и получается. По-моему, причина, что большинство людей так мало добиваются в своей жизни, в том, что они боятся что-то поменять и на что-то решиться. Над ними как дамоклов меч висит установка: «А вдруг будет хуже?» У Германа этого нет, он боится не попробовать. Риск потерять деньги, быть непонятым — это его никогда не пугало и не останавливало. Если ему приходит идея, то она быстро принимает практические очертания. Так было и с биржей «Алиса», когда многие друзья его отговаривали, что надо сначала все хорошенько взвесить, проработать механизм действия. У Германа от возникшей идеи создать первую торговую биржу в нашей стране до удара в колокол на первом торге прошло меньше месяца, и он в первый же день заработал свой первый миллион. Я вспоминаю Германа и его тогдашнюю команду, это были люди от 20 до 25 лет, и сейчас, сравнивая с нынешними их ровесниками, вижу, насколько разнятся поколения. У тех ребят из девяностых, которые только все пробовали на себе, не имея представления, как вообще правильно строить бизнес, горели глаза, им было все интересно, они работали по 24 часа в сутки, были дерзки и находчивы. Сейчас, глядя на молодежь, больше видишь потухшие глаза, желание иметь много денег не ради каких-то больших дел, а просто, чтобы «красиво пожить». Причем деньги иметь они хотят, а работать не очень. Даже физически сорокалетние дадут фору молодежи именно из-за внутреннего настроя на победу, на преодоления себя и препятствий. Я не говорю, что это повально, просто в процентном соотношении и в то, и в это время были и есть исключения. А тогда у Германа и его дружной команды, костяком которой было пятеро друзей, работа представляла собой больше захватывающую игру. То они проводили хоккейный турнир под названием «Миллион на льду», приз выигравшей команде выплачивался в размере миллиона рублей сразу после окончания матча прямо на игровом льду под взгляды болельщиков. Создали клуб миллионеров. Начисляли всем пенсионерам Ленинского проспекта надбавку к пенсии, район был выбран в связи с нахождением там их биржи, продолжалась эта акция достаточно длительное время. То они объявляли себя Государством в Государстве со своей армией и своими деньгами,

названными «алисками». Причем армией выступала рота спецназовцев «Витязь», полностью перешедшая на работу к Герману во главе с командиром. Муж был первый, кто ввел на российские телеканалы обращение «господа», вместо привычного и обязательного «товарищ», поставив рекламу своей биржи со словами «Удачи Вам, господа!» Сейчас даже в это трудно поверить, что в те времена, чтобы пробить такое приветствие, Герману пришлось дать большую взятку ответственным за цензуру на телевидении людям. Потом Герман воссоздал забытые в коммунистические времена дворянские собрания. Для того чтобы попасть туда, надо было поднимать архивы, подтверждающие твое происхождение. Так у людей просыпался интерес к своим корням. Проходили заседания всегда очень красиво и интересно. В какое-то время Герман увлекся поисками библиотеки Ивана Грозного. Даже уговорил Юрия Лужкова содействовать поискам. Изучая этот вопрос, он открыл для себя, как была перевернута история того времени, как из последнего православного царя сделали самодура. Изучая первоисточники, сразу бросалось в глаза, как топорно фальсифицировалась история. Сюжет про убийство Иваном Грозным своего сына был настолько неуклюже слепок, что развалился при первом внимательном изучении первоисточников. Было много всего, сейчас и не вспомнишь все, сколько тогда они напридумывали и попробовали воплотить в жизнь. Мужу было всего двадцать пять лет, когда Силаев, занимавший пост премьер-министра в начале 90-х, за круглым столом в прямом эфире, темой которого было «развитие бизнеса в современных условиях», предложил ему возглавить созданный кабинет министерства по развитию бизнеса. Герман тогда отказался от этого предложения, потом, правда, жалел, что по молодости так опрометчиво и недальновидно поступил. У Германа желание стать миллионером было чуть ли не с рождения, иногда мне кажется, что он с этим просто родился. Причем это было вызвано не желанием иметь много денег, иметь много разных дорогих вещей. Вещи его никогда не интересовали. Он спокойно мог подарить кому-нибудь из знакомых приглянувшуюся на нем вещь. Его гардеробом до женитьбы занималась мама и все время сетовала, что он небрежно относится к одежде, вещи периодически куда-то исчезали. Уже будучи миллионером, помню, мы зашли в какой-то дорогой магазин, а продавец, глядя на Германа, говорит: «Вы знаете, у нас очень дорогой магазин», потому что по внешнему виду на обеспеченного человека в обыденной жизни Герман не тянул. Конечно, когда появились большие деньги, он покупал и замки во Франции, был и парк машин для сотрудников своего

офиса, так как все это требовали «правила игры», но, как правило, этим пользовались другие. Ему некогда было отдыхать, он все время что-то придумывал, и ему хотелось это реализовать. Вот именно для реализации своих проектов, которые целым роем вертелись у него в голове, ему нужны были большие деньги. Когда все, кто под ним работал, уже купили квартиры, дома, мы купили себе жилье самые последние. Мы так и не обставили до конца дом на Рублевке, потому что ему некогда было этим заниматься. Ведь большие деньги могут дать человеку относительную свободу, жить как хочешь, делать интересные дела, помогать людям, поддерживать интересные идеи или наоборот сделать тебя своим рабом, и ты посвятишь жизнь подсчету своих доходов и расходов, и гонкам, чтобы иметь всего больше и выглядеть все «круче». И в зависимости от того, что у тебя стоит во главе угла, деньги могут стать или наградой, или бедой. Для Германа деньги это прежде всего инструмент, а не получение удовольствия от их количества, поэтому они у нас долго не задерживаются, но зато и не закрепощают. Герман по природе трудоголик, он не может просто ничего не делать, поэтому мы никогда не ездили на отдых, в смысле поехать покупаться, погреться на солнышке. Герман много ездил по миру, но поездки всегда были связаны с делами, этому он приучил и детей не тратить время попусту. Мужу жалко тратить бессмысленно время, он все время боится что-то не успеть сделать. Поэтому он очень любит утро. Начался новый день, можно будет совершить что-то полезное, новое, а вечер навевает на него грусть, что день прошел, а он так мало успел сделать, в отличие от меня. Я люблю больше вечер, день прошел, ничего плохого не произошло — и Слава Богу, дети спят, в доме наступает наконец-то тишина, и эти поздние вечерние часы то время, которое принадлежит только мне, и, обходя «сопящее» во сне свое семейство, я понимаю, что день прошел не зря.

Глава 12

Звонок

Герман нас перевез в Америку, когда стал уже известным в России человеком, открытым миллионером. Времена, конечно, были такие, что приходилось заботиться о нашей безопасности.

У Германа были офисы и в Англии, в Лондоне, и в Америке, в Нью-Йорке, в Вашингтоне. Мы сначала хотели поехать в Англию, но, во-первых, там был полугодовой период карантина для собаки, той самой Алисы, именем которой была названа биржа. А тогда мы как большинство и сегодняшних наших сограждан жили под девизом: «собака друг человека». Поэтому расставаться на большой срок с Алисой не захотели. Это сейчас уже понимаем, какая это дурь очеловечивать животное. Недаром говорится: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так что относясь так к собаке, мы сами оскотиниваемся. У нас уже в каждом подъезде детей живет меньше, чем собак. А во-вторых, все же безопаснее всего Герману казалась Америка, и он нас с Пелагеей вывез в Нью-Йорк, несмотря на почти девятичасовой перелет. Дочке тогда было около годика.

Мы жили в Бэттери Парк Сити, на Манхэттене, напротив Статуи Свободы. У Германа там было несколько квартир, в одной жила наша семья, другие были для того чтобы там могли останавливаться многочисленные знакомые, приезжающие к нам просто в гости или по делам. Герман никогда долго жилье не искал, потому что времени никогда ни на что у него не хватало. Просто, где самое лучшее, там и приобретал, так как средства позволяли, а способности экономить он лишен напрочь. Нью-Йорк мне сразу показался неудобным городом, обилие ранее мной не виденных небоскребов не впечатляло меня. А скорее, наоборот, давили своей монументальностью. Поражало обилие продуктов в магазине, я выезжала из той еще Москвы, где продукты были большим дефицитом и прилавки магазина поржали своей скудностью и однообразием ассортимента. Но вкус продуктов очень отличался от привычной, хоть с трудом и доставаемой в Москве снеди. Сейчас у нас уже не отличается вкус еды, она также напичкана химией, как и во всем мире. Очень скучала там по нашему черному хлебу, когда кто-нибудь летел в Нью-Йорк из Москвы, всегда просила захватить мне кирпичик ржаного хлеба. Вначале, когда я прилетела в Америку, должна была там остаться с женой его брата как бы под присмотром, так как, в отличие от невестки, не знала английский язык, первый раз очутилась за

границей, да еще с маленьким ребенком. Но у нее изменились планы, и она, не сообщив Герману, вылетела в Москву. И вот звонит мне Герман в Америку утром из Москвы: «Как ты там с невесткой?» Я говорю: «Она улетела в Москву». Это известие его удивило. А на следующее утро очень рано раздается звонок по телефону, и он говорит: «Плохо слышно, сейчас я тебе перезвоню». Я кладу трубку и жду, что он сейчас перезвонит, но раздается звонок в дверь, открываю, а там Герман с цветами. Он никогда не оставлял меня наедине с какой-нибудь проблемой, всегда делал так, чтобы кто-то рядом со мной был, если мне нужна была помощь, всегда был ко мне очень внимателен.

Глава 13

Лихие 90-е

Словосочетание «лихие девяностые» — стало уже крылатой фразой. Ее можно расшифровать и как восхищение чем-то захватывающим, новым, с налетом романтики и авантюризма, и как порицание, как кровавые, преступные, с пошлыми малиновыми пиджаками годы. У каждого свои ассоциации. Для кого-то это было крушением привычного образа жизни, когда вдруг интеллигент не в первом поколении с высшим образованием становился «челночником» и продавцом на рынке. Для кого-то это был период, когда стало возможным проявить свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал, получить доступ к знаниям, которые раньше были недоступны из-за безжалостной цензуры практически на все мало-мальски значимое. Наше поколение родилось при Брежневе, в так называемые «застойные» времена, мы собирали макулатуру, металлолом, играли в «зарницу» и верили, что Леонид Ильич живет всех живых. Помню, когда умер Брежнев, я тогда училась в девятом классе, нас, всех школьников, отпустили с уроков домой, в стране был объявлен траур, а по телевизору транслировали «Лебединое озеро». В тот день, где бы ты ни находился: в магазине, в пирожковой или просто на улице — везде обсуждалась эта весть в контексте: «Что же теперь будет?» Привычка — дело близкое к суеверию, все-таки восемнадцать лет, это большой срок, и когда на Новый год поздравление по телевизору под бой курантов слышишь уже от другого «фольклорного элемента», это сродни черной кошке, перебежавшей дорогу. Затем «Лебединое озеро» транслировалось уже намного чаще, примерно каждый год, так как «новые генсеки» по состоянию здоровья скоростно покидали бранный мир. А потом началась так называемая «перестройка». С этим историческим событием я уже столкнулась на последнем курсе института. Чем оно мне запомнилось? Прежде всего быстрым перестроечным настроением так называемых комсомольских активистов нашего Полиграфического института. Еще те, кто год назад чуть ли не настояли, чтобы меня исключили из вуза, крича на комсомольском собрании, что я позорю звание комсомольца, пропустив два дня работ на «картошке» без медицинской справки, подтверждающей мое плохое самочувствие, заступился за меня, правда, тогда весь курс, теперь выступали ярыми обличителями «комсомольской крамолы». Запомнились талоны на водку и

сигареты, которые можно было поменять на что-нибудь вкусное, тоже выдаваемое по талонам. Какое-то время можно было немного представить отдаленное военное «талончиковое» прошлое. И, конечно, как на дрожжах растущее кооперативное движение. Через год после перестройки больше половины всех моих знакомых организовали свои индивидуальные предприятия. Правда, прибыльными из них были только единицы. А мне девяностые подарили встречу с Германом, которому по складу характера и врожденному в хорошем смысле этого слова авантюризму очень подходили эти годы по надвигающимся новостроечным законам, чем-то напоминающие «дикий запад».

Любое время, носящее в себе что-то новое и в какой-то мере революционное всегда является испытанием для людей, выявляет их сильные и слабые стороны, умение держать удар и противостоять искушениям. В это время Герман потерял двух своих самых близких друзей. Один был школьным товарищем Пашей Немцевым. Дружили они еще, как говорится, со школьной скамьи, Пашка был на класс младше, но участвовал во всех Стерлиговских затеях, на которые он и в подростковом возрасте был мастер. Так вот для Павла девяностые годы стали роковыми в его жизни... Наркомания в советские годы была малоизвестным явлением. Зато в перестроечные годы быстро и уверенно стала распространяться среди молодежи. Когда Герман узнал о новых пристрастиях своего старого друга, он приложил немало сил, что бы вытащить его из этого омута. Это сейчас Герман уже понимает, для того чтобы избавиться от наркомании, как от беды, которая уносит уже миллионы наших детей, есть только одно средство — расстрел. Причем, как и для распространителя этой «химеры», так и для самого наркомана. Ведь человек, употребляющий наркотики, обязательно подсадит еще кого-нибудь из своих знакомых, будет тем примером, который увлечет за собой еще одну очередную жертву, а для матери именно тот, кто непосредственно и подсадил твоего ребенка на иглу, и является убийцей. Только страх перед казнью может уберечь от желания попробовать, потом уже, когда человек одурманивается этой дрянью, выхода из этой западни нет. А тогда наивно веря, что наркомана можно спасти, веря и еще благодаря таким псевдо избавителям-врачам, внушающих, что наркомания — это болезнь и ее можно вылечить, тем самым выступая в роли провокатора, внушая человеку: «Попробуй, будет невмоготу — поможем, ведь это просто заболевание от него вылечивают». Герман пытался спасти своего друга. Его помещали и в специальную больницу, и вывозили в горы, где держали с охраной, чтобы он был под присмотром и не смог выйти и добыть себе наркотик, и

одновременно нагружали здоровой физической нагрузкой, надеясь, что горный воздух и бесконечные силовые упражнения вытравят пристрастие к дурману. Но ничего не помогло. Немцев умер в возрасте двадцати восьми лет от диагноза СПИД, выразившийся туберкулезом, который стал вытекающим состоянием из-за употребления наркотиков.

Второй друг был армейский. Александр Доронин, с ним Герман проходил службу в железнодорожных войсках Монголии. Был он внушительных размеров и с таким же колоритным голосом и своеобразной речью. За грубой специфичной манерой выражаться стоял романтик. Он всегда верил в те картины будущего, которые рисовал перед ним Герман, они, кстати, все осуществились, выполнял его поручения, как говорится, не задумываясь. Очень трогательно относился к своей маме. Когда после создания биржи «Алисы» на него обрушились деньги, он первым делом обеспечил комфортную жизнь своим родителям. Часто он осуществлял мою охрану при разных перемещениях ввиду неожиданных поворотов судьбы. Помню, когда в очередной раз он перевозил меня на новое место пребывания, это было летом, на обочине дороги стояли бабушки, продававшие цветы. Одна торговала полевыми ромашками, Сашка остановился, скупил у нее все ромашки и преподнес мне. Так мы и ехали в машине, салон который почти полностью заполнили полевые цветы. Он очень любил скорость, благодаря чему ему пришлось заменить немалое количество машин, на которых он так недальновидно лихачил. В конце концов к тридцати годам Доронин сделал вывод, что он не хочет погибнуть за рулем, и изменил стиль вождения. Но погиб он не от автомобиля, а от пули. Уже всю отгремела «Алиса», Александр жил в собственной квартире в сталинской высотке на Баррикадной, которую ему подарил Герман на один из дней рождения. Герман реализовывал новые проекты. В какой-то момент Шурик тоже не выдержал искушений, предлагаемых жизнью. Связался с людьми определенного круга, употребляющих наркоту, сам потихонечку подсел на эту дрянь. Полностью откололся от коллектива. А через год, одним ранним осенним утром, для него все закончилось. Заехал он за своим новоиспеченным товарищем домой. Выходя уже из квартиры, они направились к лифту, здесь их и встретил киллер. Первая автоматная очередь пришлась на Шурика. Ему было тридцать два года, когда так нелепо оборвалась его жизнь.

Глава 14

Благотворительность

Когда появляются большие деньги, сначала ты балуешь близких, тратишь на свои нужды, но все равно понимаешь, что грех не поделиться еще с кем-то, кто в этом нуждается. Кажется, что в этом нет ничего трудного. Столько нуждающихся. Но опять, увы — очередная ловушка. Сначала Герман поддерживал пенсионеров, бедных старушек. Но когда пришли к вере и началось хоть незначительное, но все-таки хоть какое-то просветление мозгов, то вдруг отчетливо пришло понимание, что вся беда этих старушек в девяноста девяти случаев в том, что они когда-то в молодости убили абортами своих детей. И теперь эти неродившиеся дети им аукаются. Ведь именно те неродившиеся дочка или сын, ими убитые в далекой юности, может быть, были бы тем и кормильцами и хранителями их благополучной старости. То же самое случилось и с детскими домами, куда Герман сначала по той же наивности пустился жертвовать деньги. Потом опять пелена с глаза стала медленно сползать. Попадая в детский дом, дети обречены. Это и детская проституция, и продажа на органы, и на всякие непотребные дела. Давая деньги в детский дом, ты соответственно поддерживаешь все те преступления против ребенка, которые там сто процентов совершаются, и становишься, таким образом, их соучастником. И единственная помощь этим домам — это ликвидация детских домов как таковых и раздача всех сирот по семьям. Поэтому пройдя все эти этапы, отчетливо понимаешь, что помогать можно только точно, отдельным семьям, одиноким людям.

Глава 15

На удивление Ротшильдам

Когда мы жили в Нью-Йорке, Германа приняли в «ай пи о» — это такой всемирный клуб миллионеров. Мы полетели на Гавайи, где собрались члены клуба-миллиардеры со своими женами. Мы были самыми молодыми. Герману было 24, мне на год меньше.

Это было в январе месяце, и, вылетая из зимнего Нью-Йорка, мы через десять часов лету оказались на острове, где вечная весна. Большой гостиничный комплекс, стоящий на берегу океана, был специально построен одним из членов клуба для проведения подобных мероприятий, поражал своей роскошью и масштабами. Из окон нашего номера можно было видеть выпрыгивающих из воды дельфинов, и красивые парусники, и яхты, дефилирующие в голубой дали.

Специально для этой поездки Герман накупил мне очень дорогой и красивой одежды. И когда мы приехали на этот олигархический слет, никто не верил, что я из России. Ведь по телевизору в ту пору в Америке русских показывали такими дурнями в шапках-ушанках со звездами во лбу, лазающих по помойки. Когда приехав в Нью-Йорк, в новостных лентах по телевизору я увидела подобный сюжет, никак не могла понять, какого уровня должно было быть сознание, чтобы этому верить. Живя в ту пору разделенными железным занавесом, у россиян было более правдивое представление об Америке, чем у них о нас. Образ России и русских был настолько ужасен, что ни у кого не было и мысли, что в России могут так красиво и так дорого одеваться.

Спасибо моей маме, что с детства она мне привила чувство меры в выборе одежды. У мамы было три постулата как выглядеть хорошо, которые она мне внушала: первое — лучше быть одетой бедно, но со вкусом, чем дорого, но безвкусно, второе — если носишь драгоценности, то только настоящие, подделку не носи, лучше быть просто без украшений, и третье — красятся только некрасивые. Считать себя красивой хотелось, так что косметикой я не пользовалась. На Гавайях я убедилась в маминой правоте. Так что мамина школа и Герины деньги сделали свое дело, Россия не упала в «грязь лицом».

В отличие от наших новоиспеченных «новых русских», старавшихся заявить о своем благосостоянии кричащей одеждой, массивными украшениями и раскраской сродни матрешки, западные уже не в первом поколении воротилы не будут

навешивать на себя блестящую мишуру. Иногда только по какой-то незначительной детали можно понять, что перед тобой очень состоятельный человек.

У Германа хорошее чувство стиля, и он старается привить хороший вкус и детям, тщательно отбирая им одежду, чтобы не было ни жутких рисунков, ни иностранных надписей. Так что не было в жизни Германа всех этих розовых, красных и малиновых пиджаков. И он очень хорошо вписался в общество американских и прочих богатеев. Его уверенность в себе, напористость, фонтанирование идеями привлекли к Герману людей того круга, он познакомился и с Ротшильдами, и со многими другими влиятельными людьми.

Программа на Гавайях была рассчитана на десять дней, и почти каждый час в сутках был расписан, чем он будет занят, и в какой одежде надо быть. Был там, предположим, день, посвященный Востоку, и все должны были прийти в одежде с восточными мотивами, в день, посвященный спорту, соответственно был спортивный стиль одежды. В один из вечеров столы были накрыты на берегу океана, предписывалось быть в белом, кругом все было украшено белыми шарами и букетами из разнообразных белых цветов. Было очень красиво. Последний день завершал бал, на котором нужно было присутствовать в вечернем наряде. Перед началом бала была демонстрация фильма о прошедших днях слета. Несколько операторов постоянно снимали все происходящее и потом смонтировали самые интересные эпизоды, так что все участники слета попали в фильм. Потом кассету с фильмом подарили всем гостям этого мероприятия. В программу входил также выход в океан на яхте, с которой можно было половить рыбу, Герман там поймал здорового голубого марлина, был там и полет на вертолете без дверей над многочисленными водопадами, изобилующими на этом острове. Но на вертолете прокатиться мне не удалось и вот по какой причине. В середине этого слета Герману срочно нужно было отлучиться в Нью-Йорк по неотложным обстоятельствам. А я осталась на Гавайях, и как раз в его отсутствие должен был быть полет над водопадами. И вот звонит мне накануне мероприятия Герман и говорит: «Я тебе не разрешаю лететь, вдруг ты выпадешь». И я не полетела. Как ни странно, Герман, который сам обладает очень рискованым характером по жизни, всегда переживал за меня, как за маленького ребенка. Хотя мы, можно сказать, почти ровесники, мне всегда казалось, что он меня намного старше.

Когда Герман уезжал в Россию, я ходила на курсы языка, а в остальном практически ни с кем не общалась. Я ведь сидела с

ребенком. Мы с Пелагеей ходили гулять в парк на берегу реки Гудзон, напротив статуи Свободы, смотрели, как там прыгают белочки, заходили в кафе. Если приезжал Герман, то мы с ним куда-нибудь выбирались. При всей комфортности жизни в Америке мне там было неуютно: слишком там все озабочены деньгами. Все-таки наше поколение выросло на кухнях, на ночных разговорах, на духовных исканиях, на какой-то теплоте отношений. Попав в Америку, ты видишь эти холодные улыбки, поверхностные отношения и чувствуешь, что на самом деле там люди друг другу «по барабану». Это, конечно, не наше, мне так жить тяжело. Главное, на что там обращают внимание, — это как ты выглядишь, нужно, чтоб у тебя каждый день была новая блузка, новая заколка. Все по протоколу, ничего личного. У нас обхвоят, так обхвоят, обнимут так обнимут, но отношения искренние, по крайней мере так было раньше, теперь это и у нас все больше, к сожалению, уходит в прошлое.

Преступность в Нью-Йорке тогда была ужасной. Теперь и в России так же. Когда ко мне приехал брат, его сразу ограбили. В метро после десяти часов вечера можно было уже и не садиться, точно влипнешь в какую-нибудь неприятную историю.

В Нью-Йорке мы с дочкой прожили около двух лет. Я скучала по родным, у меня уже за время моего отсутствия успел появиться племянник в России, которого я еще так и не видела, и при первой возможности, когда я почувствовала, что Герман может сдаться, я сказала ему, что мне очень хочется вернуться на родину, и он меня забрал в Россию.

Глава 16

Реклама

Герман был первым, кто проплатил коммерческую рекламу на телевидении. И целый год зевающая пасть кавказской овчарки появлялась перед программой «Время», главной новостной программы тех лет, рекламируя биржу «Алиса». Еще одной запомнившейся на долгие годы рекламой была реклама гробов. Слоганы типа: «Вы поместитесь в наши гробики без диеты и аэробики», «Куда спешишь ты, колобок? Спешу купить себе гробок», украшали многие рекламные щиты центра Москвы. А цветное табло на ленинградском шоссе в виде внезапно появляющегося и летящего будто прямо на вас красного гроба, сопровождающегося надписью: «Это твой гроб. Он уже ждет тебя в нашей конторе. Гробовая контора братьев Стерлиговых», чуть не стало причиной многих аварий ошарашенных увиденным водителей. Реклама, правда, продержалась недолго, была запрещена Юрием Лужковым по многочисленным просьбам морально травмированных москвичей. Это, наверно, была единственная запрещенная реклама в Москве. И хоть продержалась она всего несколько недель, вспоминают ее многие еще до сих пор. У Германа, конечно, никакой конторы, занимающейся гробами, и в помине не было. Просто он уже решил готовиться к участию в президентских выборах, и для того чтобы освежить память о своей персоне после нескольких лет отсутствия в информационном поле, выбрал такой нестандартный ход. Реклама «гробовой конторы» справилась с этим на все сто процентов. Он даже напечатал визитки, представляющие собой открывающийся гробик с веселым названием на крышке: «Все дороги ведут к нам. Гробовая контора братьев Стерлиговых». Но очень часто, когда ему приходилось обмениваться визитками, люди просили записать его координаты на листочке, а брать визитку почему-то побаивались. Наш сосед по Рублевке, когда Герман уже участвовал в выборах в Красноярске, которые были первой частью президентской компании, зашел ко мне и попросил, чтобы мы ему продали гроб, у него погиб друг в автокатастрофе и ему очень хотелось похоронить его в гробу из «конторы братьев Стерлиговых». Пришлось выдумывать, что последняя партия гробов из кедра вся распродана, а следующая будет только через два месяца. В течение еще долгого времени за Германом тянулось название «гробовщик». Этим титулом его представляли, когда он шел на

президентские выборы. Появилась «гробовая» тема из-за одного разговора Германа со своим товарищем Тимкиным, большим специалистом по Ближнему Востоку. Обсуждали они тему вторжения американцев в Ирак. И Герман предложил написать правительству США письмо с предложением им закупить у нас пятьдесят тысяч гробов из душистого кедра, чтобы им было бы в чем хоронить своих погибших в военных действиях солдат. Письмо они написали и отправили, но никакой реакции ни от президента, ни от конгресса не было. Тогда они отослали письмо Садам Хусейну, предложив уже ему сделать жест доброй воли и закупить пятьдесят тысяч качественных гробов для американских солдат, в которых не стыдно было бы отправить погибших на их дальнюю родину за океан. Садаму идея понравилась, предложение от российской мифической гробовой конторы братьев Стерлиговых транслировала Альджазира и всевозможные СМИ Ирака и других государств. Появилось это и в российской и американской прессе. Вопрос принятия решения о вторжении в Ирак обсуждался в американском конгрессе, и, как рассказывал нам друг семьи генерал Ганеев, Буш был в ярости из-за того, что обсуждение в Конгрессе о вторжении в Ирак затянулось на три дня, со всеми этими «гробовыми» обсуждениями американских потерь, подсчитанных в Москве. Из-за всей этой шумихи вторжение в Ирак было на некоторое время задержано. Муж был доволен, хотя наше министерство иностранных дел помешало развитию так хорошо начатой им инициативы. А во-вторых, гробовая тема вертелась в голове из-за нового отношения к жизни, к которому он пришел через православную веру. Через эту рекламу Герман, кроме сразу привлекающего внимания, еще хотел донести выражение «помни о смерти и никогда не согрешишь». Почему-то развратную рекламу или пропаганду пива и сигарет под видом рекламы, калечащую молодое поколение, вешать можно, а рекламу товара, который сто процентов рано или поздно понадобится и не содержит в себе ничего безнравственного — нельзя.

Вообще Герман использовал оплачиваемую им рекламу только вначале, когда создавал биржу «Алиса», развешивая рекламу со слоганами про гробы. А затем он всегда так преподносил идею, что журналисты сами слетались к нему на интервью и потом тиражировали ее в народ.

Глава 17

«Уйдет или ОН или Я»

У нас с Германом несколько раз кардинально менялась жизнь: сначала Рублевка, потом попадание в МП, потом лес и православие. Я была и светской львицей, и крестьянкой, и чуть ли не монахиней. И каждый раз, естественно, нужно было перестраиваться. С этим были связаны и разные смешные случаи, и непонимание, и даже скандалы.

Когда Герман понимает, что нужно коренным образом изменить жизнь, в нем сразу все перестраивается и оформляется в четкую линию. А мне от чего-то бывает отказаться сложнее, я ведь консервативнее, как большинство женщин. Например, когда я была неверующей, то часто носила, как и все, джинсы. Вообще штаны, был предпочтительный для меня вид одежды. А Герман, когда пришел к вере, сразу сказал: «Ты не будешь больше ходить в штанах». «Как это так, — подумала я, — почему? Какая связь между верой и штанами, что в этом такого?» Но Герман взял, сложил возле нашего дома на Рублевке костер из моих штанов и сжег их дотла. А потом и говорит: «Поехали в магазин, накупим теперь красивых платьев». Прошло какое-то время, и я сама поняла, насколько женщина и штаны несовместимые вещи. Насколько изящнее женщина смотрится в платьях, и какое это дает разнообразие в твоём внешнем виде. Одежда очень определяет и походку, и манеру поведения. Ведь юбка, платье — это только женский вид одежды, это то, что в очередной раз подчеркивает нашу с мужчинами разную природу, разное внутреннее устройство. Пришло и полное понимание слов, сказанных в Евангелие, что «будет проклята женщина, носящая мужскую одежду».

Потом он как-то пришел и сказал, что у нас в доме не будет телевизора. Я как раз сидела на кухне, смотрела «культовый» и бесконечный сериал «Санта Барбара» — была обычная дура, как и все, жила выдуманной жизнью актеров. У тебя целая жизнь своя, настоящая, ее надо прочувствовать, ее надо прожить, а ты вместо этого тратишь время совершенно бессмысленно на чужую жизнь, живешь кем-то другим. Сейчас я понимаю, что это болезнь, но муж понял это быстрее. Он подошел к телевизору и сказал: «Уйдет или он, или я». Я ответила: «Ну, ладно, уходи», не придав словам мужа серьезности... Муж вышел, минут пять посидел в машине, потом вернулся и говорит: «Нет, все же уйдет он». И телевизор вылетел из нашего дома. Но он забыл, что у нас был

еще один маленький телевизор, и я его быстренько припрятала, пока муж еще на него не наткнулся. Герман приходил поздно, и, когда дети уже спали, я тайком вытаскивала телевизор и включала что-нибудь посмотреть. Женщина — хитрое существо, и если мы не можем идти напролом, то всегда ищем лазейки. Однажды я в очередной раз достала его контрабандой, уютно устроившись перед голубым экраном, и вдруг вместо приятного времяпрепровождения, которое я хотела получить от общения с этим ящиком, ощутила ужас, почувствовала, как будто за моей спиной что-то стоит, меня сковал какой-то до сих пор не ведомый мне страх, но я никак не могла заставить себя повернуть голову назад, чтобы посмотреть, что так меня напугало. Мы тогда уже стали приходить к вере, и мне сразу стало понятно вся духовная подоплека происходящего. Я выключила телевизор и перекрестилась. Чувство страха стало отступать. То, что телевизор — это такая бесовщина, такая муть, для меня стало очевидно, так же, как дважды два равняется четырем, и этот маленький телевизор я уже выбросила сама. Герман тогда так и не узнал об этой контрабанде.

Глава 18

Не живите чужой жизнью

Почему я не смотрю кинофильмы? Самый короткий и емкий ответ был бы: «Просто потому, что фильмы — это грех». А если поподробнее, ведь просмотр фильма не имеет никакого смысла прежде всего потому, что актеры играют людей, которыми на самом деле не являются. Большинство актеров — люди не очень приятные, не самые, мягко говоря, нравственные, много среди них, если не большинство, просто извращенцев. А корчат они из себя героев, в которых зритель верит, которых ставит на пьедестал и которым подражает. Миллионы женщин, которые смотрят сериалы, живут чужой жизнью. Где-нибудь в очереди или на работе они обсуждают, женится ли их любимый герой или нет, помрет он или нет. И такое ощущение, что ты находишься в театре абсурда. Так и хочется сказать этим женщинам: «У вас же своя жизнь! Ваша, собственная! Пока вы живете жизнью вымышленных героев, у вас нет времени переживать свою! А ваша жизнь, она такая короткая, уделите это время лучше вашим близким». Я совсем недавно выходила замуж — и вот я уже понимаю, что значит быть бабушкой. Если вы умеете сделать вашу собственную жизнь интересной, насыщенной, вам не нужна чужая и вам не нужны никакие художественные фильмы.

Кинофильмы страшны еще и потому, что жизнь там показывается в концентрате, она вся состоит из интересных моментов, и когда ты смотришь кино, то думаешь, что и в жизни тоже так. А в реальной жизни так не бывает, она случается и серой, и монотонной, и не каждый миг ее необыкновенный праздник. Несоответствие того, что ты видишь в кино, тому, что есть в обычной жизни, вызывает внутри дисбаланс, приводит к какой-то душевной тоске, к неудовлетворенности. Люди становятся очень несчастными, ищут то, чего нет на самом деле. Поэтому фильмы — это страшное зло! Часто общаясь с мужем или подругой, у тебя вдруг проскальзывает высказывание, услышанное в каком-то фильме. Иногда, если ты будешь внимательна к себе, заметишь, что и поведение и мимика, подражает какой-нибудь киногероине. Благодаря просмотру кинофильмов теряется индивидуальность и именно твое ощущение мира реальности. Фильм — это страшная замануха, ведь когда ты смотришь кино, ты абстрагируешься, уходишь из реального мира, расслабляешься, перестаешь думать о своей жизни и думаешь о другой, и какой-то больной человек может

вселить тебе в голову свое мировоззрение. Это будет очень красиво, увлекательно, ты при этом будешь отдыхать. А телевидение еще сильнее, под его влиянием люди принимают решения, которыми напрямую наносят себе ущерб. А потом спрашивают себя: «Как же мы могли так поступить?» На удочку телевидения попадают все, даже те, кто думают: «Меня это не коснется, я же умный человек и понимаю, какое оно оказывает воздействие». Ерунда — попадают все без исключения, кто-то на одно, кто-то — на другое.

Сколько у меня знакомых женщин, которые сейчас, в моем возрасте, разрушили семью, посмотревшись сериалов. Они думают, что найдут что-то лучшее, как показано в кино, и уходят от своих мужей. Людям дают стереотипы поведения, по которым они одинаково живут, одинаково мыслят, одинаково общаются с мужьями. Идет сериал про развод — и можно с гарантией сказать, что после него появится еще больше разведенных. Из кинофильмов женщины в основном черпают стиль одежды, прическу, и на улицу выходят такие похожие создания, а личность, изюминка в женщине пропадают. Кино — большая обманка, и не надо показывать пример детям, чтобы и они тратили на это свою жизнь. Хороших и плохих фильмов не бывает — они все одинаковые. Даже те, которые якобы учат чему-то хорошему, содержат и что-то плохое, и это плохое в итоге окажет большее воздействие, чем та крупница хорошего, которая может в этом фильме содержаться.

Глава 19

Вранье и дурные фантазии

Художественная литература — такая же ловушка. В юности я прочла очень много книг. Мама собрала шикарную библиотеку, ведь она была по образованию учительницей русского и литературы, и книги были ее самым любимым занятием. На наших книжных полках красовались полные собрания сочинений почти всех русских и зарубежных классиков. И я зачитывалась Толстым, Гоголем, Островским, Драйзером, Золя и далее по списку. Я брала первый том и читала очередного писателя от первого до последнего тома. Но когда я повзрослела, то пришла к выводу, что не стоит восхищаться этими романами и тратить на это отпущенное тебе время. Большинство восхищаются Анной Карениной, но эта женщина разрушила семью, и не только свою семью, предала своего сына, испортила жизнь своему любовнику, и закончила жизнь самоубийством. А ее превозносили как идеал женщины для многих поколений! Каренина изводит себя мучительной ревностью, но нигде в романе особо не порицается то, что она уходит. Сами подробные описания ее страданий, ее мучений делают их благородными. Вызывают к ней чувство участия и симпатии. Написан роман красиво, изящно, что делает его еще опаснее. Толстой, наверное, один из первых, кто так талантливо перевернул грех чуть ли в не добродетель, открыто и красочно смакуя измену, наверно, один из самых мерзких нравственных поступков. Если раньше женщину, решившуюся изменить мужу, просто считали изгоем для общества, то после романа Толстого талантливо открывшегося эту тему и поддержавших его начинание других литераторов, измена жены все больше одобрялась в обществе, дамы, зачитывавшиеся романами, примеряли прочитанное на себя, а потом претворяли и в жизнь. И пропорционально этому росло число разводов. Результат, как говорится, налицо, сейчас уже на сто браков восемьдесят разводов. Стали ли от этого счастливее сами женщины?

А в произведениях Достоевского, сюжеты которых зачастую писались по полицейским протоколам, по материалам уголовных дел, возникает угнетающий, страшный образ России с психически больным населением. «Преступление и наказание» — это идеальный рассказ маньяка, который убил старушку. В книге описан маньяк, который приходит в себя — но так не бывает, маньяк не придет в себя никогда, это все вранье и фантазии

Достоевского. Это шизофреник, больной человек, они не вылечиваются. Об этом вам скажет любой врач. Достоевского можно понять — он сам был азартный игрок, сам был болен шизофренией, вел отвратительную личную жизнь. Но причем здесь читатели. Разговаривая с «интеллектуальными» дамами, слышишь от них: «Но как же князь Мышкин из произведения Достоевского «Идиот», какая глубина души». В ответ так и хочется сказать: «А вы поживите с таким «идиотом», я бы на вас посмотрела». Такой тонкий князь Мышкин больше годен на роль извращенца, чем на роль мужчины. Он был бы идеальной подружкой для восхищающихся этим персонажем дам, но не главой семьи. Лев Толстой был жуткий развратник, не говоря уже о том, что он был страшный кошунник, бросивший вызов Богу. У Тургенева в романах женщина доминирует, он очень переживал оттого, что у него была деспотичная мать. И это оставило в нем след на всю жизнь. Он писал в своих письмах, что ему нравится, когда женщина наступает ему на горло каблуком. И это состояние он протащил через все свои романы. Во всех его произведениях описаны сильные женщины героини и слабовольные мужчины. Женщины, восхищающиеся произведениями Тургенева, не ропщите тогда, что все тащите на себе, а ваш муж заливает свою несостоятельность горькой настойкой, ведь это так поэтично, об этом и писал классик. И так можно рассмотреть каждое художественное произведение. Писатели художественной литературы все в каком-то роде — больные люди, и свои больные фантазии несли в литературу, а мы вздохнули и считали, что так надо жить! С этой литературы и началось нарушение всех семейных устоев. Именно этих писателей превозносил Ленин, их читала интеллигенция, которая была в первых рядах в расшатывании монархии.

Тогда публика была поизящнее, поэтому писатели писали хорошим слогом. Сегодняшняя литература попошлее, потому что и люди стали пошлее, примитивнее. Но суть одна и та же, просто сегодня маньяков покровавее опишут, и современную Анну Каренину сделают еще более развратной. Но это будет все тот же шаблон, примитив, на который вы потратили кусочек своей жизни.

Но можно не тратить время на пустоту. Есть и настоящая литература, правдивая: Ветхий и Новый Завет, Лицевой свод, и многие другие правдивые, написанные красивым слогом книги. Такие книги мы обсуждаем с детьми, потому что без священной истории ты не можешь осознать настоящее, понять прошлое, увидеть будущее. Почитайте Ветхий Завет: какие там есть и любовные истории, какие там отношения! Возьмите, к примеру,

«Иудейскую войну» Иосифа Флавия, сколько полезного можно почерпнуть из этого произведения, описывающего историческое событие глазами современника. Или хотя бы дневники, рассказывающие о похождениях Фернандо Кортеса самим первооткрывателем. Нужен ли после этого роман какого-нибудь больного человека, плод его извращенной фантазии? Любая биография человека более увлекательный роман, чем самый талантливый вымысел писателя. Одно произведение написано самой жизнью, а другое — навеяно больной, предвзятой фантазией. Любой вымысел является ложью, так зачем нам на лжи воспитывать своих детей. Есть столько правдивой, совершенно разной литературы, что если поставить цель всю ее прочесть, то жизни не хватит, зачем же тратить и так очень небольшое отпущенное нам время на выдумки.

Глава 20

Отцы и дети

У Германа очень хорошая, дружная семья, и они очень уважительно относятся друг к другу. И для Германа, и для его брата Дмитрия родители всегда были самыми дорогими людьми. И для меня его родители стали очень близкими. Когда у Германа появились большие деньги, он всегда старался порадовать своих папу с мамой подарками, дать им то, чего в молодости они не могли себе позволить. Выйдя замуж, я, к сожалению, не представляла из себя умелую хозяйку. Моя мама больше уделяла внимание на мое школьное, а затем и институтское образование. Так что готовить, кроме яичницы, я ничего не умела. Но я не стеснялась спрашивать рецепты у Гериной мамы, тем более она лучше, чем кто-то другой, знала кулинарные пристрастия своего сына, моего мужа. Маргарита Арсеньевна (Герина мама) добродушно мне подсказывала, и я очень скоро набила руку в готовке. Очень благодарна ей за то, что не было с ее стороны даже намека на то, что она порицает меня за мое неумение, и этим снимала всю напряженность в наших отношениях. Надо отметить, что потом моя жизнь сложилась так, что были времена, когда, засыпая, я думала: завтра на первое варю девятилитровую кастрюлю такого-то супа, пять литров пюре на гарнир и столько же тушеного мяса. Приходилось готовить на очень большое количество людей. У Маргариты Арсеньевны я приобрела неоценимый опыт, как должна вести себя свекровь, ведь у меня четыре сына, следовательно, я должна стать, даст Бог, четверем невесткам свекровью. А Герин папа научил меня гладить рубашки, и до сих пор, когда я наглаживаю многочисленные рубашки своих мужичков, я всегда вспоминаю Льва Александровича. Дедушка, так мы стали звать Гериного папу после рождения Полинки, заядлый грибник. Он и наших детей прирастил к походу за грибами, научив в них хорошо разбираться, даже самый младший Михей в свои пять лет уже знал, какие съедобные грибы, а какие есть нельзя. Герин старший брат, Дмитрий, тоже стал для меня очень родным человеком, я на сто процентов знаю, что в любой трудный момент смогу обратиться к нему и всегда получу поддержку и помощь. Редко, но бывало, что родители не понимали Германа, и тогда я всегда вставала на его защиту, даже если была несогласна с его точкой зрения. Я всегда говорила: «Герман прав, не трогайте его». Я могла с ним лично спорить, отстаивать свою точку зрения, но

если кто-то пытался воздействовать на него через меня, я всегда принимала его сторону. Во всех жизненных ситуациях, независимо от того, согласны ли они с нашим выбором жизненной позиции или нет, Герины родители всегда помогали нам, навещали меня во всех моих «эвакуациях». Сколько раз Гериному папе пришлось собирать и разбирать детскую кроватку из-за наших бесконечных переездов. Конечно, такие близкие отношения между мной и родителями мужа образовались не мгновенно, хотя они приняли меня сразу очень тепло. Была естественная притирка, но доброжелательность и искренность с их стороны, и мое понимание важности хороших взаимоотношений для моего мужа быстро сделали нас единой семьей. В Гериной семье авторитет и уважение к отцу был огромным. А мама была избалована, в хорошем смысле слова, любовью трех своих мужчин, мужа Льва Александровича и сыновей Дмитрия и Германа. Еще когда Герман учился в 6 классе, он пришел домой, звонит, а дверь никто не открывает. А в это время его мама всегда была дома. И Герман, испугавшись, что маме стало плохо с сердцем, попросил у соседей топор и прорубил здоровое окно в массивной дубовой входной двери. И когда он уже пролезал через нее во внутрь помещения, его и застала за этим занятием вернувшаяся мама, которая, оказывается, просто отлучилась по внезапно возникшим обстоятельствам. И чуть не получила от увиденного инфаркт. Вообще и Дима, и Герман всегда оберегали родителей от лишних волнений, и, если случались какие-то неприятности, старались, чтобы мама с отцом об этом не узнали. Помню, когда Герман стал уже миллионером, он закупил на офис порядочное количество мотоциклов. А Гериная мама от кого-то случайно узнала про эту покупку. И вот представьте картину: офис, охрана, куча сотрудников, Герман со своими товарищами собирается опробовать новую партию мотоциклов, и тут появляется Маргарита Арсеньевна и просит Германа, если ему дорог ее покой, пообещать, что он никогда не сядет на мотоцикл. Герман не мог отказать маме, видя, как она переживает, если ради этого даже приехала в офис. Слово свое он сдержал, на мотоцикл больше не садился. Герман всегда принимал решения самостоятельно, и если был уверен в том, что поступает правильно и этот вопрос касается какого-то дела или вероисповедальных вопросов, то отговорить его уже было нельзя, но если это был не принципиальный вопрос и оттого зависело спокойствие родителей или кого-то из близких людей, он всегда принимал решение в их сторону. Я не раз приводила этот пример из жизни Германа своим детям, как надо бережно относиться к

чувствам своих близких.

В прошлом году Герины родители отметили золотую свадьбу. Перед нами с мужем и перед нашими детьми прекрасный пример, как через долгие годы можно пронести любовь и нежность друг к другу. Дедушка и сейчас не оставляет своей привычки побаловать свою жену каким-либо подарком, а бабушка с удовольствием готовит для него его любимые блюда. А нынешний год подарил им статус прабабушки и прадедушки благодаря Полине, Герины родители дарят теперь свою любовь и заботу своей правнучке, как когда-то нашим детям. Заготовки солений и варенья теперь уже делают на три семьи.

Есть еще одна очень интересная семья, с которой мы познакомились, когда Герман уже стал миллионером, которую уже много лет разные СМИ приписывают нам в родственники. Это семья легендарного генерала контрразведки Александра Николаевича Стерлигова. Когда Герман создал свою биржу и его имя стало, как говорится, на слуху, Александр Николаевич прочел про мужа в какой-то очередной статье в прессе и был удивлен, что у него есть однофамилец, так как за свои сорок лет первый раз наткнулся на то, что кто-то еще носит такую фамилию. И он зашел к Герману на биржу познакомиться и поподробнее узнать, к какой ветви Стерлиговых он относится, их, как оказалось, существовало две: воронежская и рязанская. А выглядело это так. Однажды днем к офису подъехал правительственный ЗИЛ, из машины вышел человек в генеральской форме, прошел через всю охрану, как сквозь масло, зашел к Герману в кабинет и говорит: «Ну, что, давай знакомиться, а то в газетах пишут, что ты мой сын». Так они и познакомились, заодно выяснив, что и Александр Николаевич, и Герман принадлежат к рязанской ветке. Эта дружба продолжается до сих пор. Иногда в какой-нибудь газете или в интернете очередной «умник» напишет, что генерал является Гериным папой, причем их не смущает, что отчество у моего мужа Львович, да и по возрасту на роль отца Александр Николаевич не дотягивает. Но я очень рада, что благодаря одной и той же фамилии, мы познакомились с этой достойной и очень интересной семьей. И Герман уже двадцать лет с большим уважением относится к Александру Николаевичу и очень многому у него научился.

Часть II

За высоким забором

Глава 21

Коза

Мы стали жить на Рублевке, когда уже лет пять были женаты. Гере уже было 27 — солидный возраст по моим тогдашним понятиям, а мы все переезжали с места на место, как цыгане. Я давно мечтала о доме, хотелось иметь свой очаг, хотелось стабильности. По случаю Герман купил на Рублевке землю, и стали строиться. Руководил работами Герин папа, Лев Александрович, мужу было некогда. Он нам построил этот дом с нуля всего за год, и мы въехали. Я думала тогда: никогда в жизни никуда больше не поеду, намоталась уже. Пелагее было уже четыре годика, а мы все по съемным квартирам скитаемся. Мы въезжали перед самым Новым годом, 30 декабря. Дом был совершенно пустой, но нам было не привыкать. Газ еще не подключили, но мы не стали ждать, пока проведут все удобства — мне так хотелось въехать наконец в свой дом! Мы сразу затопили котел углем, и первые несколько месяцев так и топили, пока не подвели газ. Ночью договорились подбрасывать в топку по очереди, но я все делала и в свою, и в его смену, потому что он очень хотел спать. Я-то могла и днем еще вздремнуть, а муж приезжал поздно, уезжал рано. Конечно, можно было нанять истопника, но я никогда не любила, чтобы дома были чужие люди, поэтому у меня никогда не было помощниц по дому.

На Рублевке тогда мне очень нравилось: я ведь во всем нахожу плюсы. Я обустроила свой домик, разбила сад. У меня был самый зеленый участок в округе. Все в цветах, сделала и огород, насажала яблонь и разных других плодовых и хвойных деревьев.

Однажды Герман привез мне очень симпатичную ангорскую серенькую козочку. Куда ее девать на ночь? Мы решили посадить ее под крыльцо — у нас было высокое крыльцо с лестницей, а под крыльцом свободное пространство, которое можно было использовать как маленький чуланчик.

На следующий день к нам приезжают Герины родители, они поднимаются по крыльцу и слышат у себя под ногами: «М-е-е, м-е-е». Гериная мама говорит: «По-моему, я схожу с ума. Или у вас что-то блеет под лестницей». Я говорю: «Нет, с вами все в порядке, это мне Герман козу подарил». Наша собака Алиса потом эту козу спасла. Мы неправильно завязали ей веревочный ошейник, коза в нем запуталась и стала задыхаться. Алиса увидела, что козе плохо, и так разлаялась, что мы прибежали. Удивительная была собака.

Собак на Рублевке у нас было несколько. Когда Алиса оценилась, мы от нее оставили себе щенка Груню, а еще взяли родительскую собаку, ротвейлера Ладу. Собаки приставали к козе, носились за ней, а она от них убегала, боролась с ними и таким образом накачала себе мышцы. Коза постоянно находилась в состоянии стресса, ей нужно было воевать с собаками, и у нее пропало молоко. Поэтому пришлось эту козу отдать, и она превратилась в самую агрессивную козу на Рублевке, гоняла и всех своих соплеменниц, и всех козлов. Натренировали мы ее, подготовили к жизни среди олигархов.

Завели мы на Рублевке и кур. Герман своими руками построил курятник. Нам подарили курицу-наседку, уже сидящую на яйцах, и через несколько дней из них вылупились цыплята. У нас из них получилось много хороших курочек, мы приобрели красивого петуха, и яиц было очень много. Курица была уникальная, она несла яйца с двумя желтками. На Пасху у нас было столько яиц, что мы всем их дарили, и наши яйца отличались тем, что в них было по два желтка. А вот с петухом не повезло, насколько он был красив, окрашенный в желто-красно-зеленую палитру, с великолепными сережками, настолько имел отвратительный характер, обладал драчливым нравом. Если заходили в курятник покормить кур, он бросался клеваться, был очень агрессивным, и за это был отдан в другие руки взамен на хоть и на невзрачного, но спокойного нрава петуха. А потом у нас хорек завелся и пожрал всю нашу домашнюю птицу.

Жить на Рублевке, конечно, было лучше, чем в городе, но все равно скучно: сидишь за своим забором. Были, конечно, у детей обычные развлечения: качели, велосипед, что еще там можно для них придумать. Поинка и Арсенька играли с соседскими ребятами. Развлечения были — покататься на велосипеде, покидать мячик или, как в стихах у Сергея Михалкова: «А Борис ногой качал», больше делать было нечего. К нам часто приходил в гости соседский мальчик, он был единственным ребенком в семье, окруженный заботой своей мамы, бабушки и няни. Ему нравилось у нас бывать, так как у меня много мальчишек, и им было весело играть вместе. И вот однажды он мне говорит: «Тетя Алена, как вам трудно, моей маме со мной одним тяжело, а у вас четверо» (тогда еще Михай не родился). На что я ему ответила: «Подожди, вот вырастешь и увидишь, как тебе будет тяжело». — «Почему?» — удивился он. «Ведь тебе придется одному ухаживать за своими старенькими родителями, а мои будут по очереди, да и в других разных ситуациях им будет легче, будут поддерживать друг друга», — пояснила ему я. На следующий день ко мне пришла мама с вопросом: «Что я ему такое сказала?» Он,

оказывается, достал ее просьбой, чтобы она ему родила братика или сестренку.

Глава 22

Домашняя школа

Герман не хотел отдавать Полину в первый класс, потому что уже тогда понимал, что школа ничему хорошему не научит. Но было большое давление со стороны его родителей: «Мол, как же так, ребенок не пойдет в школу, будет не как все? Вы лишите его общения». Так что два года она все-таки отучилась на Рублевке, но сначала в простой сельской школе, в Петрово Дальнем, а потом в православной, находящейся рядом со станцией метро «Парк Горького», куда мы возили бедного ребенка каждый день из Подмосковья. Мы не искали ей колледжей или каких-то особых закрытых заведений.

Конечно, обитатели Рублевского шоссе предпочитают отдавать своих чад в закрытые дорогие школы. Но, на мой взгляд, такая школа — это просто заведение с кучей ненужных предметов, с очень большим равнодушием по отношению к детям со стороны учителей. Для них главное — получить за ребенка деньги, а остальное, что называется, по барабану. Тем более атмосфера, которая царит там между детьми, ощущающих себя пупом земли, мягко говоря, не способствует правильному воспитанию ребенка. О таких школах поэтому мы даже и не задумывались. Сельская школа — дело другое, все-таки там были тогда еще простые старые учителя, которые хотели как-то от ребенка добиться того, чтобы он что-то усвоил. Я тогда сменила фамилию на свою девичью, Емельянова, чтобы Полина не шла в школу под фамилией отца, ведь Герман тогда был уже известен. В то время я собирала вырезки из газет и журналов про него, хотела, чтобы дети, когда вырастут, смогли оценить путь отца. Так материала набралось на несколько десятков альбомов. Но когда Герман пришел к вере, он весь мой «архив» сжег. Посчитал, что детям будет бесполезно видеть отца на фотографиях без бороды. А там почти все заметки были с его изображением. Герман никогда не заезжал в школу, и Полина училась как обыкновенная девочка. Но все же через три года Герман категорически сказал: «Все, хватит рисковать ребенком, школа к добру не приведет». Так как дочка чувствовала дискомфорт, ведь характером она в Германа, очень свободолюбивая, нахождение в школе ей особого удовольствия не приносило, поэтому, когда мы сказали, что решили ее оттуда забрать на домашнее образование, она совершенно не расстроилась.

Мы объяснили Полине, что ее будут учить на дому, ей не

придется так рано вставать, кроме всего прочего ее научат и шить, и вязать, и она очень спокойно согласилась перейти.

Герман умеет убеждать. При его категоричности, при том, что я отлично знаю, что он все равно отстоит свою точку зрения, Герман предпочитает не давить, а заинтересовать, и у него это получается. Вот и в тот раз он завернул свое предложение в красивую обертку, а это как раз то, что нужно нам, женщинам. Он сказал мне: «Ты будешь директором школы, ты будешь сама выбирать учителей, сама составлять программу». Зато для наших родителей это было шоком, и они обрушились на Германа. Но при всем своем уважении к ним, он проявил твердость, хотя ему и тяжело было видеть, что родители расстраиваются. Зато теперь наши бабушки с дедушкой говорят Герману спасибо за внуков, наглядевшись, что творится в современной школе на примере своих знакомых.

Так что уже в третьем классе Полина находилась на домашнем обучении. Герман нашел для нее очень хорошую учительницу, Веру Ананьевну. Это была удивительная женщина, родом из Белоруссии, которая закончила университет с красным дипломом. Она была преподавательница, как говорят, по призванию. К нам она приезжала три раза в неделю на целый день. Первые четыре-пять часов занятий были общеобразовательные предметы: русский язык, литература, история, география, математика, потом был перерыв на обед, они отдыхали, а потом два часа еще вязали, шили, занимались трудом. Они шили Полине платья, юбки, вязали крючком. Сейчас это умение пригодилось: Полина, став мамой, опять занялась рукоделием. Вера Ананьевна была очень строгим учителем, благодаря ей дочь много читала, пересказывала и получила прекрасное начальное образование.

Вера Ананьевна рассказала мне такую историю из своей жизни. У нее была сильная простуда, с ней она попала в больницу, и там врачи, сделав ей снимки, вынесли вердикт: «Да у вас рак, через год вы умрете, а может быть, и раньше». Когда Вера Ананьевна выписалась домой, она ничего не сказала ни мужу, ни дочери, чтобы никого не расстраивать — ведь все равно помочь уже ничем нельзя. Решила подготовить все к своему уходу из мира сего. Стала распродавать потихоньку свои вещи, носить черное. Муж спрашивал, в чем дело, но учительница ничего не говорила. Так и прожила год, прощаясь с жизнью. А через год пошла к врачу, и ей сказали: «Вы знаете, извините, но мы ошиблись, на самом деле у вас ничего нет».

Полина отучилась с Верой Ананьевной года три, потом в первый класс к ней пошел Арсений. С ней у нас до сих пор

сохранились теплые отношения.

Удивительно, но занятия трудом придумал Герман, а не я — как мама, как женщина. Мужским умом он понимал, что это надо девочке, и они с преподавательницей кроили, шили платица, юбки.

А я городской ребенок, поэтому ничего не умею. Моя бабушка, мама не шили, и я не шью, и не вяжу, к сожалению. Сейчас, когда я стала сама бабушкой, мне хочется что-то связать, утешить себя тем, что я что-то сделала своими руками, но я так пока и не научилась. Но все же надеюсь на то, что все-таки смогу подарить когда-нибудь своим близким созданное собственными руками изделие.

После Пелагеи на остальных детях мы больше не экспериментировали, и все дети уже сразу учились на дому. В связи с переездами: сначала с Рублевки, затем из-за пожара из Слободы, пришлось несколько раз менять учителей. Но всех педагогов, что у нас были, мы вспоминаем с теплотой. Сейчас у нас уже четыре года не менялся преподавательский состав. Очень важно, что уроки проходят в очень спокойной дружеской атмосфере, без какого-то нервного напряжения, как зачастую бывает в школе. На днях рождениях моих детей наши преподаватели дорогие гости. И они балуют в этот день своего ученика-именинника, как правило, собственноручно приготовленным, вкусным и красивым пирогом. Учителя уже за это время привыкли к детям, хорошо знают их слабые и сильные стороны, и им легко выбирать для них методику преподавания, подходящую конкретно данному ребенку, что делает обучение более качественным, и легко преодолеваются всевозможные затруднения, которые могут возникнуть во время учебного процесса. Когда приближается школьная пора после каникул, дети уже ждут занятий, так как соскучились по своим учителям.

Глава 23

Кровать Арсения

Сейчас, оглядываясь назад и имея возможность сравнивать, я понимаю, что наша жизнь на Рублевке была однообразной и очень бесполезной для детей. Потому что дел там было мало, и, по большому счету, там жизнь шла будто понарошку. Хозяйства не было, никаких интересных занятий для детей не было. Приходилось искусственно придумывать, чем их занять. Конечно, там мы не могли завести лошадей, разве что иногда Герман вывозил детей на специальные площадки по кругу покататься, но это были разовые занятия. Однажды был такой случай. Привез Герман трехлетнего Сергея на площадку поездить верхом. Сергей сел, поехал и упал. Разбил себе лицо в кровь. «Ну, все, — думают взрослые, — испугался, больше не сядет», а он полез опять на лошадь. «Хорошим наездником будет», — сказал инструктор. Сергей сейчас может ездить на лошадях хоть в седле, хоть без него, одинаково чувствует себя комфортно. А с Арсением был такой случай. Мы уже переехали в Слободу, и там сажает Герман нашего шестилетнего сына Арсения на кобылку, и она вдруг как сиганет галопом в лес. И наш Арсений с криком «мама» уносится вместе с ней. Я думала, что от переживания умру на месте, но прежде успею убить мужа за то, что он посадил дитя на это быстроходное животное. Лошадь вместе с Арсением поймали, от страха он сидел в седле как вкопанный и очень даже красиво. Слезает сынок с лошади бледный как смерть, а Герман говорит: «Садись опять в седло». Это нужно было для того, чтобы он преодолел свой страх, если бы сразу не сел, потом трудно себя преодолеть. В этом и заключается мужское воспитание, я, как женщина, в жизни бы его на лошадь не посадила больше после такого происшествия. Зато сейчас все дети прекрасно сидят в седле, устраивают бои на лошадях, вооружившись длинными палками, выдавая их за пики. Не слезая с коня, могут поднять свое «боевое оружие» с земли. Всклакивают в седло с места. И этому их не надо было учить, эти навыки они приобретают вполне естественно, как бы между прочим при таком образе жизни. Они пасут на лошадях свои стада баранов и коз, ездят на них для разведки новых мест, да и просто так, получая от этого удовольствие, младшие тянутся за старшими и потихонечку, как-то незаметно для всех, догоняют их в умении верховой езды. Но опять возвращаюсь к жизни на Рублевке. Когда Сергию было всего три годика, Пантелеймон еще сидел в коляске, а для Арсения,

которому на тот момент было шесть лет, мы взяли столяра Станислава Витальевича, нашего ровесника, с которым мы и сейчас дружим.

Он к нам приходил три раза в неделю, занимался с Арсением столярным делом. Сначала мастер учил мальчика строгать, и Арсений часами водил рубанком по доске. Первое, что Станислав Витальевич решил сделать вместе с Арсением, была кровать, делали они ее долго, но кровать получилась качественной и до сих пор стоит у меня в доме, на ней спит самый младший наш сын — Михей. Сначала Арсений, конечно, ныл, потому что часа три нужно было строгать одну доску, но Герман говорил: «Пригодится, пригодится, пусть занимается». Занятия проходили под разговоры, мы собирались в мастерской, что-то вместе обсуждали, там была и Пелагея-болтушка, и я, и Станислав Витальевич рассказывал какие-то истории из своей жизни, и все это перемежалось питьем чая, летом — игрой в бадминтон, зимой — в шашки. Часто Станислав Витальевич привозил с собой своего сына, ровесника Арсения. Пару лет назад Арсений подарил мне на Рождество двуспальную кровать, на которой я сейчас сплю, в дизайне из веток, как я хотела. Он делает мне красивые массивные табуретки, вешалки, а сейчас хочет устроить мастерскую и делать эксклюзивную мебель на продажу. Вот во что вылилось строгание той доски.

Переломный момент наступил, когда Германа сняли с президентских выборов. Мы очень быстро продали дом и съехали с Рублевки. За день до отъезда я узнала, что беременна пятым ребенком, Михейкой. У меня было шоковое состояние: как это, уезжаю в лес, беременная? И где там я буду рожать? Я подошла к Герману и сказала, что беременна. Он так обрадовался: «Значит, нас Бог благословил, и все будет хорошо. Не волнуйся я успею построить тебе дом, в котором ты будешь рожать», — успокоил он меня. Так как муж всегда держал свое слово, у меня не было оснований ему не поверить и в этот раз.

Когда уезжали, шел дождь, мы сели в машину и уехали ни разу не обернувшись. Эта страница жизни была перевернута.

Часть III

Вера на Рублевке

Глава 24

Ошибки молодости

Период проживания на Рублевке у нас совпал с воцерковлением. У Германа нет полутонов, у него все или белое, или черное, поэтому он сразу же ушел в православие с головой. Он забросил бизнес, стал много паломничать, прямо дома лить свечи. До этого он поддерживал так называемые «патриотические» движения. Все, кто приходил и говорил: «Мы патриоты», — сразу получали от него деньги. Но потом стало очевидно, что патриотизм просто используется политиками для обмана, патриотической риторикой заманивают людей, подмешивают в него религиозное чувство, а на самом деле политики делают это лишь для того, чтобы достичь своих целей, далеких от веры или от истинной любви к Родине, целей, которые не объявляются открыто. Так что это можно считать ошибкой молодости. Но у Германа есть очень хорошая черта, хотя он уверен в себе, уверен в том, что он делает, и, когда находишься рядом с ним, другое решение кажется невозможным, но он умеет признавать свои ошибки и не бояться этого делать. После того как Герман понял, сколько в этом обмана, он отошел от политических дел. Второй серьезной ошибкой у него было попадание в МП (московская патриархия). На то, чтобы понять, что это масштабное разводило, Герману потребовалось десять лет.

Герман — человек ищущий, он никогда не живет чужим умом, ему самому нужно во всем разобраться и разобраться досконально. Поэтому придя в православие, он стал изучать православные каноны, правила, много разговаривал со священниками, со знаменитыми и не столь известными старцами, задавал им вопросы. И через какое-то время он увидел, что многое из того, что делает официальная церковь, не соответствует тому, что написано и в Евангелии, и в православных правилах, и, самое главное, идет в разрез с догматами веры.

Он вышел из Московской патриархии в самый неудобный для себя момент. Дело в том, что он тогда участвовал в выборах мэра Москвы, где у него были серьезные шансы. Конечно, Московская патриархия — это огромная сила, обладающая большим ресурсом, и публично спорить с патриархией, обвинять ее в чем-либо — значило на практике подписать себе смертный приговор как политику. Но Герман не мог лукавить, и когда он понял, что

МП — ересь, он в тот же момент открыто об этом заявил. Это, конечно, уничтожило его шансы на победу. Герман хоть считал и считает так по-прежнему, что не следует женщине богословствовать, но понимать вопросы веры считал для нас обязательным. Поэтому проявил поистине несвойственное для него терпение, объясняя нам с Пелагеей, на тот момент которой было одиннадцать лет, порой часами с книгами в руках, в чем были наши заблуждения.

Глава 25

Свечи для народа

Еще в начале своего пребывания в МП Герман создал попечительский совет по восстановлению Дивеево, так впечатлился рассказами о Серафиме Саровском.

Он организовывал людей, чтобы рыть канавку в Дивеево, его вклад в то, что это место стремительно развивалось, был колоссальный. Был даже момент, когда мы сами хотели туда переехать жить, но Господь, к счастью, отвел от этого шага. Сейчас даже смешно вспоминать, какими наивными мы были. Покупали там так называемые «освященные» сухарики от Серафима Саровского, веря в их целебную силу. Не задумываясь, что смешиваем веру с язычеством. Да еще поддерживаем аферистов. А для самых дорогих гостей разрешалось одеть на голову горшок, в котором якобы «святой» монах готовил себе пищу. Съешь сухарик, постоишь с горшком на голове — и вот уже почти приблизился к спасению, вот такая интерпретация. Не обратили сразу внимание, что житие Серафима Саровского составлено человеком не только мирским, но по всем канонам церкви, считавшимся бы отлученным от церкви, так как являлся он заядлым театралом и не выпускал папироски изо рта до самой смерти. Да и очень уж оно похоже на житие Праведного Сергия Радонежского. Сейчас МП признает, что креститься двоеперстием канонично, но как же тогда слова, по их мнению, «святого» монаха, запечатленные в его житиях, что, кто крестится двоеперстием, не спасется. Получается нестыковка: святой провидец путался в самом важном, в догматичности крестосложения. И так одна ложь порождает целую цепочку лживых высказываний.

Германа тогда удручало, что так называемая официальная церковь в свечах использует химию, парафин, а Богу надо приносить все самое лучшее и настоящее. Он решил сам лить свечи из воска. Вместе с водителем Ваней, его верным Санчо Пансой, они приобрели станок для изготовления свечей. Сначала Герман с Ваней лили свечи у нас в доме, но я их быстро выгнала, потому что из-за паров было невозможно дышать. Тогда они стали лить в бане. Воск они покупали у Бориса Угриновича, одного из самых выдающихся медовиков Москвы, который производит натуральный, очень качественный мед. В бане, в котлах, они растапливали воск, к ним бегали дети, наматывали фитильки, было очень весело.

Потом они с Ваней уезжали якобы на продажу этих свечек — на самом деле ничего они, конечно, не продавали. Ящики со свечами развозились по церквям, и Герман просил, чтобы там их раздавали людям бесплатно. Естественно, никто в церквях этого не делал. Они все равно продавали свои парафиновые. Натуральные восковые свечи могли бы сделать невыгодным бизнес, которым занимается Московская патриархия.

Если отбросить даже религиозную составляющую, то даже с точки зрения здоровья такое большое количество химических свечек в закрытом пространстве очень вредно, а люди, отстаивающие там трех-четырёхчасовые службы, сильно травят там свой организм.

Глава 26

Отрезвление

Герман тогда много путешествовал с детьми по святым местам, посетили, наверное, практически все более-менее известные монастыри. Муж даже побывал несколько раз на горе Афон. В одну из поездок туда он взял с собой Арсения. Сыну тогда было почти четыре года, это было его первое долгое путешествие без мамы. Я очень переживала, как он там будет, и настояла, чтобы Герман взял с собой детский горшок для Арсеньки, а я тогда только родила Сергия. И муж, чтобы не расстраивать кормящую маму, согласился. Они упаковали его в пакет, сделав что-то наподобие рюкзачка, и Арсений таскал его за плечами, они даже сделали специально для меня фотографию, где Арсений стоит на горе, а за плечами у него висит мешочек с горшком. А по своему прямому назначению он там так и не пригодился. Это был период чем-то напоминающий театр абсурда, когда мы верили официальной церкви, думали, что в ней находится истина. Конечно, мы не могли не чувствовать лицемерия, которым там все пронизано, но нам казалось, что, может быть, мы в чем-то не правы, что нельзя так думать, наверное, нам все это только кажется и является просто искушением. Отстаивали почти до обморочного состояния шестичасовые службы, каждые выходные причащались — в общем, долго вели у себя на Рублевке насыщенную церковную жизнь.

Даже маленький Арсений, которому тогда было пять лет, знал почти весь чин утренней службы, и дома, соорудив себе что-то наподобие одежды священнослужителя, играл в церковную службу, с точностью соблюдая всю последовательность происходящего действия. Потом началось отрезвление, когда мы поняли: не то, что эти службы не нужны, нет, нужны, просто, увидев крест на куполах, не разобравшись, кто захватил эти святые храмы, мы ринулась туда, где благодати уже давно нет.

Герман внимательно читал Священное Писание и часто сталкивался с тем, что догматы православной веры отличаются от того, что проповедуют в официальной церкви. Сначала коробило, что вместо масла в лампы льют химию, продают в церкви сувениры и торгуют требами, а за это, еще в Евангелии описано, Господь выгонял кнутом из храма. «Хорошо, — подумали мы, — всегда есть отступления от правил, но в основном линия церкви

правильная». Герман очень расстраивался, переживал, хотел сделать лучше, но это не приводило, конечно, к выводу, что официальное православие—это ересь. Даже мысли такой не могло тогда возникнуть. Хотя уже появлялись «сигнальные флажки». Большое сомнение пришло к нам тогда, когда Герман столкнулся с архиепископом Арсением. Они с Германом стали обсуждать монофизитов, «армянскую ересь». И вдруг архиепископ Арсений стал утверждать, что монофизиты — это не ересь, а сестра-церковь. Он публично настаивал на том, что это благодатное сообщество. Но ведь монофизитская ересь была осуждена православной церковью, вселенскими соборами. Герман не понял, почему, если догматы веры и Священное Писание говорят, что это ересь, епископ позволяет себе такое. Он пришел тогда к старцу Кириллу Павлову, духовнику тогда еще здравствующего «патриарха» Алексия, с этим вопросом, на что «старец» ответил, что просто тот не понимает, что говорит, мол не обращай внимания. После этого Герман стал замечать, что в догматах написано одно, а в официальной церкви правильным считается другое. А в 2000-м году вышло постановление Собора, где признавалась частичная спасающая благодать у католиков. Это ересь, потому что благодать не может быть частичной. Она или есть, или ее нет, и католицизм — это или ересь, или не ересь. Тогда мы узнали, что, оказывается, еще с 1960-х годов католикам разрешены совместные службы с православными, что, конечно, полное нарушение догматов, за которые вселенские соборы постановили признание такого учения ересью. Получается, что иерархи и не скрывают, что они еретики. Тогда Герман написал письма всем епископам — хотел найти хотя бы одного из них, кто был бы согласен с тем, что у католиков не может быть благодати. А они ему, фактически, сказали: «Не лезь, не твое дело». Следовательно, надо было делать выбор: или Господь нас ввел в заблуждение, сказав в Евангелии, что дает нам свои заветы на все времена неизменными, или врут иерархи. Тогда муж понял, что это не церковь, и прервал всякое общение с МП. Потом, когда Герман стал дальше разбираться и выяснять что к чему, все стало на свои места. Открылось, что Греческая Церковь впала в ересь, когда она приняла Унию, которую русские не признавали до Бориса Годунова, при нем официальная церковь в России и впала в ересь, после чего через короткое время началось всем известное «смутное время». Так кирпичик за кирпичиком и стала выкладываться ясная картина. У Германа есть сайт, где можно документально посмотреть, как официальная церковь «разводила» людей в большом количестве сотни лет и продолжает «разводить» дальше, даны ссылки на первоисточники. К

сожалению, наивных людей много, да и мы были наивными, что уж там говорить, целых десять лет. В правде не бывает темных пятен. А Герина откровенность очень вредит ему и сейчас. Но характер не изменить: если Герман узнает что-то, что показывает, что он заблуждался, он отказывается от своих заблуждений и идет дальше. Только так можно идти вперед, только, будучи открытым, можно прийти к истине. Герман все время открыт для нового, он не боится показаться смешным. Ошибаться — это нормально, к тому же надо сознавать, как мало мы знаем, как узок наш реальный доступ к действительно важной информации. Чем больше ты открываешь, узнаешь, чем больше у тебя информации, тем больше ты понимаешь, где ты ошибаешься. К сожалению, очень многие люди не смогли пойти дальше и признать лживость многих постулатов Московской патриархии именно из-за своих амбиций, из боязни быть осмеянными, из страха, что их не поймут.

Выход из МП совпал с нашим переездом с Рублевки, мы как бы сбросили с себя весь груз ошибок и оказались, в прямом смысле, на поляне в окружении леса, на которой стали строить новый дом, а с ним и новую жизнь.

Часть IV

Новая жизнь

Глава 27

Начать с нуля

Никто не верит, что мы разорились, а это чистая правда: в 2004 году, после снятия с президентских выборов, Герман разорился в ноль. Он решил кардинально поменять всю нашу жизнь. Конечно, он мог бы тогда найти деньги у друзей, сохранить дом, как-то восстановиться, но он решил по-другому. Он все продал, в том числе и дом на Рублевке, отдал все долги, и мы поехали жить в лес. У нас было уже четверо детей, я была беременна пятым.

Герман в детстве все лето проводил в деревне у своей бабушки по материнской линии, Пелагеи Никитичны Филиповой, в Можайском районе, и по стечению обстоятельств мы вернулись в ту самую деревню, в тот самый дом, в котором он жил, когда был еще маленьким. Герман опять спал на той самой печке, с которой когда-то упал, когда ему был годик.

У него был там друг Андрей Слепнев, они дружили с тех времен, когда Герману было три года, а Андрею — два. Одним из их детских приключений были поиски клада, это была Герины инициатива, а Андрюшка таскал за ним лопатку, так как считался младшим по возрасту, следовательно, и по рангу. Бабушка знала, что, если их надо найти, они наверняка где-то копают в поисках сокровищ. Когда мы только поженились, этот Андрей попал в страшную аварию на мотоцикле, Гере позвонила Андрюшина мама и сказала, чтобы он готовился к похоронам, местные врачи сказали, что шансов выжить нет. И тогда Герман сделал, казалось бы, невозможное: он нашел машину в Москве, которая перевозила таких больных, их было всего две на весь город, и, уговорив их ехать за 200 км, перевез своего друга в столицу. Андрей выжил и всю жизнь живет в своей деревне, один из немногих, кто не спился, ведет свое хозяйство. Он и стал нашим главным консультантом по разведению скотины и ведению сельского хозяйства.

Так вот мы стали жить в этой деревне, но прожили там недолго, быстро поняв, что при повальном пьянстве и разврате там царившими, оградить детей от плохого примера будет невозможно. Помню маленький Сергей (ему тогда было четыре с небольшим года), гуляя во дворе, постоянно утром и вечером наблюдал шествие доярок на дойку, так как дорога к ферме лежала мимо нашего дома. Разговаривали они между собой исключительно матом, изредка вставляя что-то наподобие

нормальных русских слов. И через недели три прослушивания «народного фольклора», Сергей гордо выдал нам тираду на местном диалекте, желая нас поразить. Надо отдать должное, что удивить нас ему удалось. Мы сразу, недолго думая, переехали на поляну, в окружении леса, без нормальной дороги, правильнее было бы сказать, в отсутствие таковой. Обустроились мы сначала в военной палатке, благо было лето. А Герман довольно быстро соорудил нам маленький срубик, чтобы мы в нем пережидали строительство основного дома, не надеясь на долгую хорошую летнюю погоду. Место это было выбрано не случайно, раньше, еще в тридцатые годы, там была деревня, в которой в детстве свои летние каникулы проводила Гериная мама, гостя у своей бабушки. Во время Отечественной войны немцы какое-то время останавливались в этой деревне на постой, а в доме, где жила бабушка Маргариты Арсеньевны, располагался немецкий штаб, как в самом благоустроенном жилище. Но уже где-то в начале семидесятых оттуда все разъехались, какие-то дома были перевезены хозяевами, какие сгнили от старости, яблоневые сады повырубили, и на момент когда мы туда приехали выбирать место под строительство дома, бывшее когда-то населенное место представляло собой красивую поляну, ничем не выдававшую, что здесь когда-то кипела жизнь. Герины родители показали, где у них стоял раньше дом, и мы на этом месте заложили фундамент уже для своего дома. Герман никогда не имел отношения к строительству, если не считать армию, где он служил в Монголии и строил там железную дорогу в пятидесятиградусные морозы. Но с энтузиазмом у него было все в порядке, он умел заразить таким отношением и других: словно БАМ сооружали. Почти вся мужская часть деревенского населения работала на нашей стройке (условием было что все, пока трудятся у нас, не будут пить и ругаться на нашей территории матом, их жены хоть на время строительства вздохнули спокойно и на сэкономленные от пьянства деньги приодели своих детей). Слово он сдержал: через пять месяцев был закончен громаднейший дом из лиственницы, так что к моим родам он успел. А я уговорила его покрыть крышу металлочерепицей. Хоть дом и стоял в лесу, но мне все равно хотелось, чтобы он был красивым, это еще «аукался» синдром Рублевки. Герман сразу завел скотину, мы стали учиться за ней ухаживать, доить коров. Но все получилось совсем не так гладко, как мы планировали.

Незадолго до моих родов, когда дом уже был полностью готов к проживанию и там досушивались полы, его подожгли, причем облив нашим же бензином, стоявшем в канистре недалеко от новостроя. В тот день, ближе к вечеру, Гера уехал в Москву по

делах, вернуться должен был поздно, так как только в одну сторону надо преодолеть 200 километров. Рабочие разъехались, и мы стали устраиваться спать с детьми в своем временном жилище, в котором мы пережидали строительство нашего дома. Этот маленький домик находился напротив нашего новостроя. На дворе стояла поздняя осень, день был очень ненастный, а ближе к ночи и вообще пошел проливной дождь с очень сильным ветром, что казалось, еще немного — и сорвет крышу, а стекла в окнах заунывно дребезжали. Дети все очень быстро заснули, да и меня клонило ко сну, вдруг залаяла собака, у нас тогда там была дворняжка по кличке «Тайга». Дочка, а она надо сказать не робкого десятка, вдруг мне говорит: «Мам, мне страшно, там кто-то ходит, давай выйдем посмотрим». На что я ей говорю: «Да перестань ты, чего тут бояться, кому мы здесь в лесу нужны, брать у нас нечего, давай спать». Мы и заснули. А через какое-то время меня разбудил стук в дверь, стучал дядя Ваня, местный мужичок, который жил у нас в выстроенном на скорую руку сарайчике, помогал нам управляться со скотиной. Мы ведь еще толком ничего не умели, только всему учились. Я подхожу к двери, а он кричит: «Алена, горим». Я сначала подумала, что загорелся домик, в котором мы ночевали. Открываю дверь и вижу столп пламени — полыхает во всю наш новый дом, в который мы уже завтра должны были въезжать. Я как увидела, машинально закрыла дверь, села на стоящую рядом табуреточку и заплакала. Мне не столько жалко было даже этот дом, сколько в этом я увидела, что горит Герина мечта о новой жизни. Он так старался построить мне с детьми этот дом, чтобы я там родила. Столько трудностей ему пришлось перенести и потратить не меньше нервов. Кто строился, знает, сколько здоровья, отнимает строительство, тем более, если ты в этом пока новичок, обмануть тебя норовит каждый, не говоря о том, что строились мы в очень недоступном для транспорта месте, и любая доставка строительных материалов была сродни бегу с препятствиями. И вот когда все преодолено, вдруг раз — и все уничтожено на корню.

Получив известие, что у нас пожар, Герман помчался домой с одной только мыслью: он боялся, что я вдруг рожу от испуга, и роды пройдут в неприспособленных для этого условиях. Наш дом стоял на горе, и еще с дороги он видел пламя, таким огромным оно было. Когда муж примчался, я открыла дверь, и он увидел меня по-прежнему с животом, то ощутил облегчение. Дом спасти было естественно нельзя, поливали коровники, сарай, чтобы огонь не перекинулся на них. Тушить наш пожар примчались все деревенские, я видела, что они искренне сочувствуют: во-первых,

горел их труд, ведь большинство из них у нас работали, а потом мы к ним очень хорошо относились, каждый день, что они у нас работали, кормили их и завтраком, и обедом, и ужином. Всегда, если кого-то надо было выручить деньгами, Герман не отказывал, только на выпивку не давал.

Дом сгорел до фундамента, как будто мы ничего еще и не строили. А моя выпрошенная у мужа черепичная крыша от высокой температуры вспорхнула, как птица, и улетела на приличное расстояние. У нас осталась только разбитая Нива, а финансы оставляли желать лучшего. Мы сели в машину и поехали в никуда. Мы ехали и были рады тому, что остались живы, что дети не испугались, никто не пострадал. Герман сказал: «Мы пойдем другим путем», и в который раз начал все заново. Может, это кого-то удивит, но я искренне не хотела, чтобы Герман нашел тех, кто сделал поджог. Муж, мягко говоря, был на них очень зол прежде всего за тот испуг, который я перенесла, и те последствия, которые могли бы у меня от этого быть. Дети еще долгое время потом играли в пожар, построят дом из кубиков, потом сломают и говорят, что он сгорел. Поэтому я боялась, чтобы он не переборщил. Слава Богу, выяснить первое время не удавалось, а потом гнев прошел, трезво посмотрев на произошедшее, понимаешь, что все, что Бог ни делает, все только к лучшему, значит, так надо было. Ничего просто так не происходит в этой жизни. Первое время поскитались по знакомым, а потом вернулись в маленький домик, тот самый, в котором пережили пожар, доведя его немного до ума и прожили там, в Слободе, еще четыре года. Возвращаться обратно в город или коттеджный поселок не приходило даже в голову, уже пришло понимание, что по-другому жить нельзя. И жить нам было очень интересно!

Казалось бы, на Рублевке, где я прожила десять лет, прошли мои лучшие, самые счастливые годы. Молодость, любовь, дети — все, казалось, было связано с Рублевкой, но после того, как мы сели с детьми в машину и уехали оттуда, не оглянувшись, я не вспомнила Рублевку ни разу. Меня захлестнула новая, чрезвычайно насыщенная жизнь.

Глава 28

Слобода

Слобода до сих пор осталась одним из любимых детьми мест. Они часто туда ездят летом за грибами и ягодами, зимой и осенью — на охоту. Причем зимой они ходят по лесу на специальных охотничьих лыжах, подбитых оленьим мехом, чтобы не скользили. Так что палки для таких лыж не нужны, и руки свободны для ружья. Это то место, где они впервые почувствовали свободу, стали жить не в окружении высокого забора и охраны, а в окружении леса. Случившийся пожар внес некоторые коррективы в нашу жизнь, напомнив, что расслабляться нигде нельзя. Мы завели опять кавказскую овчарку и стали более бдительны. Но это больше прибавляло напряжения Герману, для детей это придавало романтики и приключенческого духа. Пелагея с Арсением упражнялись в стрельбе по ястребам, охотившимся за нашими цыплятами, мальчишки строили шалаши из подручного материала, лазили по деревьям, рыли окопы и блиндажи для игры в войнушку. Наверстывали все то, чего были лишены, живя на Рублевке. Вовсю осваивали езду на лошадях, особенно им нравилось зимой кататься на санях. Большой восторг у них вызывал сенокос, сладкий запах сена, все дружно собирают засохшую траву в стога, а затем так весело прыгать на уже собранных высоких стогах и скатываться с них вниз. Место там действительно красивое, летом все покрывалось малиновым цветом от цветущего иван-чая, который мы собирали и высушивали, получался очень вкусный и полезный чай. На пруду распускались кувшинки и жили дикие утки. Дети собирали и дарили мне чудесные букеты, состоящие из луговых цветов и кувшинок. А идя по полю с высокой травой, можно было случайно наткнуться на прячущуюся там куропатку. Слобода нас выручила еще и тем, что там можно было сразу завести коз, а так как козье молоко идеальный заменитель грудного вскармливания, то у меня не было проблем, чем кормить пятимесячного Михея... Так как я, к сожалению, не «молочная мама», и к этому времени молоко у меня закончилось.

Видя, как там хорошо детям, на трудности, которые нам приходилось преодолевать, не хотелось обращать внимания. А трудности, конечно, были. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что молодость на то и молодость, что все кажется нипочем. Во-первых, отсутствие горячей воды, а стирки и мытья посуды было предостаточно, семья уже состояла из семи человек да плюс

частые гости. Потом готовить надо было на печи, а для меня это было совершенно новым занятием, надо было принаравливаться. Зато теперь я понимаю, какое это чудо-печь, насколько на ней вкуснее и полезнее еда, и готовить на ней намного удобнее, тем более на большое количество людей одновременно можно приготовить множество блюд. И нет ничего более уютного, чем в зимний вечер сидеть у печи, смотреть на огонь и слушать потрескивание горящих бревен. Там Герман, увидя, что представляет собой деревня, потерял последние иллюзии насчет русского народа. На деревню из двух десятков домов насчитать можно было не более трех с натягом, где хозяин не спился и имел нормальное хозяйство. Тогда муж придумал так называемый «Реестр непьющих мужиков», функция которого сводилась к переписи непьющего населения, способного работать и рожать детей. Определять, пьет или не пьет мужчина, должны были женщины, у которых мужья были алкоголиками, у них, как говорится, глаз на алкаша набит. Называлось это — «баб-контроль». Герман предлагал попавшим в реестр мужикам помогать материально, поддерживать их авторитет государством, чтобы они были примером и для своих детей, и для окружающих. Герман даже организовал людей, которые обходили деревни и заносили нормальных мужиков в реестр: такая вот «перепись неспившегося населения». Муж хотел привлечь государство к этой проблеме, понимая, что, если так пойдет дальше, переписывать больше и некого будет.

Но где-то через четыре года наш дом в Слободе атаковали блохи. Именно атаковали. Это было какое-то нашествие, которое я ни до этого, да и после больше не встречала. Когда мы ложились спать, пол был белым, а встав утром, нашему взору представлялся сплошной черный пол от заполнивших все пространство блох, от укусов я уже не могла ночевать дома, а спала в машине. Травили мы их всем, чем только можно: от народных средств, типа отвара из полыни, до сильнейшей химии, не понимая тогда, как она вредна. Но ничего не помогало, полчище не сокращалось. И мы съехали, так еще раз убедившись в правильности высказывания: «Человек предполагает, а Бог располагает». Господь чудным образом послал нам то место, в котором мы сейчас живем, а пройдя Слободу, я приобрела неоценимый опыт сельской жизни и понимания, что для совсем комфортной жизни мне нужна только горячая вода и стиральная машина. Живя, можно сказать, в роскоши в «рублевские» времена, и испробовав «экстрим» жизни в лесу, мы нашли наконец ту золотую середину, в которой все встало на свои места. А в Слободе сейчас живет семья с девятью детьми, которым мы

оставили все постройки и небольшое количество скотины на развод, у них там никаких искушений, типа блох или чего-то другого, за четыре года проживания пока не произошло, только прибавился еще один малыш.

Глава 29

Дом на Риге

То место, в котором мы сейчас живем, нашлось таким образом. Пока мы тщетно боролись с вредными блохами, мужу один знакомый предложил съездить в гости в одно семейство, с четырьмя детьми живущих в собственноручно срубленном доме на 80-м км по Риге. Они, как и мы, не отдавали детей в школу и не имели дома телевизора. И Герман, взяв детей, поехал к ним в гости по обмену опытом, а я осталась дома с маленьким Михеем. Часов через пять-шесть мне позвонил Герман и сообщил, что он купил дом, приедет и расскажет поподробнее. Вечером я услышала следующее повествование. Когда они подъехали к месту назначения, то увидели на высоченном фундаменте, раньше это было огромное кирпичное овощехранилище, стоящий красиво срубленный дом, окруженный деревянным гульбищем (это такая открытая терраса вокруг всего дома). Внизу шумела маленькая речушка, место очень красивое и безлюдное. Раньше здесь была дворянская усадьба, потом деревня, а потом, как и в нашей Слободе, все превратилось в красивое поле с кое-где оставшимися яблонями из бывшего барского поместья и разросшимися кустами сирени вдоль дороги, идущей к дому. Хозяин дома был американец с русскими корнями. Родители его отца в восемнадцатом году эмигрировали за границу, где потом родился и он, а его мама была канадка. Сам он женился на женщине из Голицинского рода, тоже эмигрировавших в годы революции, она была гражданкой Великобритании. Встретившись и поживившись в Англии, родив там первых двух своих детей, после перестройки они решили перебраться на родину своих предков. В этом месте, куда к ним приехал в гости Герман, они жили уже семь лет, родив еще двоих малышей. Принадлежало им три гектара, земля эта довольно удалена от Москвы и стоила тогда не очень дорого. Хозяин дома очень рукастый и предприимчивый человек, набрал уже здесь бригаду из местных, платя им копейки, и начал рубить дома на продажу. Стиль домов у него очень красивый, рубил он из больших бревен, и с заказами у него проблем не было. Сам он говорил по-русски, правда с очень большим акцентом, а жена с детьми, прожив здесь больше семи лет, так и не заговорили на нашем языке. Мужу, когда он увидел, этот дом сразу понравился. Бывает так: увидишь место и понимаешь, что тут ты хотел бы жить. И Герман спросил сразу хозяина, еще даже не зайдя вовнутрь: «Случайно не продаешь

дом?» А он отвечает: «Продаю, две недели как выставил на продажу через ИНКОМ-банк». Герман говорит: «Все, считай дом продан, я его покупаю». Денег тогда на покупку не было, но Герман решил, что что-нибудь придумает, перезаймет. Насколько красив дом был снаружи, настолько внутри царил невообразимый хаос. Полуразрушенные печи, вместо дверей висели тряпки, пол в гостиной был выложен кругляшами из бревен, уложенных на цемент, что очень вредно для проживающих в доме. На второй этаж вела лестница, но само верхнее помещение было совершенно без отделки. Но это нас не смутило, все можно было привести в порядок, как говорится: «Глаза боятся, а руки делают». И потом место и сам дом очень нравились, да и блохи поджимали. А тут выясняется, прямо как «пианино в кустах», что у Германа осталась доля от одного офисного здания, купленного еще в девяностых годах, про которое он забыл, а совладелец решил как раз продать это помещение и позвонил Герману, так как требовалось и его разрешение на продажу. Этих денег было ровно столько, сколько нужно на покупку понравившегося нам дома. Хорошо, что наличие этого имущества было обнаружено в данный момент, а то бы Герман, узнай про это раньше, потратил бы все эти деньги, так как наличные у нас не задерживаются. Я уже из жизненного опыта заметила, что если есть воля Божья, то все складывается, как по заказанному. А вот когда не получается сразу, все время то одно препятствие, то другое, а ты все равно прешь напролом и в конечном итоге, может, и добьешься, но вот вопрос, будет ли тебе от этого хорошо, поэтому всегда надо подумать: «Почему не получается, может, тебе этого и не надо?» А тогда все шло как по маслу. Быстро совершив сделку купли-продажи, мы тотчас, спасаясь от укусов блох, переехали в этот дом и приводили все в порядок, уже живя там. На первое время мы соорудили кровать из пней и досок. Так как находиться мы могли только в одной комнате, поскольку в остальной части дома шли работы, а семья наша состояла из семи человек, то поместиться мы могли, только соорудив большую кровать, представляющую собой полати от стенки до стенки. Сейчас за шесть лет, что мы здесь живем, у нас разрослось большое хозяйство со скотным двором, конюшней, старшие сыновья построили себе дома. На самом высоком месте участка Герман поставил крест из специально привезенных для этого из Красноярска огромных 16-метровых бревен из лиственницы. Сначала, когда мы сажали огород, то пользовались техникой. Трактора все время то ломались, то тракториста не найти: он в запой ушел. Старший сын хотя и умеет управлять трактором, но работа вредна для позвоночника, тем более для неокрепшего детского организма. Тем более от трактора исходит

такой рев и несет соляркой, что портит всю естественную красоту вокруг себя. И мы заменили его на лошадь. Оказалось, что это намного практичнее, и еще доставляет эстетическое наслаждение, и гораздо дешевле в обслуживании.

Здесь тоже, как и в Слободе, много зверья, часто прямо к забору подходит лосиха с лосенком, то увидишь сидящего на пригорке зайца, очень много кабанов. У нас в колодце очень вкусная вода, я только здесь поняла, что простая вода может доставлять такое удовольствие.

В отличие от Слободы здесь есть дорога и свет. Так что теперь у меня есть горячая вода и стиральная машина. Но мы здесь также независимы от цивилизации. В прошлую морозную зиму, когда шел ледяной дождь, и почти все Подмоскovie осталось без света, и люди просто мерзли, так как сразу перестало работать отопление, а в основном ведь везде электрические плиты, и нельзя было даже приготовить себе еду. Я уже не говорю, что без света сразу вышла из строя канализация и водопровод. А мы ничего подобного не почувствовали. У нас горела печь, давая нам тепло и уют, на ней же я готовила, впрочем, как и всегда, еду. Горели свечи, у нас в гостиной большая подвесная люстра со свечами, не говоря уже о многочисленных подсвечниках. Так что живой мерцающий свет от настоящих восковых свечей освещал весь наш дом. А воды предостаточно в колодце. Так что живя в своем доме (именно в доме, а не в коттедже, практически ничем не отличающемся от квартиры), ты совершенно независим от катаклизмов, связанных с цивилизацией. И какие бы кризисы ни потрясали страну, чтобы ни происходило с твоим бизнесом, если он имеется, имея землю, а следовательно, и огород, имея свою скотину и птицу, слово «голод» для тебя не имеет значения. Не говоря уже, что на крайний случай у тебя рядом лес, в котором водятся и лось, и разная дичь, и есть пруд, куда можно поставить сеть, а летом есть и грибы, и ягоды, у тебя есть колодец с водой и печь, которая тебя греет, и это все в совокупности дает тебе настоящее понимание стабильности и уверенности, что ты крепко стоишь на ногах.

Глава 30

Ночные посетители

В нашей жизни было много происшествий, из которых можно было бы состряпать детективные рассказы. Взять хотя бы пожар в Слободе, когда поджигатели, которые приехали на место своего злодеяния на шишиге (это одна из немногих машин, которые проходили по нашему бездорожью), и когда они уже скрывались с места преступления, то застряли и долго буксовали, никак не могли выехать. Это мы уже обнаружили, расследуя происшествие, и представляли, как им было страшно, ведь если бы у них не получилось выехать, то они не могли не понимать, какая их ожидает расправа по горячим следам. Или как там же, некоторое время спустя, уже летом, нам отравили собаку, кавказскую овчарку, названную в честь нашей первой собаки Алисой. Отравитель сделал целое лежбище, которое мы потом обнаружили, откуда вел за нами наблюдение и, дождавшись, когда никого не осталось на хозяйстве, муж уехал в Москву, а я со всеми детьми ушла за грибами, отравил нам собаку каким-то сильнодействующим ядом. Такого действия, что она разложилась за считанные часы. Надо отметить, что все происшествия всегда происходили, когда муж отсутствовал.

Еще у нас были две детективные истории, связанные с ночными гостями: одна еще на Рублевке, а другая уже в доме на Риге. На Рублевке дело было так. Шла предвыборная президентская кампания, в которой принимал участие Герман. Он, как правило, приезжал очень поздно, и я, уложив детей в их детских комнатках, сама дремала на диванчике в гостиной, поджидая возвращения мужа с работы. И вот обычный вечер, дети спят, я дремлю на диване в гостиной, и вдруг меня будят три удара в дверь, «тук, тук, тук». А это наш условный сигнал, что стучат свои. Я вскакиваю, не спрашивая, открываю дверь, никого нет, где-то вдаль вижу отъезжающую машину. Тихо идет снег, красиво переливаясь в лунном свете. Ну, думаю, померещилось, перепутала, наверное, виденное во сне с явью. Через двадцать минут приехал Герман. Ничего настораживающего в происшедшем я не нашла и сообщать о своих «глуках» мужу не стала. Прошла неделя, вечер, я опять дремлю на диване, дожидаясь мужа. Дети спят по своим комнаткам, и в доме наступила тишина. Вдруг сквозь сон мне послышался неясный шум снизу, но я не придавала этому значения, так как всегда, чтобы еще больше не бояться, прячу, как страус, голову в песок,

сваливая все шорохи, которые мне вдруг слышатся, на естественные причины, боясь допустить в голове что-либо другое, чтобы не сидеть и не дрожать от страха. Наконец-то приезжает Герман, его водитель Ваня занес какие-то вещи из машины, распрощался и уехал. Мы отправились на кухню, я стала кормить Германа ужином, вдруг раздается тройной стук в окно, я пошла посмотреть, кто стучит, в полной уверенности, что в такой час из своих может быть только водитель мужа, который может что-то забыл вынуть из машины. Но посмотрев в окно, через которое была видна входная дверь снаружи, никого не увидела. Но сейчас на глюки не спишешь, слышали стук мы уже вдвоем и совершенно отчетливо.

Пододошедший из кухни муж прошел сразу к входной двери и обнаружил, что она открыта изнутри. Выглянув на улицу, он ничего и никого не обнаружил. Крикнул собаку, у нас тогда была московская сторожевая по кличке Плюша. Собака с небольшой задержкой, но подбежала. Получалось, что эти люди были у нас дома еще до приезда мужа и где-то хоронились, а когда он приехал и мы с ним прошли на кухню, вылезли из своего убежища, открыли закрытую изнутри на засов дверь, вышли, постучали в окно и быстро скрылись. Причем собака не стала им помехой и даже не подала голоса.

Скорее всего, отсиживались они до приезда мужа у нас в цокольном этаже, откуда наверх, прямо в гостиную, из который был выход в прихожую, шла винтовая лестница. Понятным становился теперь услышанный мной несколько часов назад шум из полуподвального этажа. У Германа на следующий день с раннего утра должна была быть пресс-конференция по озвучиванию своей предвыборной программы, но вместо того, чтобы отдохнуть и выспаться перед завтрашним мероприятием, он провел это время в обеспечении нашей безопасности, так как я боялась уже оставаться с детьми дома. После таких случаев какое-то время, как правило, побаиваешься, прислушиваешься к шорохам, придавая им особое значение и проявляя повышенную бдительность, а затем все забывается, и я опять выбираю позицию «страуса».

А второй ночной визит произошел уже в новом доме на Риге, мы тогда жили еще все в одном доме, который сейчас является женской половиной, на которой я обитаю.

Первый этаж этого дома представлял собой жилое помещение, состоящее как бы из двух частей, соответственно топившееся двумя самостоятельными печами. Первая часть состояла из прихожей, обставленной соответствующей для такого рода комнаты мебелью, и стоящим слева от входной двери

массивным стальным сейфом, детской комнаты, где спали все мальчишки на самодельных, сделанных из осины двухъярусных кроватях, холла, откуда двери вели в туалет, ванную комнату и в большую комнату. Также из холла шла красивая широкая лестница на второй этаж. Вторая часть представляла собой комнату площадью сто квадратных метров со стоявшей посередине русской печкой. Печь делила комнату как бы на четыре зоны: кухня, столовая, гостиная и библиотечная. И вот в один из осенних вечеров, уложив малышку спать в детской, я со старшими детьми уютно разместилась возле горячей и весело потрескивающей дровами печи. Мы вели оживленную беседу, была какая-то интересная тема, и все желали высказаться, гвалт стоял еще тот, так как все в нашем семействе отличаются громким голосом, и чем-то мы напоминаем итальянское семейство. Поэтому, чтобы наши дебаты не разбудили спящих Пантелеймона и Михея, я прикрыла дверь в нашей комнате.

И вдруг я спохватилась, что забыла покормить собаку и, сообщив об этом детям, пошла, взяла с плиты кастрюлю с собачьей кормежкой и направилась к выходу. Открыв дверь, ведущую в холл, я обнаружила, что там не горит свет. А я всегда оставляла в холле свет включенным, чтобы если вдруг дети проснутся, то не шарахались бы в полной темноте, и тем более несколькими минутами раньше, проходя за кастрюлей, я видела полосу света, пробивающуюся через зазор в двери. Поэтому отсутствие света меня напугало, так как потушить его мог только посторонний, каким-то образом и для непонятно каких целей оказавшийся в нашем доме. Первая моя реакция была такая: я закрыла дверь, причем сразу на задвижку, сообщив детям, что, по-моему, там кто-то есть, что вызвало у детей единственно возможную в такой ситуации реакцию, они потянулись за висящим на стене оружием. Но в детской спали младшие дети, и поэтому мы не могли просто отсидеться, закупорившись в комнате, поджидая Германа. Вооружившись кто сайгой, кто охотничьим ружьем, таким вот вооруженным отрядом, состоящим из несовершеннолетних детей и их мамы, отправились спасать малышек. Открыв опять дверь и осветив помещение мощным фонарем, мы никого в холле не обнаружили, нажали на выключатель — зажегся свет: последняя надежда, что просто перегорела лампочка, пропала. Зайдя в детскую, мы увидели мирно спящих Пантелеймона и Михея. Затем мы осмотрели входную дверь, она была открыта изнутри, то, что мы ее закрывали на специальную щеколду, мы помнили точно, так как делали это вдвоем с дочкой. Но тут Сергей указал на приоткрытую дверь вверх, и наш маленький отряд потянулся по лестнице на второй этаж, а Арсений с охотничьим ружьем был

оставлен контролировать на всякий случай ситуацию внизу. А на втором этаже нашему взору в лучших традициях детективного жанра представилась открытая на балкон дверь. Выйдя на него, я увидела приближающиеся светящиеся фары машины: это приехал Герман. Мы все наперебой стали рассказывать ему произошедшее. Муж еще раз обошел весь дом, ничего из дома вроде не пропало, и цель ночных визитеров, которые, как вырисовывалось, покинули наш дом, один через входную дверь, а другой через балкон, оставалась неясной. А через два дня Герману понадобились какие-то документы, лежащие в сейфе, когда он его открыл, там было пусто. Теперь цель недавнего ночного визита стала ясной, а профессионализм и наглость, с которой были изъяты документы в доме, полном людей, вызывали только восхищение уровнем подготовки ночных гостей.

Глава 31

Радио

В моей жизни были два случая, когда о том, что Герман попал в беду, я узнавала случайно из радио. Первый связан с его поездкой в Афганистан. Было это в 2006 году. Пришел как-то Герман домой и говорит, что ему срочно надо через два дня на некоторое время улететь в Афганистан и там посетить Кабул, а затем Герат. А там как раз шли военные действия, и американцы ввели туда войска. Надо так надо, чтобы его родители не волновались, им сказали, что он по работе срочно в Сочи улетел. Проходит какое-то время после его отъезда, я поехала за чем-то на рынок, захожу в маленький магазинчик, там как обычно вещает радиостанция «Маяк». И вдруг я слышу, что ведущий говорит: «Сегодня в Герате был похищен бывший предприниматель, а ныне овцевод Герман Стерлигов, российский МИД занимается его освобождением». «Да, — подумала я, — без приключений мой муж не может обойтись». Приезжаю домой, там дочь в слезах, ей соседи рассказали, что у папы, мягко говоря, неприятности. Я ее успокоила, сказав, что все будет хорошо. Ты же видишь: я не волнуюсь, ты лучше помолись о нем, и он скоро придет. Герману в этот день исполнилось сорок лет. Не могу сказать, что я вообще не переживала, но за нашу совместную жизнь столько было нестандартных ситуаций, что я привыкла реагировать на все спокойно и внутренне быть настроенной, что все будет хорошо, не было предчувствия беды. Тем более я считаю, что надо расстраиваться тогда, когда уже все самое плохое произошло, а заранее, только от предположений, я не умею страдать. Эта история закончилась благополучно: Герман вернулся через несколько дней домой, правда сильно похудевшим. Маджахеды, которые были виноваты в том, что он попал в ловушку, где его чудом не расстреляли, прислали в подарок в виде компенсации ящик старинного оружия и большое количество ручной работы ковров. Герман потом раздаривал эти старинные ружья с пистолетами и ковры всем, кто приходил к нам в гости. Был среди этих подарков удивительный ковер ручной работы из шелка размером 10×15 м, говорили, что он предназначался для президента Афганистана — Корзая. И Герман, у которого были на тот период проблемы с деньгами, решил этот ковер продать одному знакомому олигарху. С утра, захватив с собой «товар», Герман уехал в Москву. Приехав вечером домой, Герман рассказал про свою продажу афганского

презента. Приехав в столицу, он пришел в резиденцию к своему предполагаемому покупателю, тот пока отсутствовал, и муж попросил его сотрудников расстелить ковер, пока все охали-ахали, восхищаясь ковром, вошел этот человек и со словами: «Герман, это мне? — бросился обнимать моего мужа, приговаривая, — Герман, спасибо, царский подарок». После такого поворота мужу осталось сказать: «Да не за что». То, что у Германа не получилось выручить за ковер деньги, меня несколько не удивило, меня больше бы поразило бы, если бы он это осуществил, продажа и Герман вещи несовместимые, поэтому, пока дети не подключились к реализации производимых продуктов на нашем хозяйстве, дело особо не шло. Вообще «продавательная» способность Германа у нас в семье у всех вызывает улыбку, у него лучше получается дарить.

А второй случай был связан с Польшей, через которую он ехал поездом во Францию для выступления на крупном международном форуме, чтобы предложить рассчитывать вместо евро и долларов — золотом и серебром. А я на этот раз поехала навестить маму, сижу с ней на кухне, пью чай, а у нее постоянно радио включено, и вдруг слышу: «Сегодня польскими таможенниками с поезда был снят Герман Стерлигов и сопровожден в камеру временного заключения». Я аж поперхнулась. Как потом выяснилось, он перечеркнул в паспорте шенгенские звезды, которые получились при нанесении штампа прямо у него на лбу. Звезда — это сатанинская символика, и на лбу тем более недопустима. Герман во Францию все же добрался, через Англию, причем с той же визой, что так смутила поляков, но на свое выступление уже опоздал, и про «введение золотого стандарта» выступить уже не смог.

Глава 32

Аттракцион для Собчак

К нам очень часто приезжают журналисты снимать репортажи на разные темы. Чаще всего это молодые, живые, равнодушные к происходящему в стране люди. Оттого что потом выходит на экран какой-нибудь искромсанный монтажом бред, не их вина. С некоторыми у нас даже сложились дружеские отношения, и они приезжают уже к нам в качестве гостей, а не по рабочему заданию. Бывает, что приехавшая группа прямо дышит еле скрываемым негативом и с еще большим раздражением от нас уезжает, но это бывает крайне редко. Чаще бывает наоборот, что если и приехали заранее предвзято относящиеся к нам люди, то после часового общения весь негатив с их стороны уходит. И мы уже по многим вопросам нашли точки соприкосновения. Бывают и разные комические ситуации. Иногда Герман, видя, что журналист, берущий интервью уже выстроил для себя, как он будет освещать тему, независимо от услышанного от собеседника, начинает ему подыгрывать, говоря совершенно утрированные вещи. И как ни странно, данный предвзятый журналист совершенно не замечает, что с ним просто шутят. Так одна корреспондентка, которая все пыталась Германа, чтобы он рассказал ей какие-нибудь необыкновенные подробности из нашей жизни, и так достала его жаждой услышать что-то из ряда вон выходящее, что муж поведал ей, а она поверила и напечатала, что наша собака летала за нами во время нашего полета за рубеж на специально купленном для нее самолете, а я охочусь с арбалетом на бобров, которые водятся в ближайшей к нашему дому запруде, часами лежа в засаде. Еще очень забавный случай вышел с Ксенией Собчак, изъявившей желание сделать репортаж про Германа у нас дома в одном глянцево-м журнале. После этого репортажа она часто жаловалась разным людям, некоторые из них оказались нашими общими знакомыми и передавали ее слова, недаром говорят «мир тесен», что Герман издевался над ней, такой гламурной девушкой. А произошло следующее. На дворе стояла поздняя осень, то время года, когда и в благоустроенном месте неуютно от бесконечной грязи на улицах. А у нас в дальней Слободе, в том месте, где у нас, как я писала выше, сожгли наш новострой, дорога от проходимого места, куда можно было еще доехать на машине, до дома составляла где-то километра три с половиной и представляла собой в это время года из-за частых дождей непроходимое месиво, состоящее из

расползающейся, размокшей глины, так что преодолеть этот путь пешком было очень проблематично, даже натренированному человеку. На тот момент мы уже съехали на новое местожительство на Риге, где обитаем до сих пор, а там пока еще оставались несколько рабочих в специальном для них домике, ухаживающих пока за нашей скотиной, которую мы еще полностью не перевезли на новое место, так как еще не успели подготовить для нее помещение. Вот это место и назвал Герман Ксении Собчак, объяснив, как туда проехать, взяв с собой на место съемки для правдоподобности двоих детей: дочь Пелагею и среднего сына Сергия. За остальных выдавались дети рабочего, который там жил со своей семьей. А так как я не поехала, оставшись с младшими детьми дома, вместо меня выступала жена того же рабочего, которая мелькала вдали, а Герман говорил журналисткам, что я не хочу общаться с прессой, окликал меня, а та женщина, выдававшая себя за жену Германа, махала издали рукой, мол, отстаньте, не до вас. На входе в перелесок, через который проходила дорога, если это можно было назвать дорогой, муж поставил своего знакомого, отличающегося внушительными габаритами, и лицо которого украшала большущая рыжая борода, похожая на бороду Карабаса-Барабаса из сказки «Буратино». На плечо колоритный товарищ, одетый в военный тулуп, повесил ружье, в народе носящее название «смерть председателя». Ксюша приехала с журналисткой Соколовой и охраной на иномарке. Одеты они были в красивый наряд крестьянок, а голову, кроме платков, кстати очень им идущих, украшали венки из цветов, как они признались, стоимостью за триста евро. Жалко было потраченных ими денег, так как они потом захотели покормить ими наших свинушек, а они не стали есть, привыкшие к натуральной пище, а эти красивые цветочки сплошная химия. Охрану журналисток наш встречающий их «богатырь» попросил остаться в машине, на что охрана с радостью согласилась. А им подъехавший к этому моменту на лошади Герман предложил добираться до нашего так называемого домика на выбор: или на лошади, или пешком. Девушки, приехавшие еще со свежими силами, смело предпочли пешую прогулку. А Герман поехал верхом с ними рядом, указывая путь. В интернете есть фотографии, выложенные самими многострадательными «паломниками», как они добираются до конечного пункта. Ксюша, утопающая своими модными сапожками в грязи, и вместе с ней Соколова со сбитыми на бок платками и запыхавшимися, немного перекошенными лицами. Наконец-то добравшись до домика рабочих, выдаваемого Германом за наше семейное гнездо, они вошли в дом, и им

предстала ужасающая картина. Рабочие приезжают на заработки на короткий срок и не очень стараются поддерживать чистоту и уют, как бы вы от них этого не требовали. Кровати застелены грязным бельем, засаленный стол с плохо вымытой посудой. Собчак с Соколовой обводили растерянным взглядом, где можно присесть, чтобы не испачкаться. «Где же вы спите с женой?» — ошарашенно спросила Ксюша. «Вот!» — радостно указал Герман на стоящую за печкой кровать с торчащими из нее пружинами. «Ну, давайте за стол», — позвал муж, осмысливающих увиденное гостей. Девушки пристроились с краюшка стола. От предлагаемой пищи, глядя на тарелки, из которых придется вкушать, вежливо отказались. При всем при этом их нисколько не насторожило, что здесь есть какой-то подвох. Давая интервью, Герман добавлял краски к увиденному словами, что вообще-то баб надо поколачивать. Вообще они лицеизрели то, что приблизительно хотели увидеть, только в сильно утрированном, специально для них виде. После интервью выйдя из домика, они наткнулись на нашу дочь Полину, идущую с автоматом Калашникова, перекинутым через плечо. На вопрос папы: «Куда идешь, девица?» Она, не задумываясь, произнесла заранее подготовленный ответ: «Да, надо на обед что-то добыть, может, кабан попадется, пойду пройдуся». Глаза у приехавших в гости сразу как-то округлились. Когда девушки стали собираться в обратную дорогу, Соколова сразу согласилась добираться до машины, доставившей их к нам, на одной из лошадей, а Ксения все же отважилась проделать опять путь пешком, наверное, не только вслух, но еще более колоритно про себя, озвучивая негодование за такой трудный марш-бросок. Когда вышла статья в журнале, там в основном изобиловало одно слово на «г». Резюме было такое, что им очень, мягко говоря, не понравилось. А мы после их отъезда, когда все участвующие в этом «спектакле» вернулись домой и рассказывали о прошедших съемках, по-доброму посмеялись над самоотверженными девчонками. Многочисленные знакомые из разных сфер деятельности, включая и множество журналистов, которые у нас бывали в гостях и потом прочли эту статью, общаясь с нами, искренне удивлялись, где эти «гламурные дивы» все накапали весь тот описанный ими ужас. Уже прошло больше двух лет после этого сюжета, а Ксения все так и считает, что была у нас в гостях. А у Германа о Собчак осталось хорошее впечатление: живая, в чем-то наивная, но открытая для новой информации, по-женски беззащитная.

Часть V

Детей должно быть много

Глава 33

Люлька

После пожара знакомые предоставили нам дом в Вешках. Там я и родила Михея.

Трех первых своих детей я рожала в роддомах. Хотя каждый раз Герман за роды платил очень хорошие деньги, мне не понравилось ни в одном из этих мест.

В Вешках мы сразу же повесили люльку, которая появилась у нас после рождения Арсения. Старшего сына я рожала еще в роддоме, в отдельной палате, и когда я приехала оттуда со своим сверточком, вижу: висит на веревках такая деревянная коробочка. По заказу Германа ее сделали из березы в виде такого ажурного ящичка. Люлька была очень красивая, в ее изголовье был вырезан крест: мы же тогда, когда родился Арсений, уже пришли к вере. Но я была возмущена: «Чтобы я положила своего ребенка в эту висящую штучку?» Я же привыкла, что все дети спят в кроватке. А Герман говорит: «Клади». Что ж, кровати нет, люлька висит, хочешь не хочешь, а положила ребенка в люльку. И это оказалось так удобно!

На самом деле люлька — это удивительная вещь, не зря ее придумали. Когда ребенок находится в утробе мамы, он живет в маленьком, компактном, уютном мире, и когда сразу после родов его выносят на большое пространство, ему там очень неудобно. А люлечка маленькая, и ребенок там чувствует себя гораздо лучше, уютнее, он защищен со всех сторон. К тому же кровать стоит монолитно, и ее надо трясти или катать на колесиках. Это ненормальная вибрация для ребенка. Люлька же укачивает совершенно естественным образом, она вешается рядом с кроватью родителей, и ночью, если ребенок заплакал, ты ее иногда толкаешь рукой или ногой, как кому удобно. Толкнул ее, она качается, при этом мама спит, и ребенок спит. Так что, начиная с Арсения, наши дети спали в люльке. Потом эта наша колыбель переходила из рук в руки, пока мы не забыли, кому ее дали в последний раз, и, когда родился Михей, сделали себе вторую люльку.

Люлька нужна, когда ребенок люлит-гулит, то есть лепечет. Поэтому она и называется «люлькой». Где-то в полгода, когда он уже начинает говорить более осмысленные слова, ребенок начинает садиться, и тут его уже нужно перекладывать из люльки в кроватку. В шесть месяцев ребенка уже и не нужно укачивать, с ним по-другому общаешься.

Глава 34

Характер виден сразу

Когда я рожала Сергия, в родильное отделение принесли иконы по просьбе Германа. Уже тогда муж уговаривал меня рожать дома, но с Сергием я еще настояла, что буду рожать в роддоме, о чем сейчас, конечно, жалею. Уехала из роддома в тот же день, как родился Сергей, не оставалась там ни дня. Сергей родился толстеньким, упитанным, и врач, который принимал, сказал: «Смотрите, начальник родился». Начальником он и родился. Вообще, ребенка видно с первого мгновения, когда он только появился на свет. Если внимательно посмотреть на ребенка, то по глазам, по тому, как он ест, сразу можно просчитать его характер. И такой, какой он есть, он и будет всю жизнь, ничего не изменится. Он будет приобретать опыт, менять взгляды, но свой характер он не поменяет. Если родился активным, шустрым, он и не будет пассивным. Если родился пассивным, он не станет активным. Ребенок может потерять здоровье, улучшить здоровье, а характер он не поменяет никогда.

Вот Пелагея родилась еще в советском роддоме, и ее мне принесли запеленатую, в косыночке. И тут же на меня глянули Геркины глазки, осмысленные, умные, жаждущие жизни. Все дети орали, а она сразу принялась за дело, стала активно кушать. Такая она по жизни и осталась. Она, как и Герман, активная, у нее большая жизненная энергия, она ставит себе цель и идет к ней. Такая она была с первого же дня.

Когда родился Арсенька, он был само спокойствие. Он и сейчас спокойный, уравновешенный, весь в себе — это его характер.

Родился Сергей — родился начальник, крепыш, хозяин. Ему сейчас 11 лет, у него свое дело, он вкладывает деньги в баранов, делает берестяные стаканы на продажу, печет в русской печке и реализует настоящий бездрожжевой хлеб. Он умеет разговаривать с людьми, которые на него работают, которых он нанимает себе в помощники. Он понимает, что он старший, разговаривает с ними уверенно, но по-справедливости. Он может с них требовать, так как сам трудится с ними наравне. Причем его никто не будит, он сам просыпается в шесть утра, боясь что-то не успеть. Про него говорят: «Откуда такой мужичок взялся?» Он родился мужичком.

А вот Пантелеймон родился дома, внезапно, без схваток. Я проснулась от того, что у меня начались роды, и его появление на свет заняло всего несколько минут! Какой же он шебутной! Он

так торопился вылезти к нам сюда, попасть в эту жизнь, не мог подождать ни секунды! Он все время бегаёт, все время что-то делает. Когда он был совсем маленький и мы жили ещё на Рублёвке, он то кран перекроет с газом, то чернила на себя выльёт, то что-то сломает, куда-то постоянно мчится — сгусток энергии. Сейчас это мой самый спортивный ребёнок, он очень выносливый. Его любимые занятия — это езда на лошади галопом, упражнения с «грушей» и подтягивания на турнике, занятия рукопашным боем. Так как он очень подвижный, ему не хватает терпения на приготовление уроков. Он все время торопится и поэтому делает ошибки, за что, бывает, получает плохую отметку. Но в находчивости ему не откажешь. Как-то получил он по математике двойку, наступил вечер, собрались мы с детьми вместе за ужином, я и говорю: «Пантелеймон, смотри, сегодня Михей получил пятерку, Сергей пятерку, Арсения учительница хвалила, а ты только один отличился двойкой». А он мне отвечает: «Мам, у тебя четыре сына, три умных, пусть хоть один будет глупый». Рассказав Герману про высказывание Пантелеймона, мы, конечно, посмеялись над его изречением, но на следующий день Герман подозвал к себе Пантелеймона и спросил: «До меня дошли слухи, что кто-то хочет в нашей семье быть дурачком?» Пантелеймон сразу понял, что переборщил, и пообещал, что исправится.

Последним у меня родился Михей. Роды были тоже очень быстрые, без схваток. Он родился пухлым, обстоятельным, спокойным, мягким, каким-то медвежонком. Даже имя ему подходит — Михей. Ему сейчас семь лет, и он, как очаровательная игрушка, — уютная, спокойная, вдумчивая. Он все время думает и всегда спал спокойно, никогда меня не будил.

Глава 35

Детские глаза

Момент, когда ребенок приходит в этот мир, просто удивителен, я родила пятерых детей и все равно каждый раз воспринимала это как чудо. Носишь в себе малыша девять месяцев, он уже есть, он слышит твой голос, пугается резких звуков, ты его чувствуешь, но ты с ним еще незнакома, гадаешь, кто будет, какой у него характер. Многодетность и хороша тем, что дает понимание того, какими разными бывают дети. Это тебя настолько обогащает, что ни с чем это не сравнить. Пропуская через себя их радости и печали, ты как будто сама проживаешь и их жизнь, и сколько у тебя детей, считай, столько у тебя жизней. Это намного интересней, чем пропускать через себя жизненные истории каких-то выдуманных героев из телесериалов. Понять это можно, только имея много детей. Многодетность к тому же привязывает мужа к жене и жену к мужу, потому что детей нужно прокормить, воспитать и их нельзя отрывать друг от друга, важна целостность семьи. Женщина, которая не дает возможность себе родить, очень многого себя лишает. Бывает не по себе от мысли, что, сложись моя жизнь иначе, я бы себя тоже могла этого лишиться, ведь я никогда не планировала, что у меня будет пятеро детей. Вышедшая из Советского Союза, я была уверена, что детей должно быть не больше двух, это как сервировка к обеденному столу — ложка и вилка. Узнавая, что беременна третьим, четвертым и тем более пятым ребенком, я испуганно сообщала мужу, что у нас будет ребенок, как правило, очередная беременность совпадала с какими-нибудь проблемами в нашей жизни, и для меня была шоковым известием. Но мужа всегда это известие радовало. Он говорил: «Значит, у нас все будет хорошо, если Бог опять нас Благословил ребенком».

Каждый вечер, засыпая, дети говорят мне: «Мама, как я тебя люблю». И, с одной стороны, ты как бы купаешься в этой любви, а с другой — это большая ответственность перед тем, чтобы это чувство оправдать. У меня пять детей, и все совершенно разные. Когда они вместе, отчетливо видно, как они дополняют друг друга. Если я куда-нибудь уезжаю с мужем без детей, то, вспоминая их, я прежде всего вижу перед собой их глаза. Спокойные, с легким налетом иронии глаза Арсения, задумчивый, от этого кажущийся грустным взгляд Сергия, озорные голубые «озерца» Пантелеймона, всегда широко раскрытые, как будто удивленные глазки Михея. Сейчас дети уже подросли и старшие

уже зарабатывают сами деньги, и так приятно слышать от них: «Мам, возьми у нас деньги, купи себе что хочешь». Иногда позвонит дочка, а мне некогда, чем-то занимаюсь с младшими. Она немножко надувает губки: «Я тоже твой ребенок». Это значит, что и ей надо уделить внимание, хоть она и сама уже стала мамой. Когда у меня получается «вырваться» от своих мужичков, то я сразу еду в гости к дочке. У нас всегда накапливается куча тем которые надо обсудить. Часто дочка уговаривает меня, чтобы я переночевала у нее хотя бы одну ночь. Если в годы ее девичества мы ждали момента, когда уложим ее братишек, чтобы нам никто не мешал, то теперь, уже уложив ее дочку Ефросинию, мы опять, уютно устроившись, обсуждаем насущные новости. Когда у женщины много детей, то словосочетания «жизнь не удалась» или «как скучно, чем бы заняться» просто не имеют право на существование.

В основном женщины убивают своих детей не потому, что у них есть какие-то противопоказания к родам. И если бы женщины не делали абортов, то у большинства было бы много мальчиков и девочек, хотя бы по трое-четверо. Если бы женщины не убивали своих детей, то они были бы намного счастливее. Говорят, что у нас в стране несчастливые женщины. А как они могут быть счастливыми? У нас девяносто девять процентов женщин — убийцы. Как убийцы могут быть счастливыми женщинами? Никак, просто никак.

То, что ты убила своего малыша, остается с тобой навсегда, и если осознание этого не пришло сразу, то обязательно придет в старости. А если это осознание не придет никогда, значит, это просто страшная женщина. Я знаю женщин, которым сейчас по 60–70 лет, они прошли через это, и когда затрагиваешь эту тему, они говорят: «Если бы я могла это вернуть, сейчас бы у меня был сын, который, наверное, был бы лучше вот тех, которые у меня есть сейчас. Или дочь...» Все корят себя, может быть, все в жизни сложилось бы иначе. И, как правило, судьба кого-то из рожденных детей не складывается за счет этого материнского греха. Это очень страшно.

Глава 36

Рожать надо дома

Что такое роды? Познание о них мы выносим из детства.

Но чаще всего у нас с детства вкладывают в голову девочке, что роды это что-то страшное, часто бабушки или мамы говорят своим маленьким внучкам-дочкам, когда они поранятся или ушибутся: «Ну, не плачь, это разве боль, а как же ты рожать будешь», таким образом успокаивая свое любимое чадо. И когда девочка подрастает и готовится стать мамой, она дрожит от страха, и тут ей начинают говорить, что, если вдруг что-то пойдет не так, ты не волнуйся, тебя спасут наши самоотверженные врачи в роддоме. И будущая молодая мать замирает от мысли, что она находится в положении между жизнью и смертью. Роды — это совершенно естественный процесс, не более, чаще всего, болезненный, чем зубная боль или боль, вызванная какой-то травмой, но при этом настолько прекрасный, что мимолетные неприятные ощущения — это ничтожная плата за несказанную радость.

С Пантелеймоном в нашу жизнь вошли домашние роды. Это была инициатива Германа, именно он на них настоял, уговорил меня и все это организовал, найдя мне очень хорошую акушерку.

Только пройдя через домашние роды, я поняла, что потеряла, рожая в казенных больницах. И еще раз убедилась, что мужа надо слушать. Женщина должна рожать дома! Мне есть с чем сравнить: я рожала и в советском роддоме, и, когда из развитого социализма мы одним махом перескочили в капитализм, рожала Сергея в самом дорогом оплачиваемом роддоме. Домашние роды — это и естественно, это и комфортно, это и здорово (с ударением на предпоследнем слог). Ведь намного разумнее здорового врача вести к женщине, чем роженицу со схватками к врачу. Помню, когда у меня начались схватки с Арсением и Герман вез меня по пробкам в московский роддом, воспоминания остались не из лучших у нас обоих. А ложась заранее в роддом и томясь от ничего неделания, без любящих и поддерживающих тебя людей рядом, сразу ощущаешь себя пациенткой, у которой скоро операция, а не женщиной в ожидании чуда. Первую и самую главную свою информацию малыш получает сразу при появлении на свет. И, конечно, большая разница, получит ли он ее в родных стенах, в окружении родных людей или в казенном доме среди чужого окружения, при неестественном ярком свете, который слепит глаза, в том помещении, где, кроме родов,

делают и аборт. Ребенок не должен рождаться в стерильных условиях больницы. Появляясь на свет в естественной среде, в которой он все равно через несколько дней окажется после выписки из роддома, он сразу приобретает необходимый ему иммунитет. Наша дочка тоже родила дома. В отличие от меня, у нее были сложные роды, тазовое предлежание ребенка, да еще девочка шла сначала одной ножкой, и, если бы она рожала в роддоме, ей сто процентов сделали бы кесарево, а так она благополучно родила сама и сейчас ждет уже второго малыша, а я скоро буду уже, даст Бог, бабушкой в квадрате. Хотя Полина сразу, уже исходя из моего опыта, была настроена на домашние роды, она все же решила съездить в роддом, чтобы иметь представление и понять, как она сама хочет, где ей больше понравится рожать. Как рожать дома, она имела понятие: на момент появления ее последнего братика ей было уже пятнадцать лет, и она отчетливо помнила радостные приготовления к этому событию. Она уже выбрала двух акушеров, которые дали согласие, так как при таких родах всегда должны присутствовать два специалиста, у которых был достаточный опыт принятия родов с тазовым предлежанием ребенка. Полина отобрала по рекомендации один из хороших роддомов и поехала туда на «разведку». Разведывательный рейд полностью убедил ее, что в роддоме ей делать нечего. Казенная обстановка, холодные, дежурные, улыбки. Сразу приходит ощущение, что ты попала на конвейер по производству детей. На пожелание родить самой, был однозначный ответ, что с таким предлежанием плода, только кесарево. Попадая даже в самую лучшую больницу, вы попадаете на территорию, где «мячик» на их стороне, и они будут исходить из своих интересов, а не из ваших. Как им поспокойнее и полегче. А ведь при таком предлежании роды хоть и посложнее, но все равно являются естественными, и женщины прекрасно справляются с такой задачей. Но просто надо быть профессионалом в своем деле, чтобы правильно провести роды, а не идти легким путем, просто калеча женщину кесаревой операцией. Да и для ребенка такие роды являются стрессом, как и все противоестественное, как любое операционное вмешательство. Кесарево — это операция, которая производится, когда на все сто процентов есть уверенность, что самостоятельно женщина родить не сможет, а у нас сейчас «кесарят» каждую третью роженицу. У Полины в такой спокойной и добродушной обстановке прошли роды, что сейчас, когда она опять готовится стать мамой, никого страха перед родами у нее нет.

А когда я первый раз должна была стать мамой, муж, который уже стал к этому времени миллионером, оплатил полную

амортизацию роддома, в котором я, предполагалось, буду рожать. Немного ошиблись в сроках, я поступила в родильное отделение ночью в другую смену, которая была не предупреждена обо мне. В регистрационной карте, в графе «работа мужа», было написано — кооператор, так как другого определения для людей нестандартного заработка еще придумано не было. И вот представьте первые роды, состояние неизвестности, и от этого состояние страха, и, надо признаться, боли от схваток, а вместо такой естественной в данной ситуации поддержки, каких-то добрых слов при таком важном событии в жизни любой женщины, я вдруг слышу слова врача, принимающего роды, заглянувшего в мою личную карточку: «Да ты у нас из богатеньких, а деньги — это не панацея, вот сейчас родишь дурака». И вкалывают мне успокоительное, так что меня начинает клонить ко сну. И это в самый разгар схваток. Я начинаю отключаться, и на меня вдруг начинают орать: «Давай рожай, а то сейчас ребенку не хватит кислорода, и у него будут проблемы с головой». И вот под этот кошмар я родила своего первого ребенка, свою дочку. Герману я рассказала эту историю только через пятнадцать лет, зная его характер и то время, не хотела последствий для обслуживающего персонала того роддома. Понимая, что это просто несчастные люди, которые и так сами себя наказывают таким отношением к людям. Арсения и Сергия я уже рожала с нормальным вежливым медперсоналом, но все равно, по сравнению с домашними родами, это все не то.

Зато как же комфортно было рожать дома. Расскажу вам, как происходили мои последние роды. Ближе к приближению срока родин акушерка стала часто меня навещать, боясь меня проворонить. Так как предыдущие роды был вынужден принимать вместо акушерки мой муж, всегда говоривший, что мужчина не должен присутствовать при родах. А произошло это в разрез с его позицией и желанием из-за стремительности моих предпоследних родов, так как они проходили у меня без схваток, и я просто проснулась оттого, что ребенок рвется увидеть новый мир. Акушерке нереально было примчаться за пятнадцать минут, время, за которое все произошло. И Герману ничего не оставалось, как поймать малыша, дать мне его и дожидаться акушерку. Происходило это ночью, пробок не было, и водитель мчал ко мне с врачом на максимальной скорости, так что она в рекордные сроки была у меня. Акушерка перерезала пуповину и произвела все необходимые для этого события действия. Надо отметить то, что пуповину перерезают в роддомах сразу после рождения, а это не есть правильно. Прежде чем это делать, должно пройти достаточно продолжительное время. То, что

рядом во время родов не оказалось акушерки, была моя вина, я настояла, чтобы она уехала в этот день, уверив, что рожать сегодня не буду. На следующий день к нам в гости приехал Герин папа, а он профессор медицины, детский врач, педиатр. Осмотрев новорожденного, он не нашел у него никаких отклонений от нормы. Насколько роды были быстрыми и легкими для меня, настолько стрессовыми они оказались для мужа. Поэтому, когда я опять собралась рожать, Герман уже сам держал руку на «пульсе», не доверяя моим словам, что я вроде еще не скоро рожу. Так что с последними родами все были начеку, и на мои провокации не поддавались. Когда начались роды, а они у меня опять были очень быстрыми, от схваток до родов прошло всего 20 минут, акушерка была в наличии. Муж зажег свечи, покадил ладаном, за дверью дети в нетерпенье ожидали, кто у них сейчас родится: братик или сестренка. Атмосфера ожидания чего-то чудесного, что должно сейчас произойти, витало в воздухе. После того как малыш родился и был уложен в люльку, ощущение, что ты находишься дома, среди любящих тебя людей, делало это событие праздником сразу в момент появления малыша, а не по прошествии каких-то дней во время выписки из роддома. Когда я и ребенок были приведены в должный порядок, в спальню вошли знакомиться с новым человечком, пришедшим к нам в семью, дети. Особенно интересно было Пантелеймону, он был на тот момент самым маленьким, и вот вдруг он в одно мгновение стал для кого-то тоже старшим братиком. Его распирало сразу два чувства: гордость и любопытство. Сразу после родов роженице надо выпить немного теплого натурального сухого вина для подкрепления сил, что мною с удовольствием было и сделано. Акушерка заварила мне вкусный травяной чай. Михей, так мы называли новорожденного, так как в момент его появления на свет праздновался по православному календарю Пророк Михей, спокойно посапывал в люльке, отдыхая от проделанного им нелегкого пути. Большим преимуществом домашних родов является еще и то, что ты пользуешься и своей ванной, и все, что нужно для родов, все приготовлено тобою, и ты можешь быть спокойна, что тебя ничем не заразят. Уже ни для кого не секрет, что даже в самых дорогих и «престижных» родильных заведениях нет стопроцентной гарантии, что вам или вашему ребенку не занесут какой-нибудь заразы. Еще мне очень нравилось, что обстановку, в которой появится малыш, могу создать я сама. Я украсила комнату, купила для этого случая новое красивое постельное белье, уделила внимание себе, чтобы и сама мама при встрече со своим малышом выглядела красиво. Очень часто говорят о риске домашних родов. При любых родах, будь то

домашние или в больнице, риск того, что что-то может пойти не так, присутствует. Но если это происходит на дому, то об этом гудит вся страна, клеймя мать, а акушерка получает тюремный срок. Но та же самая ситуация, произошедшая в роддоме, как правило, проходит незамеченной и для общественности и без каких-то жестких последствий для медицинского персонала, оставляя неотмщенных родителей со своим горем наедине. Сколько историй с трагическим концом из-за ошибки или просто халатного отношения врачей, произошедших при рождении ребенка в роддоме, поведавших мне самими пострадавшими женщинами, известно только мне. Одна моя знакомая, жена очень состоятельного человека, рожала своего первого ребенка в очень дорогом медицинском учреждении, вспоминает до сих пор свой первый опыт с содроганием: и сами роды, и их последствия. Жизнь ей спасла в буквальном смысле ее мама, пришедшая через несколько часов после родов проводить ее в палате и обнаружившая истекающую кровью дочь, которая крепко спит, медперсонал это обстоятельство проворонил. Остальных четырех детей эта женщина благополучно уже рожала дома. Недавно к нам приезжала в гости молодая пара посмотреть и перенять опыт хуторской жизни и поведали мне, какая драма произошла в их семье, как во время родов, по халатности врачей, погиб их ребенок. У нее были первые роды, во всем она слушалась врачей, не имея еще опыта в таких делах. Уже когда шли сильные схватки, врач сказал, что еще рано, и ушел пить чай, в итоге ребенок задохнулся. Мужу так и не удалось призвать никого к ответу. И таких историй я могла бы рассказать вам на многие страницы, и это притом, что у меня достаточно широкий круг знакомых, рожавших на дому, нет ни одного негатива. По статистике на 100 домашних родов — 0,01 процент смертности, а для больниц на 1000 родов — 150 смертей по стране. Надо отметить, что акушеры, принимающие роды на дому, — это всегда профессионалы в своем деле, так как, если роды прошли неблагополучно, их ждет суд и, скорее всего, тюрьма, поэтому, понимая, что их ожидает, они работают и за страх, и за совесть. А вот за смертность в роддоме по вине врачей привлечь к ответу очень сложно. В большинстве европейских странах разрешены домашние роды, особенно в Германии и Англии высокий уровень домашнего акушерства. И для того чтобы домашние роды были доступны для каждой женщины в нашей стране, нужно требовать у государства повышения уровня и профессионализма института акушерства, легализации домашних родов, перенимать хороший опыт европейских стран, а не клеймить домашнее роды и идти рожать в казенный дом.

Глава 37

Аборт

Герман ведет очень активную деятельность по запрещению абортов. Он занимается этой деятельностью почти 20 лет. Очень много денег, которые Герман зарабатывал, он тратил на рекламные щиты, на которых была изображена расколотая голова ребенка и надпись: «Аборт — это узаконенное детоубийство». В России Герман был первым, кто громко и открыто стал говорить о том, что аборт — это не операция, а убийство. Сейчас, например, в Турции премьер-министр Реджеп Эрдоган заявляет, что аборт — это убийство. Теперь об этом говорят многие политики, а Герман начал звонить в этот колокол еще в начале 90-х. К нам потом приходили люди, которые видели эти рекламные щиты, с благодарностью, что именно этот образ ребенка с разбитой головой остановил их от рокового шага. Эту рекламу не только вешали в городе на щитах, но и расклеивали в метро. Были маленькие версии такой рекламы и большие. Призывами против абортов обклеивали все вагоны на всех ветках, их сдирали, тех, кто их расклеивал, ловили, но они все равно шли и дальше обклеивали. Наши дети тоже в этом активно участвовали. Во всех своих интервью, которые брались у Германа на различные темы, он всегда пытался вставить реплику про аборт.

На многих эта реклама подействовала, люди стали задумываться.

Один мужчина рассказал, что он уговаривал свою жену сделать аборт, потому что у них не было денег на содержание ребенка. Он вез ее на операцию, и в вагоне метро они увидели нашу листовку, развернулись и поехали домой. Он рассказывал потом: «Мы были очень бедны, у нас не было денег и работы. Но через несколько месяцев я нашел работу, у меня появились деньги, и Господь все дал». Потом к нам пришла одна женщина, бывшая балерина, и сказала: «Я увидела эту рекламу и вдруг поняла, что много лет назад я убила своего ребенка. Во мне перевернулось все». Даже тем, кто это сделал, важно узнать, важно понять, что они сделали, потому что у них появляется возможность раскаяться в этом грехе, как-то замолить его, рассказывая другим, предупреждая их. Непоправимых дел нет, пока мы живы. Но если люди не могут простить аборт, то это не значит, что Бог этого не простит. Да, это нельзя поправить, но это можно замолить.

К своей противонаборной программе Герман пришел

совершенно случайно. Он был еще довольно молодой: у нас тогда была Полина, и несколько месяцев уже было Арсению. Герману попала в руки книжечка, я не знаю, как она оказалась у нас дома, наверное, кто-то принес ее с кучей литературы. Был солнечный день, он сидел на террасе, читал эту брошюру против абортов, о том, как во время этой операции маленькому человечку отрезают скальпелем ручки-ножки. Я вышла на террасу и вижу: он сидит с совершенно изменившимся лицом. Он кладет эту книжку и говорит мне: «Алена, ты знаешь, что аборт — это убийство ребенка? Знаешь, сколько сейчас по всей стране убивается детей?» У него в этот момент словно все перещелкнуло. С этого момента он начал заниматься этой проблемой, которой он занимается и до сих пор.

Глава 38

Работа мамой

Однажды одна из журналисток, бравшая у меня интервью про нашу хуторскую жизнь, спросила, не жалею ли я, что не состоялась как личность в какой-нибудь достойной профессии, прожив свою жизнь всего лишь в качестве мамы и жены?

На что я ответила: «Будучи женой своего мужа, я становилась попеременно всем тем, чем становился мой муж: был он миллионером, я была миллионершей, стал овцеводом, я стала «овцеводшей», а также мы еще и многодетные родители, а это, скажу я вам, увлекательнейшая работа, при которой ты на сто процентов работаешь на себя».

Наверное, ни одна профессия не дает столько возможностей попробовать себя в стольких специальностях сразу, как работа мамой. Во-первых, ты и воспитатель, и первый учитель для своих детей, ты и повар, ты должен проявить себя дизайнером, чтобы украсить дом так, чтобы всем членам семьи в нем было комфортно и уютно. И модельером, чтобы дети имели свой стиль в одежде. Я также выступаю как парикмахер, так как сама стригу своих мальчишек. А также ты должна еще быть и психологом, так как к каждому ребенку нужно подобрать свой подход, нужные слова. А если учесть, что я живу на земле, то могу назвать себя и огородником, и садоводом. Я очень благодарна своему мужу, что он создал мне такую жизнь, что мне не надо было выходить на работу. Что я смогла все свое время посвятить самым любимым моим людям — мужу и детям. И что имея возможность не растрчивать свои силы и нервы на зарабатывание денег и делание какой-нибудь карьеры, я смогла почувствовать себя женщиной в полном смысле этого слова. Дети — это наш с мужем пенсионный фонд.

Часть VI

Рай в шалаше

Глава 39

Убирать дом к вечеру

Если посмотреть на мою жизнь, то она с определенной периодичностью представляет собой резкие взлеты и падения. Когда я была маленькой, моя семья была достаточно обеспеченной, родители баловали нас с братом большим разнообразием игрушек и одежды. А когда я уже училась в старших классах, на нашу семью обрушились страшные долги, и тот возраст, когда как раз и хочется хорошо выглядеть и иметь нарядную одежду и мирную спокойную обстановку в доме, совпал с полным безденежьем и вытекающими из этого проблемами.

Затем было замужество и освобождение от долгов.

Когда Герман стал миллионером, мы внезапно стали одними из самых богатых людей страны. Мы могли позволить себе что угодно, но это не явилось для меня каким-то потрясением, мой внутренний мир не изменился. Когда мы разорились из-за политики Германа, внутри нас тоже ничего не произошло: ни ожесточения, ни отчаянья. С одной стороны, потому что сам Герман относился к тому, что случилось, просто, как к очередной задаче, которую надо быстро решить, с другой — я еще с детства почувствовала, что жизнь полосатая штука, и бывают взлеты, и падения, и просто жизненная ситуация опять подготовила для нас новые испытания. Ведь и большие деньги, и разорение являются одинаково серьезной и для самого человека, и для его близких проверкой «на вшивость».

У меня выработался принцип: если все живы — дети, муж, то все остальное не имеет значения. Единственное в жизни, чего нельзя поправить или восполнить — это уход кого-то из близких. Если это случилось, надо как-то смириться и жить, но все равно все ощущения жизни будут не те. Если же ты живешь с неординарным человеком, который тебе интересен, если с тобой рядом дети, то все трудности преодолимы. Как-то меня пригласили на телепередачу, где спросили: «Как Вы относитесь к пословице «С милым рай и в шалаше»?» И потом журналисты любили задавать этот вопрос. Я всегда отвечала: «Смотря какой милый. Если ваш милый — достойный человек, то с ним рай будет и в шалаше, да он вам дворец из этого шалаша сделает. А если нет, то вы с ним и в коттедже будете несчастны. Вы сами все будете делать, жизнь будет скучная, неинтересная». Важно, какой человек живет с тобой рядом. Ты сможешь с ним быть счастливой и в богатстве, и в затрудненных жизненных обстоятельствах.

На Рублевке часто можно встретить несчастных жен, их мужья пьют, гуляют. Им и их богатству можно было только посочувствовать, потому что за ним скрывалась внутренняя пустота.

Даже вот в Слободе наша жизнь была насыщеннее, столько всего там происходило. Нормальной дороги до нашего дома не было, и с первыми дождями проехать туда можно было только на тракторе. А желающих нас там посетить было море. Начиная от просто знакомых до любопытствующих, не говоря уже о журналистах. Редкая неделя обходилась без них, причем очень много было из-за рубежа. Так Герман тогда придумал, чтобы люди к нам могли приезжать, сварил большую плиту, на которую могли заезжать машины, и ее цепляли к гусеничному трактору, и любой автотранспорт теперь, как на пароме, доезжал до нашего дома.

У наших детей дисциплина по отношению к отцу беспрекословная, не бывает такого, чтобы папа что-то сказал, а дети этого не сделали. Хотя Герман считается с их мнением по поводу хозяйства, по поводу того, куда они хотят вложить деньги, которые они заработали. Так как старшие сыновья уже понимают в ряде хозяйственных вопросов больше, чем отец, так как просто выросли в отличие от нас с этим, то Герман все чаще советуется с ними и прислушивается к их мнению. Дети совершенно самостоятельны, но авторитет отца непреклонный.

Наша семья привыкла к тому, что в любой момент папа может сказать: «Все, поехали». И мы соберемся и уедем. И ни я, ни дети, не будем задавать вопросов, почему надо уезжать. Надо, значит надо. У меня есть привычка — всегда убирать дом к вечеру, чтобы, если вдруг нужно будет куда-то ехать, я оставила бы после себя чистый дом. Быть наготове — у меня уже в крови.

Глава 40

Жизнь после сорока

Считается, что после сорока лет для женщины начинается период увядания и все самое лучшее осталось позади. Но именно после сорока я начала жить самой полноценной жизнью, я стала ее лучше понимать, и радуюсь ей я намного больше, чем в молодости. К тому же дети подросли, стало больше свободного времени, и я понимаю теперь, как с пользой для себя потратить это свободное время. Я наконец-то стала осваивать вязание крючком, оказалось, что это очень захватывающее занятие. Научилась ездить верхом на лошади, как ни странно, но в молодости меня пугала сама мысль, что я могу залезть на нее. А сейчас я не только не боюсь, но еще и получаю огромное удовольствие от верховой езды. Такое тепло ощущаешь от этого великолепного животного, так приятно скача рысью или галопом чувствовать, как все тело повторяет плавные движения скакуна. Появилась возможность больше времени уделять летом своему цветнику и огороду. Мне нравится посадить какое-то семя или рассаду, а затем в течение лета наблюдать, как из этого постепенно появляется зрелый, вкусный овощ или благоухающий прекрасный цветок. В молодости все воспринимается как данность — любовь мужа, дети, да и сама жизнь. А сейчас, когда ты понимаешь, какая это ценность, когда приходит понимание того, как скоротечна жизнь, ты начинаешь этим по-настоящему дорожить. Ценить каждый прожитый день. Если раньше ты отслеживала, как дети постепенно по мере взросления приобретают разные навыки, то сейчас наступило время наблюдать, как они эти навыки реализуют.

Если в молодости, по большому счету, без разницы, что одеть, так как сама молодость является украшением, и практически все к лицу. То сейчас такой возраст, когда одежда, это уже то, что подчеркивает или наоборот перечеркивает твои достоинства. И то, как ты выглядишь, во многом зависит только от тебя. И это создание своего образа, нового стиля в одежде тоже доставляет удовольствие.

Возраст сорокалетних — это возраст, когда женская привлекательность еще есть, а жизненный опыт уже есть. И в отношении с мужем добавляются новые «краски».

Так что я считаю, что для женщины возраст от сорока до пятидесяти лет самый интересный. Недаром часто этот возраст женщины называется «бабьим летом». Ведь он, как и

соответствующий этому названию временной промежуток времени, прекрасен золотой листвою, солнечными днями и сбору разнообразных вкусных плодов, посаженных своими руками весной. Мне очень нравится этот промежуток. Бабушка — это очень хорошее состояние. Обретя этот статус в сорок четыре года, я вначале не осознала себя в роли бабушки, скорее, было ощущение, что это не внучка, а моя дочка, сестренка Полинки. Тем более, имея своих еще маленьких детей (младшему было на тот момент всего шесть лет), я еще не успела соскучиться по малышам, и если, как правило, многие родители, у которых всего один или два ребенка, уже во всю ждут внуков, так как детский возраст их собственных детей давно миновал и хочется опять с кем-то понынчиться, то у меня ностальгия в этом плане еще не наступила, мне хватает дел в собственном семействе со своими детьми. Но стоило дождаться первых слов своей внучки Ефросинии, одним из которых стало слово «ба-ба», и радостный топот ко мне навстречу маленьких ножек, в душе разлилось такое счастье и понимание, что это уже твое продолжение через детей. И когда в гости к Полине приезжают Герины родители и мы все собираемся вместе, то одновременно сразу присутствуют четыре поколения. Еще одно важное для себя открытие я сделала совсем недавно, я поняла, что мне любопытно жить. В смысле, что я уже знаю все ощущения молодости, среднего возраста и мне интересно теперь, как будет дальше, как я буду в роли свекрови, как будут складываться отношения с мужем в более зрелом возрасте, мне не хочется возвращаться в прошлое, как бы там ни было хорошо, так как я там все уже знаю, мне интересно, что у меня, и у моих детей, и внуков впереди.

Глава 41

Споры

Было время, когда я скандалила с мужем, и, если Герман меня чем-нибудь ошарашивал, предлагал что-то новое, я сначала, бывало, фыркала. Сейчас я вообще никогда не спорю со своим мужем, даже если я с ним не согласна. Теперь я понимаю, что если он что-то сказал и мне это не нравится, то ничего страшного не произойдет, если даже я с ним соглашусь. Я соглашаюсь, а про себя думаю: «Бог управит как надо. Если это неправильно, оно уйдет. А если правильно, останется». Нужно выждать. Бывает, все стирается само собой из каких-то объективных обстоятельств, бывает, Герман сам передумывает и понимает, что был не прав, а чаще оказывается, что Герман поступает правильно. С возрастом я научилась, как говорится, включать «голову» и просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Вот предположил Герман, что-то сказал или сделал, что вызывает у меня внутри негодование или обиду. Раньше я сразу стала бы спорить, что могло вылиться в скандал и долгие обиды. А сейчас я гашу в себе появившийся дух «борца» и быстро «пролистываю» ситуацию в голове, взвешиваю все «за» и «против», скандалить или нет. И всегда прихожу к выводу, что не надо, что по-любому, находясь в мирном состоянии, будет легче решить, пусть хоть попозже, возникшие разногласия, чем сейчас на горячую руку. И ссоры ушли. Тем более что с возрастом я стала понимать, как мало остается времени и просто жалко его тратить на выяснение, кто прав, и сидения в обидках, просто хочется наслаждаться отношениями. Ведь то время, что вы были в ссоре, уже никогда не вернешь назад, не открутишь, как в кинофильме, ленту на нужное место. А в старости эти потраченные на обиду часы или дни ой как пожалеешь. Интересно, что в первые десять лет брака я понимала, что спорить не надо, а потом начался период, когда я сочла, что уже что-то соображаю в этой жизни и могу поспорить. Это был ошибочный период моей жизни, который ни к чему хорошему не приводил, только к ссорам. А, как говорится, в спорах не рождается истина. Тем более при ссорах родителей, когда они выясняют отношения, у детей рушится целостность папы и мамы, детям нужно делать выбор, а для детей это является сильным стрессом. Поэтому всегда лучше уступить, если это необходимо, чтобы избежать скандала. Тем более в выяснениях отношений трудно сохранить женскую привлекательность, так что игра не стоит свеч.

Глава 42

Ревность

Мне всегда было чуждо чувство ревности и не потому, что я не люблю и не дорожу своим мужем. Просто я всегда понимала, что это чувство бессмысленно, ведь если ты любима, то какой смысл ревновать, а если тебя вдруг разлюбили, то уже поздно его испытывать, надо принимать произошедшее как факт. Ревность для мужчины более естественное чувство и в малых проявлениях даже приятно для женщины, так как женщина является существом слабым, и если при этом еще является особой с привлекательной внешностью, то ее могут пытаться соблазнить, ухаживая за ней, и она может пасть, испортить себе жизнь из-за необдуманного порыва. Поэтому небольшой контроль и ревность со стороны мужа чаще всего не только уместны, но и идут на благо семейных уз. Ревность со стороны мужчины (отмечу еще раз, что в рамках разумного, а не когда ревнуют к каждому столбу) подчеркивает, что жена ему еще не безразлична, и поэтому женщина, хоть и возмущается на словах: «Да как ты можешь так думать!» — все же не очень-то и оскорблена в душе, понимая, что мужчина тем самым признает ее привлекательность. А вот женская ревность всегда выглядит некрасиво и подчас комично, даже если она оправдана. Во-первых, мужчины не выносят контроля над собой, а ревность и особое наблюдение за мужем — вещи, идущие как правило под руку. Если мужчина чувствует над собой принуждение, то желание вырваться из-под этого давления пропорционально нашему желанию вернуть его в прежнее русло отношений. Часто женщины переживают, что уходит молодость, а с ней и красота, и муж уйдет к другой. Но ведь даже на очень красивую и молодую всегда найдется еще красивее и моложе. Уходят не от старых к молодым, а уходят от бытовой рутины и скуки в отношениях. Поэтому хоть и не надо себя запускать и пытаться следить за собой должным образом, но для сохранения чувств важнее всего стараться сохранить в себе то, что когда-то привлекало вашего супруга именно в вас, стараться, как банально это бы ни звучало, оставаться для мужа, в какой-то мере загадкой. Как говорил один наш знакомый, «придя домой хочется, чтобы тебя встретили радостной улыбкой и добрыми словами, а не мегера со списком претензий».

Глава 43

Мужем битая

Мужем битая — так называется эта книга, такой заголовок мне подсказала одна очень хорошая знакомая нашей семьи Ирина Саватеева, владелица большого садоводческого центра, а в прошлом журналистка, работающая в одном популярном издательстве, благодаря которой наш участок украшают такие красивые деревья, как каштаны, плакучие березы, туи и многие другие прекрасные представители растительного мира. Однажды, когда она была у нас в гостях, я обронила в разговоре, что пишу книгу и пока еще не знаю, как ее назову. На что она стала рассказывать, что многие ее приятельницы, узнавая о ее знакомстве с нашей семьей, почему-то первым делом задают ей вопрос: «Тяжело, наверно, живется Стерлиговской жене, вроде он ее бьет?» Да и сама я часто слышала от знакомых пересказы прочитанного в интернете про мою несчастную и тяжелую жизнь. И, посмеявшись над разными нелепыми домыслами, наша гостя говорит: «А назови ее «Мужем битая»». Это начало из фразы популярного в советские времена, еще черно-белого художественного фильма «Мужем битая, врагами стрелянная — живу!» А если честно отвечать, соответствует ли название книги реальности, отвечу — нет. Хотя не раз были случаи, как говорится, «на грани». Это по молодости можно возмущаться: «Да как это можно, чтобы мужчина поднял руку на такое беспомощное создание!» Но, прожив уже почти четверть века в браке и пропустив через себя огромное число жизненных историй, выслушанных от столкнувшихся по жизни со мной людей, я поняла, что практически любого, даже самого нормального и уравновешенного мужика «слабое и незащищенное» создание может довести до состояния, что он может не сдержаться и поднять руку, просто уже чисто рефлекторно, когда какое-то слово или поступок воздействовал на ту точку, которая уже автоматически включает действие от словесных аргументов к физическим. Потом мужчина раскаивается, переживает, но в отношениях все равно происходят уже маленькие трещинки. Это знаете, как когда попадает камень в лобовое стекло автомобиля, образуется маленькая вмятина, а через какое-то время от разных уже вспомогательных и незначительных причин расходятся уже длинные лучи в разные стороны, и уже сложно смотреть через них на дорогу. Поэтому я всегда успевала остановиться в последний момент, помогала, наверное, интуиция и правильная

оценка реальной ситуации. Меня часто упрекают, что я женщина, а часто принимаю сторону мужчин. Но именно потому, что я женщина и знаю нашу женскую сущность не понаслышке, то и понимаю, почему в различных ситуациях мы поступаем так, а не иначе.

Но для того чтобы быть понятной, давайте, как говорится, договоримся о терминах. Во всех рассматриваемых сюжетах я рассматриваю адекватных людей, а не с больной психикой, с садомазохистскими наклонностями. Ни для кого не секрет, что женщины более злы на язык, в ссорах не контролируют себя и могут сказать такое, что потом и сами будут жалеть, но слово, как говорится не воробей, вылетит — не поймаешь. А у любого мужчины есть тот предел терпения, за который лучше не выходить, так как срабатывает просто на генном уровне. Поэтому, когда женщина жалуется, что на нее подняли руку, надо тщательно разобраться, а что этому предшествовало. В большинстве случаев несчастье женщины в их неуважении к своим мужьям, любить-то они их любят, а вот уважать мужчину нас, к сожалению, в детстве не научили. А в моем случае выражение «мужем битая» можно считать за аллегорию. Я «ученая» всеми теми жизненными перипетиями, что преподнесла мне жизнь благодаря различной жизнедеятельности Германа. А своему мужу я благодарна за его терпение и сдержанность, которые при его характере давались ему с огромным трудом — в тех ситуациях, как я сейчас уже понимаю сама, заслуживала нескольких и тумачков.

Глава 44

Как жить так, чтобы хорошо выглядеть

Часто меня спрашивают, какой косметикой я пользуюсь, что так неплохо выгляжу для своего возраста. Отвечаю: «Никакой». Читая этикетки на кремах, видишь, что, например, в их состав входит козье молоко или оливковое масло, но зачем мне нужен этот крем, если у меня у самой под боком коза, дающая мне утром и вечером парное молоко, а оливковое масло холодного отжима мне привозят друзья мужа из Греции. Тот же мед, разные фрукты и растения, указанные в составах разных кремов, можно использовать самой в их натуральном и более экологичном виде. В состав любого крема, кроме натуральных ингредиентов, что еще необязательно является правдой, сто процентов присутствуют консерванты, никоим образом неспособные принести пользу вашей коже, а только вред. Проходит какое-то время, и еще вчера восхищенно отзывающиеся эксперты о какой-то косметике, пишут, что содержащее там вещество наносит непоправимый вред вашему здоровью. Чем дороже ты покупаешь крем, тем просто больше себе внушаешь, что он чудодейственный и безопасный.

Я живу на свежем воздухе, пью настоящую воду из колодца. Я ее называю «живая вода». Помните, в детских сказках часто встречалось сказание о живой и мертвой воде. Сейчас я понимаю, насколько это оказалось правдоподобно. Та вода, которая сейчас льется из водопроводных кранов, по-настоящему мертвая, так как мало того, что в ней нет никаких полезных веществ, так она еще просто кишит всеми вредными в нее сбросами, такими, как всевозможные таблетки, антибиотики, гормональные препараты, противозачаточные, которые сливаются в канализацию в огромных количествах, а оттуда опять в водные ресурсы, а мы потом пьем или принимаем из нее душ. Не травлю свою кожу косметикой, в молодости, может быть, несколько раз накрасилась. Не курю. Герман пятнадцать лет уже совсем не употребляет спиртное, а я очень люблю вино. Но пью только натуральные сухие вина, Герман специально для меня и гостей заказывает у знакомых в Абхазии очень вкусное домашнее вино. Господь сказал: «Вино веселит сердце человека». Бокала два достаточно. Если вином злоупотреблять, это сразу сказывается у женщины на лице. А в небольших количествах оно очень благотворно влияет на весь организм. Но самое главное, я не ем искусственную, напичканную всякой гадостью магазинную пищу.

Я уверена и в том, что женщину молодит деторождение.

Каждые роды — это обновление организма. Женщин, которые не могут рожать по медицинским показаниям, немного, но бездетных и женщин, у которых один ребенок, очень много. Это значит, что практически все делают аборты или пьют противозачаточные таблетки. И то и другое очень вредно для женского организма и не проходит бесследно для женской привлекательности. Аборт — это, мало того, что грех, который не может не сказаться на тебе. Это еще и мощный удар по организму женщины, стресс, который отнимает от жизни, может быть, не год-два, а более лет. Еще важно то, что, когда женщина не рожает, она не выполняет своей природной функции, которая в ней заложена, и поэтому начинает болеть. Во многих случаях это приводит к раку. Рак груди был редчайшем заболеванием на Руси, потому что женщины вскармливали грудью детей. Они постоянно рожали, в семьях было по шестеро-семеро и более ребятишек.

Наличие большого количества детей заставляет быть постоянно в движении, да плюс еще летом огород, зимой мне нравится чистить снег с дорожек, ведущих к моему дому, так что для поддержания формы не надо ходить ни в какие фитнес-клубы. Сейчас, научившись ездить верхом на лошади, я поняла, что лучшего тренажера не бывает, качаются буквально все мышцы. А еще, чтобы потом не бороться с лишним весом, надо просто меньше есть, не объедаться. Я ем небольшие порции, но зато никогда не могу себе отказать полакомиться сладким.

Наверное, есть и еще одна причина, почему мне не дают мои годы. Я ведь никогда не работала, никогда не была в коллективе, не была вовлечена в интриги, не познала подобных прелестей «взрослой жизни». Чтобы сохранить себя, женщине не надо торопиться взрослеть, не надо стервозничать, злиться, карьеру делать, потому что карьера подразумевает и стервозность, и злость, и интриги, жесткость. Иногда смотришь на женщину, вроде и лицо молоджавое, почти и морщин нет, но такая важность, значимость и решимость написана на лице, что это прибавляет ей годы. Все наши эмоции на нас отражаются. Даже морщины ложатся в зависимости от эмоций, это портрет нашей души: если человек смешливый, у него больше будет у глаз морщин, если он все время хмурится, ругается, то они появятся на лбу, появятся носогубные борозды. Если бы меня спросили: «Что в первую очередь нужно сделать, чтобы быть красивой?», я бы ответила: «Быть доброй». Ведь даже имея очень красивые черты лица, злой характер перечеркивает всю нашу «красивость».

Еще один прием, которым я пользуюсь, чтобы слышать комплименты в свой адрес, это накидываете себе лишних пять

лет. Именно прибавление, а не сокрытие своего возраста. Когда мне было тридцать пять, я говорила, что мне сорок, в сорок, что сорок пять. И видела вытаращенные глаза и выслушивала удивленные вопросы: «Как вам удается так хорошо выглядеть?»

Ведь для женщины неважно, сколько ей лет, важно, какое впечатление она производит на окружающих.

Самое важное, на мой взгляд, в сорок лет осознать, что тебе именно столько лет, а не двадцать, и одеваться красиво, но все же в соответствии с возрастом, потому что молодежная одежда на женщине средних лет выглядит нелепо и подчеркивает ваше желание молодиться, а это всегда представляет собой трагикомичную картину. И самое главное больше улыбаться и поменьше ворчать, чтобы вас не называли «сварливой бабушкой», а уголки губ не поползли вниз.

Глава 45

Что я не могла бы себе простить

Я по жизни очень жизнерадостный человек. Но я понимаю, что эта легкость дается только потому, что, Слава Богу, меня не отягощает чувство вины, которое я сама себе не смогла бы простить.

На мой взгляд, в жизни женщины есть две вещи, совершив которые, она сделает тот шаг, последствия от которого невозможно будет поправить — это аборт и измена мужу.

И одна, и другая вещь разрушила бы мою жизнь. Конечно, случись это, жизнь бы продолжилась, никуда не денешься, жить-то надо, но у меня больше не было бы ощущения счастья.

Даже если ты кого-то предал, это плохо, но это можно осознать, можно попросить прощения за любое предательство, за любую трусость. Кто не падал? А за эти две вещи прощения не попросишь, потому что прежнего состояния уже никогда не вернешь, не вернешь потерянного по твоей же вине малыша, не вернешь доверие и прежнюю любовь мужа, чистоту отношений. Эти два поступка, по-моему, самые разрушительные в жизни женщины.

Глава 46

Люди рядом

У меня есть много знакомых женщин, у которых дома большой обслуживающий персонал: есть и няни, и разного рода работники, и прислуга. Они держат этих людей на расстоянии, то есть люди выполняют работу и получают за нее деньги, но никакого личного контакта при этом не происходит. У меня так не получается, я не могу держать людей на дистанции, и с теми, кто работает у нас дома, например, с учителями, у меня всегда складываются очень хорошие, теплые отношения. Если я вижу, что люди делают свою работу хорошо и от души, то у меня появляется к ним чувство благодарности, хотя, казалось бы, я им плачу деньги. Я начинаю с ними общаться, и это общение переходит в личные отношения. Но бывали случаи, когда наша доверчивость оборачивалась для нас плохим концом. Был такой эпизод в нашей уже сельской жизни, когда человек, присматривающий за нашими баранами в дальней Слободе, которому мы доверяли и частенько помогали ему в разных жизненных затруднениях, отблагодарил нас тем, что украл у нас сорок котных овец, за несколько часов до этого пустив благодарственную слезу за оказанную ему очередную услугу и памятный подарок. После таких случаев на душе остается какое-то мерзкое, брезгливое ощущение. Не так жаль потерянных денег, хотя сумма за такую отару выходила приличная, да и материальное положение на тот момент было не из лучших, и для нас это было сильным уроном, сколько противно, что допустили человека в свою жизнь, поверив ему. Но, Слава Богу, таких ошибок было немного, значительно больше нам везло на окружавших нас людей. Вспомнить хотя бы Ваню Чейкина, начавшего работать у Германа водителем еще в начале 90-х и прошедшим с моим мужем многие успешные моменты и оставшимся с ним, когда Герман, оставив бизнес, стал лить восковые свечи, и в момент Гериного разорения после выборов. Со многими, кто в разные периоды работал у нас, мы поддерживаем отношения до сих пор. Не раз бывало, что люди, пришедшие к нам ради заработка, потом становились нашими друзьями и через какое-то время начинали жить похожей на наше житье-бытье жизнью, некоторые даже стали нашими соседями.

Глава 47

«Ключевые слова»

Мужчина и женщина — два совершенно разных мира, у нас совершенно по-разному устроена голова, и мы совсем по-разному воспринимаем информацию, которую друг другу выдаем. И только понимая, что мы очень разные, можно выстроить гармоничные отношения. Мужчины намного прощедушнее женщин. Мужчина, как правило, верит в то, что мы им говорим. А мы, женщины, чаще всего, говоря одно, имеем в виду совсем противоположное. Это как часто бывает после слов «не звони мне больше никогда», будем сидеть и неотрывно смотреть на трубку, ну, когда же он додумается позвонить, а он принял наши слова за чистую монету. И соответственно, когда они нам что-то говорят, то, как правило, так и думают, а мы, если забываем, что мы разные существа, ищем в их словах скрытый смысл. От этого и рождаются скандалы на ровном месте.

Если в семейных отношениях есть проблемы, очень часто это вина женщины. Я не беру крайности, когда, скажем, муж гуляет, пьет, становится наркоманом, такие ситуации трудно поправить, и такие наклонности надо было просто заметить еще в начале знакомства. Часто женщина видит, что ее избранник любит спиртное или сильно равнодушен к противоположному полу, но почему-то думает, что она его сможет исправить, удержать, но в девяноста девяти случаях из ста ничего из этого хорошего не выходит. Надо выходить за «мужа», а не за «перевоспитуемый объект». Но две трети конфликтов происходят из-за разногласий, или, так называемой, «несхожести характеров». А женщина ведь — хранительница очага, она должна уметь приспосабливаться, ведь женщине больше свойственны такие черты характера, как гибкость, артистичность, в хорошем понимании этого слова житейская хитрость, или можно это назвать находчивостью. Пусть тебе муж сказал такое, с чем ты не согласна, ты сделай вид, что согласна, не надо сразу перечить, только нарвешься на скандал, и, если даже настоишь на своем, у него в душе останется шрамик. Он же мужчина, а пошел на поводу у женщины. Потом это все накопится и выльется в его неудовлетворенность вашими отношениями и самим собой. Я в таких случаях применяю тактику ключевых слов. Надо сказать так, чтобы аргумент, как ключик, повернулся у него в голове, и он подумал, что вообще-то он и сам так думает, и вообще это он сам все и придумал. Герман знает уже мою тактику, но все равно попадаетея и смеется: «Ну,

все, пошли в бой ключевые слова». Если женщина выходила за мужчину, которого она считает умным, то логично в спорных вопросах к нему прислушиваться, а если выбирала по внешности, понимая, что он не блещет умом, то тогда надо подыгрывать и делать видимость, что его слушаются. Главенство у мужчин в крови, и поэтому для крепкого брака надо следовать зову крови.

Я прекрасно знаю, что если в категоричной форме и приказном тоне выскажу мужу свою просьбу, то он, сто процентов, ее не выполнит, просто его заденет командный тон. Но если все сказать с ласковой улыбкой, сдобренной «ключевыми словами», так он выполнит, сам от себя не ожидая, почти любую просьбу. По-моему, женщине нельзя бояться перед мужем показаться слабой, послушной. Когда есть понимание, что муж является главой семьи, то отношения строятся очень гармонично. Мужчина всегда это чувствует и сполна потом тебя вознаграждает и вниманием, и подарками, и словами, которые бывают дороже подарков, признанием твоей значимости для него. Ему ведь и перед знакомыми мужчинами приятно, что его жена такая понимающая, ценит его, слушается. Не зря народная мудрость гласит: «Сила женщины в ее слабости». Не надо бояться смиряться, ведь именно через чувство смирения приходит ощущение внутренней свободы, проходит раздражение и появляется полное доверие к мужу. А мужчина это чувствует, и это его подстегивает оправдать возложенные на него вами надежды. Очень распространено такое мнение, что унизительно подчиняться мужу, прислуживать мужу, но почему-то, идя на работу, женщинам часто незасорно, что ими командует какой-то чужой мужик, являясь их начальником, может на них и наорать и приказать. А мужчине, который их любит, заботится о них, от которого они рожают своих деток, прислуживать засорно, мы ведь равноправны.

Конечно, и в нашей семейной жизни были ошибки, глупо говорить, например, что мы не ссорились, что наша жизнь была сплошной тихой гаванью. Но, если люди любят друг друга, они притираются друг к другу, делают выводы из своих ошибок. Не сделаешь выводов — какое-то время спустя опять наткнешься на эту ошибку, пока наконец не поймешь. А не поймешь, то это, скорее всего, приведет к разрыву отношений.

Часть VII

Среда обитания

Глава 48

Стиль жизни

Всегда, когда мы с Германом проезжаем мимо моего дома в Строгино, где мы впервые встретились, он смеется и говорит: «Вот здесь все у меня рухнуло». И я не обижаюсь, потому что в этой шутке есть доля правды. В самом деле, если бы Герман не был женат, то, наверно, он смог реализоваться в жизни намного больше. Но именно благодаря тому, что Герман человек семейный, он сделал самое важное, на мой взгляд, для нашего времени, показал, что можно жить по-другому и быть по-настоящему счастливым человеком, так как лакмусовой бумажкой, по которой он выстраивал образ жизни, были дети — хорошо им или плохо. Именно эти критерии были самыми главными. К такому образу жизни, которым мы сейчас живем, Герман пришел через череду проб и ошибок, под смешки окружающих и непонимание близких. Сейчас только, оглядываясь назад, я понимаю, как тяжело ему было преодолевать это сопротивление, пробивать закоряченность мысли, осваивать совершенно незнакомые ему раньше виды деятельности. А теперь и я, и его родители говорим ему спасибо, что он дал нашим детям, их внукам возможность так жить. Была у Германа цель — стать миллионером, он им стал. Испробовал себя, благодаря открывшимся возможностям за счет больших денег, в разных социальных, коммерческих проектах, поучаствовал в политической жизни страны. Постепенно пришло понимание бессмысленности такого существования. Едва оформившиеся мысли, еще без четкого понимания, как именно надо жить, но точно не так, как до сих пор, подкрепились жизненными обстоятельствами, разорением, благодаря попытке баллотироваться на пост главы государства. И эта была та «пружина», что вытолкнула Германа в новую жизнь. И потихонечку стало вставать все на свои места, шаг за шагом приходила уверенность в правильности принятого решения. Мы переезжали под стенания своих родителей: «Что вы делаете, у вас же дети», под разведенные в недоумении руки знакомых: «Что опять придумал, что за «финт ушами»». Но потом все больше знакомых, приезжающих нас там проводить, с налетом тоски вздыхали: «Как ты, Герман, так вовремя соскочил с этого круга, а мы все торчим в этом «болоте»». Жизнь на земле поставила все с головы на ноги. Не надо было больше придумывать, как и чем занять тоскующих от безделья детей. Они просто стали жить

нормальной жизнью, когда слово «скучать» стало сродни иностранному непонятному слову. Пришло понимание, что до сих пор мы ели просто дорогую отраву, называющуюся по незнанию пищей. А сейчас к нам очень часто приезжают семейные пары или еще не нашедшие своей половинки, не слухавлю, если скажу, что на неделе таких гостей может быть пары три, а то и больше, которые просят помочь советом с чего им начать, перенять у нас опыт ведения хозяйства. Чувствуя неудовлетворенность своей жизнью, посмотрев некоторые выступления Германа по телевизору, прочитав его высказывания в интернете, кто-то нашел ответы на свои вопросы, увидев, что можно жить иначе и что есть люди, которые так живут, получили тот толчок, который был им необходим, чтобы решиться наконец сделать шаг для действия. Часто бывая вместе с мужем в Москве, я наблюдала картину, как к Герману подходят незнакомые люди, узнавшие его, и говорят спасибо за то, что, заразившись его примером, вырвались из каменного мешка и теперь живут на воле. Очень многие задают вопрос, зачем надо было так круто менять жизнь. Многие гонятся за карьерой, за деньгами, стремятся быть как все. Они живут как «белка в колесе», бегут по заданному кругу, в итоге очень несчастны и в семейной жизни, да и с детьми у них проблемы. Я это вижу у многих своих знакомых. Люди живут сами и держат своих маленьких детей в мегаполисах, где уже нечем дышать, где вода, которую они пьют, просто профильтрованная канализационная вода. Просыпаясь, они видят над собой чад от машин и разных производств, закрывающий им небо. Они ни за какие деньги не могут найти в городе настоящие продукты для своих детей. Ведь даже на рынке то мясо, что продается, напичкано таблетками для быстрого роста. Они, как на заклятие, отдают детей в современную школу, думая, вдруг пронесет, ребенок не сядет на иглу, не сопьется, а девочка к выпускному останется девственницей. Но проносит один процент из ста, и то сильно покалечив. Причем то, что они получают в школе, трудно назвать и образованием. Помню, когда Герман пять лет назад говорил, что учит детей на дому, то это вызывало кучу насмешек и негодований. Сколько репортажей у нас дома на эту тему было сделано разными телеканалами. А в этом году, только по официальной статистике, количество детей, обучающихся на домашнем образовании, выросло в десять раз. После того момента, когда Герман вывез нас с Рублевки и занялся крестьянским хозяйством, прошло уже девять лет, и все эти годы на эту тему тоже было масса Гериных выступлений в разных телевизионных программах и телерепортажей о нашем образе жизни. В результате Герман сейчас десятки писем в день получает

от людей, которые хотят так жить. Как говорится, лед тронулся. Многие понимают, что что-то не так, ругают время, правительство, не понимая, что именно они сами ответственны за свою и своих детей жизнь. Просто не надо ничего и ни от кого ждать, нужно самим исправлять жизнь на благо своим детям. И Герман своим примером показал, что это возможно.

Глава 49

Одежда

С изменением образа жизни в соответствии с православными правилами и просто нравственными приличиями и здравым смыслом соответственно изменился и внешний облик, вид выбираемой одежды. Ведь то, что одежда является определяющим фактором при первом знакомстве с человеком и несет много информации о нем, понимает, по-моему, каждый. Недаром существует народная пословица «по одежке встречают, а по уму провожают». Нелепо звучат слова из уст молодого человека с многочисленными татуировками и серьгой в ушах: «Я, православный христианин», в то время как весь его вид говорит об обратном. Это не значит, конечно, что, если видишь женщину в длинной юбке, можно сразу сделать вывод, что она верующая, но все же наша одежда во многом показывает наше внутреннее устройство. Почему-то сейчас очень часто бытует мнение, что если одежда не несет в себе какого-нибудь развратного штриха, то привлекательно женщина выглядеть не может. Помню, как одна из приехавших к нам брать интервью корреспонденток, причем женщина уже в возрасте, с сочувствующей интонацией и таким же взглядом спрашивала меня: «А не тоскуете ли вы, что не можете надеть платье с глубоким декольте?» На что я, еле сдерживая улыбку, чтобы не обидеть собеседницу, отвечала: «Я не думаю, что отсутствие моего оголенного декольте ввергает кого-то в печаль». Мне почему-то всегда было неудобно демонстрировать свои ноги большим вырезом на юбке или оголять живот под коротким топом. Оголяясь, ты как бы предлагаешь себя чужому взгляду, как бы прикидываешь, насколько тебя оценят, или, говоря современным языком, клюнут или не клюнут. Когда в двадцатиградусный мороз девушка идет в короткой мини-юбке, в тонких капроновых колготках, дрожа от холода, спрашивается, ради чего она рискует своим здоровьем, да еще, не дай Бог, застудившись, станет бесплодной. Меня очень в связи с этим забавляют феминистки, заявляющие, что им «по барабану» мужское мнение, и уже не знающие, что бы с себя стянуть, чтобы привлечь мужские взгляды. Выставление своих ног или груди на показ больше происходит от неуверенности в себе, отсутствия внутреннего достоинства. Еще как-то можно понять молоденьких девушек, ведущих себя так для того, чтобы выйти замуж, и показывая, как говорится, товар во всей красе, хотя мне кажется это не совсем, мягко говоря, верный путь. Но чем интересно

руководствуются замужние женщины и их мужья, разрешающие своим женам в «боевой» раскраске и призывной одежде выходить из дома. С одной стороны, женщины, совершенно не оценивающие свой внешний вид здраво, забывая про свой возраст и обвисшие тела, слепо следуя примеру, виденному по телевизору, предстают в метро глазам присутствующих попутчиков-мужчин в таком виде, что, как говорит один наш знакомый: «Хочешь получить надолго отвращение от женщин, спустись летом в метро». А с другой стороны, столько дефилирующих полубогаженных молоденьких красавиц, и с удивлением видишь, что их даже не провожают взглядом: приелось, неинтересно, заинтересуется разве только подросток. Причем желание себя оголеть, зная, что тебе предстоит поездка в метро или на другом общественном транспорте, вызывает вопрос, нормально ли у девушки с головой, видя, как спина, в прямом смысле не прикрытая ничем, трется о большое количество набившихся в поезд или автобус потных и не всегда опрятно одетых пассажиров. По крайней мере, уж точно не гигиенично. Существует много стильной, красивой одежды, которая подчеркивает достоинства и скрывает недостатки фигуры, при этом оставляя некоторую недосказанность, загадку в женском образе. В этом году в моду вошли длинные платья и юбки. Сколько же по-настоящему красиво одетых женщин вылилось летом на улицы Москвы, такая одежда и стройнит, и поражает своим разнообразием, походка становится женственней. Очень много кокетства и очарования есть в женском жесте придерживать немного ниспадающую длинную юбку, поднимаясь или спускаясь по лестнице. А я наконец-то дождалась, когда можно в магазине выбрать себе одежду. До этого времени найти что-то из макси-одежды, чтобы еще это было бы ко всему прочему и красивой вещью, было очень сложно. Так что в этом году я даже накупила себе платьев и юбок впрок, зная, что мода быстро меняется и, скорее всего, такой выбор женских нарядов скоро опять исчезнет с прилавков магазинов. Раньше все народы отличались друг от друга не только языком, но и одеждой. Внешний вид, стиль, материя, определялась и культурными особенностями страны, и религией, и географическими особенностями. Сейчас по внешнему виду сложно определить, из какой страны тот или иной человек. Входят в моду джинсы, и во всем мире люди облачаются в эту одежду, и неважно, что фигура не позволяет натягивать на себя эти штаны и этот наряд вас уродует, желание быть как все полностью отключает функцию мозга, отвечающую за здравый смысл. Появляются на демонстрационных подмостках манекенщицы в мини-юбках, и

почти весь женский пол начинает сверкать нижним бельем. Я, как и большинство женщин, люблю красивую одежду, выглядеть нарядно. Но в выборе одежды руководствуюсь прежде всего тем, чтобы она мне шла, и не одену вещь, пусть она будет хоть сверхмодной и дорогой, если она хоть немножко мне не к лицу. Я всегда отмечаю взглядом женщин, у которых есть свой стиль, и думаю, что далеко не только я: в них есть изюминка, индивидуальность, такие женщины всегда запоминаются, выделяясь из толпы. У нас сейчас повсеместно во всем мире утрачена культура возрастной моды. Что хорошо выглядит на двадцатилетних, то комически жалко на женщинах ближе к сорока и выше. Помню, был у меня такой случай. Иду я по Тверской, впереди вышагивает девушка на высоченных каблуках в мини-юбке с легкомысленной сумочкой через плечо, потряхивая в такт цоканья каблучков развивающимся, перехваченным бантиком хвостиком. В какой-то момент, поравнявшись с ней, увидела ее лицо. Это была женщина далеко даже не среднего возраста, с морщинистым лицом. И контраст был настолько ужасен, как будто заколдованную принцессу из страшных сказок увидела. А будь она одета по своему возрасту, без страшной раскраски лица, то была бы вполне милой дамой в годах.

Глава 50

Пример мужественности

Муж любит приводить детям такой пример. Храбрость и смелость мальчика заключаются вовсе не в том, что у тебя отняли деньги, а ты пошел и набил обидчику морду, забрал свое назад. Отдай ему эти деньги, смысл жизни не в том, чтобы отдавать за них свою жизнь, отдавать жизнь можно за веру, за своего ближнего. А у нас все фильмы построены на том, что герой отстоял бизнес и всех при этом поубивал. Сейчас, к сожалению, большинство детей сидят в компьютерных играх, во всевозможных «стрелялках». Поэтому у многих развивается необоснованная агрессия, обманчивое представление, как легко убить человека. Проходя все понарошку в виртуальном мире, они проецируют все это часто в реальную жизнь, и происходят трагедии. наших детей Герман с детства обучает пользоваться настоящим оружием, объясняя и показывая, как оно опасно, как надо правильно с ним обращаться. Младшие знают, что без разрешения старших оружие брать нельзя, что прежде всего, если взял в руки ружье, надо проверить, не заряжено ли оно, никогда не направлять ствол в сторону человека. Старшие дети очень хорошо стреляют, но знают, что оружие необходимо только для охоты, или, не дай Бог такому, конечно, случиться, для самообороны, или защиты близких людей. У нас перевернуто представление о хорошем и плохом, о настоящем героизме и трусости. Наверное, самое важное в жизни каждого нормального человека — правильно воспитать своих детей, потому что какой бы ты бизнес ни сделал, сколько резанных бумажек ты бы ни оставил, — все это не принесет им счастья, если ты не заложил в них правильный стержень. Люди выходят на митинги и просят там, чтобы одного руководителя сменили на другого. Говорят про коррупцию. Но какая разница, кто что ворует, если вам нечего пить, если вам нечем дышать, если абортами убиваются дети, если генная модификация превращает людей в мутантов. Если вы же сами, сажая своего ребенка перед телевизором или компьютером, делаете из него морального уродца. Вот что должно нас волновать, и Герман хочет до такого понимания достучаться.

Кто-то сегодня радуется, что проснулась политическая активность населения. Но, по-моему, выйти и сказать: «Мы против воровства», — это агония совершенно обезумевших людей. Воровство было, есть и будет, от воровства никто никогда не умирал, умирают от нехватки воды, от бездуховности, просто

оттого, что у нас некому будет скоро рожать. Деньги сами по себе не сделают нормальной жизни, здоровых детей, никого они не сделают счастливее, в том числе тех, кто выходит на митинги. Какая разница, кто у власти — либерал или патриот, если нет чистого воздуха, хороших продуктов, если у нас матери убивают своих же детей с помощью абортов, и в любой момент может рвануть АС или прорваться дамба. И как ни странно, но в наше время не надо быть смелым человеком, чтобы критиковать правительство, говорить про воровство, это даже модно. А вот вещи, которые режут ухо самому народу и настолько отличаются от общепринятых норм, для этого нужно иметь внутренней стержень, чтобы вначале, пока до людей дойдет, принять на себя удар разных поношений.

Глава 51

Воспитание детей

На первом месте у Германа по отношению к детям стоит воспитание их верующими людьми, чтобы они хорошо разбирались в канонах и догматах православной веры. Чтобы никто не мог сбить их в дальнейшем с правильного пути из-за недостаточности знаний по этому вопросу, завлечь их в секту, которых сейчас без числа, увести в сторону от истины. Поэтому он такое большое внимание уделяет чтению с ними Ветхого и Нового завета, Лицевого свода, книг, которые являясь первоисточниками, учат нас правильно исповедовать веру, знать свою историю. Если дочка это в основном мой продукт воспитания, то мальчики формируются отцом. Во-первых, конечно, примером. В воспитании детей больше важен пример, чем нотация. Дети, как правило, копируют модель поведения своих родителей. То, какие отношения между мужем и женой, во многом сформирует у детей будущий сценарий взаимоотношений с их будущими половинками. Если ты сам уважал и заботился о своих маме и папе, то так и твои дети будут относиться к тебе. Один человек мне в молодости как-то посоветовал, говорите больше со своими детьми, и тогда на старости лет вам будет с кем общаться. И я теперь уже на своем опыте могу подписаться под этим изречением. У Германа есть дар рассказчика, он прекрасно владеет слогом, и если он что-то рассказывает или читает, то все всегда с удовольствием слушают, настолько увлекательно он может преподнести сюжет, подчеркнуть в нем главное: если бы он не обратил на что-то внимание, прошло бы для нас оно незамеченным. Муж много разговаривает с детьми, любит описать им какую-нибудь ситуацию, а потом спрашивает каждого из них, кто как бы поступил, будь на месте героя повествования. Потом они обсуждают, кто же более прав, приводя свои аргументы.

Герман, как, наверное, любой нормальный родитель, очень любит своих детей, но он выражает свои чувства не сентиментальным сюсюканьем, а относится к ним чуть ли не с самого рождения как еще пусть маленьким, но мужичкам. С одной стороны, он строго с них спрашивает за провинности, но с другой — окружает их такой заботой. Если дети заболевают или поранятся, всегда меня просят, чтобы только папе не говорила, зная уже по опыту, что папа будет очень переживать. Герман не умеет общаться с младенцами, но как только им исполнялось три

года, он сразу брал все воспитание мальчиков на себя. С этого возраста он уже их спокойно берет с собой в путешествия. Если они ночью просыпались от плохого самочувствия, то он всегда сам подходил к ним и успокаивал. Даже всегда им наказывал, если что-то надо, зовите ночью папу, а не маму. Для детей отец — это планка, на которую они равняются, человек, чьим мнением они дорожат и хотят ему соответствовать. При мне они могут расслабиться, а при папе надо всегда держать себя в руках. Поэтому для правильного воспитания и должны быть два полюса — папа и мама. Очень большое внимание Герман уделяет тому, чтобы между детьми не было соперничества и вражды. Всегда подчеркивая им, что они самые близкие друг для друга люди, что главное, чтобы между ними всегда была любовь и они держались друг за дружку по жизни. Очень в сплочении братского чувства помогает то, что дети учатся на дому. Так как попадая в школу, братья или сестренки соответственно идут в разные классы, по мере взросления у каждого из них появляются свои компании, куда, как правило, более взрослые дети не пускают своих младших братиков. И уже когда они вырастают, чаще всего родные по крови люди становятся во многом чужими друг другу. При домашнем воспитании дети очень тесно общаются друг с другом, даже имея разницу в годах, они постоянно играют вместе, у них общие дела по хозяйству и общие забавы. Своих младших детей, Пантелеймона и Михея, я в шутку называю «попугаи-неразлучники», потому что они постоянно вместе, одновременно ложатся спать, вместе встают, если один занимается с учителем, другой рядышком ждет. У них очень крепкая привязанность друг к другу. Помню такой случай. Я все время если покупала что-то для младших детей, Пантелеймона и Михея, то сразу обоим. А тут как-то купила Пантелеймону новую кофту, а Михейке вроде не надо было, и я ему ничего не привезла. И вот Пантелеймон померил подарок, поблагодарил и, сняв, положил на стул, и все занялись своими делами. А потом я смотрю, а Михейка сидит, держит новую Пантелеймошкину кофту и режет ее ножницами. А ему было тогда четыре года, и он, позавидовав брату, совершил такой гадкий поступок. Я как увидела, так мне стало горько, что он на такое способен, и так сильно расплакалась, что все дети, включая Михея, испугались. Они вообще никогда не видели, чтобы я плакала. Я, как называют меня дети, «непробиваемый танк», чтобы я заревела, должно произойти что-то очень серьезное, типа пожара в Слободе, и то слезы проходят очень быстро, на долгие рыдания я не способна. А тут мама вдруг из-за какой-то кофты рыдает. Но я сквозь слезы стала им пояснять, что меня так расстроило, что брат мог сделать такую гадость своему

брату. Михейка стал плакать вместе со мной, но это было для него таким уроком, что он не только не завидует своим братикам, но ничего никогда для них не жалеет. А мальчишки часто по-доброму ему вспоминают его детскую мстительность.

В большой семье очень важна дисциплина, чтобы младшие слушались старших. Для младших сыновей Арсений после папы первый, кто их охраняет и заботится в отсутствие отца. Если наказание от Германа они воспринимают естественно, и это не вызывает у них обиды, так как они понимают, что получили за дело, и это их никак не унижает, то я мальчишек уже наказывать не могу, так как для них непонятно, что женщина может поднять на них руку. Они мне все делают и помогают исходя из того, что я существо слабое и меня надо оберегать. По отношению ко мне они чувствуют себя защитниками, а по отношению к отцу — младшими по рангу. При таком подходе в воспитании мальчиков в них закладывается с детства, что они мужчины, будущие главы своих собственных семей. Ведь у нас в большинстве семей мальчиков воспитывает мама, няня в детском саду, учительница в школе, одноклассница в школе, так как в начальной школе девочки немного опережают в развитии своих сверстников-одноклассников. И у них откладывается в голове, что все важные вопросы в их жизни решала женщина, привыкают слушаться женщину. Таким образом формируется будущий подкаблучник, человек, не стремящийся брать на себя ответственность за принятие решения. Еще Герман обращает внимание на то, чтобы у детей не было чувства вещизма.

Герман очень нестяжательный человек. Вообще доброта — это у них чисто наследственное. Мой свекор, Лев Александрович, удивительной доброты человек, такими же он воспитал и своих сыновей, Дмитрия и Германа. Помню, мы только поженились, Герману его мама подарила джинсовую теплую куртку, а в те времена достать такую вещь было сродни подвигу, а у Германа как раз был сложный период с делами и соответственно с деньгами. И вот сидим мы вечером с Германом в квартире, которую снимали. И приходит к нему по каким-то рабочим вопросам его сотрудник, они поговорили о своих делах, и смотрю, тот уходит в этой Гериной куртке. И когда он вышел, я спрашиваю мужа: «Ты зачем ему куртку отдал, тебе же, не говоря даже, что это можно сказать эксклюзивная вещь, просто и выйти не в чем». А он отвечает: «Да придумаем завтра что-нибудь, ты видела, он же совсем в тонкой курточке пришел», а на улице тогда было уже очень холодно. Он мог отдать мебельный гарнитур, который понравился другу, а сам спать на раскладушке: ничего, заново все купим. Меня часто ругала Гериная мама за то,

что вещи у нас куда-то все время пропадают. То дом — полная чаша, то — хоть шаром покати. Я отвечала: «Какая разница? Отношения важнее, чем вещи».

Такой подход к жизни нам привил Герман, он всегда говорил, что нужно дорожить отношениями между людьми, своим чистым именем, а не скарбом. Наши дети никогда не кланчат игрушек, Герман не позволил, чтобы деньги их развратили. Если им купят какую-то хорошую игрушку, а потом придет какой-нибудь ребенок, и ему эта игрушка понравится, им не жалко ее подарить. Герман научил их, что, делая подарки другим, они сами получают от этого радость. Также муж у нас в семье ввел раздельное воспитание мальчиков и девочек. Это, конечно, не касается родных братьев и сестер. Но если приезжают чужие дети, все игры и занятия проходят раздельно. Это очень важно для правильного формирования поведения и характера. Играя и обучаясь вместе, у детей стирается грань уважения между девочкой и мальчиком, пропадает стеснение девчонок перед мальчишками, они перенимают друг у друга черты, которые должны их различать, как и сами они различаются физически друг от друга. Кстати, последняя раздельная школа закрылась только в 1954 году, Герины родители еще заканчивали такие школы.

Также Герман специально возил детей с собой за границу, показывал им мир, чтобы у них не было ощущения запретного плода, какое было у нашего поколения, чтобы они видели, как живут в других странах, и их не могло ничто потом прельстить. И если дети бывают где-то, им быстро там все наскучивает, и они начинают проситься домой, где у них свое хозяйство, лошади, овцы, где пекут свой хлеб, где у них свое дело, где они строят себе дома в прямом смысле. Помню, когда пару лет назад от лесных пожаров стоял смог, Герман сразу вывез детей в Болгарию, так как понимал, насколько это вредно, тем более детскому организму, так дети там извели нас вопросами, когда мы поедем обратно. И как только пришло сообщение, что в Москве пошли дожди и дым рассеялся, мы первым же рейсом вылетели домой. Радости детей не было предела. Тем более, что Россия такая удивительная страна, здесь все время что-то происходит. Из-за нее все время надо переживать, страдать, надеяться, так что русскому человеку, по-моему, сложно жить где-то за рубежом. Если при воспитании мальчиков делается больше акцент на таких качествах, как ответственность за вверенных тебе близких людей, младших по возрасту, уважительное отношение к женщине, но в то же время понимание своей главенствующей роли в принятии ответственных решений, то при воспитании дочери я большее внимание уделяла воспитанию из нее хорошей

жены. У нас сейчас все больше родители дочерей уделяют свое внимание образованию, посещению разных развивающих секций типа иностранного языка или какого-то экзотического вида спорта. А я учила ее женским премудростям: надо прежде накормить мужа, а затем говорить о чем-то не очень приятном, где-то промолчать, где-то проявить женскую хитрость, уступить. Ведь именно отсутствие этих знаний приводит к тому, что в первый год после брака много молодых семей разваливается, так как каждый хочет показать характер, не учитывая особенности, присущие каждому полу.

Глава 52

Платок

Когда мы пришли к вере, я не сразу надела платок. Хотя уже понимала, что по правилам православной церкви замужняя женщина должна ходить в платке, и именно покрытие на голове — знак послушания мужу, а не обручальное кольцо изначально и правильное было отличительным признаком замужней женщины. Но все внутри меня противилось, стоило мне надеть платок и представить, что я должна всегда в нем ходить, на меня в буквальном смысле накатывала тоска, и я его быстро снимала, решив надевать его только на молитву и в храм. Но внутри все равно оставался дискомфорт, совесть ведь не обманешь. Одно дело, когда не знаешь или не задумываешься на эту тему, другое — когда знаешь, но лукавишь сама с собой. Я вычитывала всех Вселенских соборов правила в надежде найти лазейку, чтобы было не обязательно носить платок. Но нашла только изречение Апостола Павла, что, если женщина хочет, пусть не носит покрывало на главе своей, только ее молитва не будет услышана Богом ни за себя, ни за своих детей. «Да, — подумала я, — какая разница для меня в платке или без буду я ходить, если у меня столько детей и так важно, чтобы Господь слышал мою молитву за них». И я одела платок. Но продержалась недолго, хотя меня очень поддерживал муж, все время подчеркивая, как я ему нравлюсь в платочке. Ведь всегда, когда мы стараемся что-то сделать по-Божьи, у нас начинаются искушения, чтобы мы сбились с правильного пути. Поэтому, чтобы сделать правильный шаг, всегда нужно делать усилие, а чтобы свалиться в грех, нужно просто пойти на поводу своих похотей, которые выглядят очень заманчиво и приятно. Так и тогда, платок на голове меня так угнетал, что я его сняла. Но тогда Господь вразумил меня через тело, так как я не хотела понимать через разум. Родив Михея, я вдруг почувствовала себя очень плохо. Всегда после предыдущих родов я чувствовала себя превосходно, а тут у меня отекли ноги, любая нагрузка, даже кратковременная ходьба, вызывала у меня одышку. Наблюдавший меня врач сказал Герману, что я не жилец. Сердце отказывает. Все родственники забили тревогу: надо что-то предпринимать для моего спасения. Но меня мое самочувствие почему-то не испугало, у меня была какая-та внутренняя уверенность, что со мной сейчас, когда я только опять стала мамой, ничего случиться не может. И вдруг мне самой захотелось надеть платок. Помню, я повязала себе косынку и про себя

сказала, что теперь я всегда буду так ходить. И тут приехал Герман с людьми, и я стала суетиться, накрывать на стол. Герман говорит: «Ален, иди ложись, мы сами, тебе нельзя такие нагрузки». А я смотрю, а у меня ноги, на которых еще с утра были отеки, стали такими же, как и раньше, и я больше не задыхаюсь! С тех пор ношение платка стало для меня настолько естественным делом, что его просто не замечаю. Я придумала для себя такую удобную версию платка в виде своеобразного чепчика, что оно ко всему прочему еще и украшает. Меня часто в городе останавливают прохожие женщины с вопросом, где вы купили такой интересный и удобный головной убор, на что я честно отвечаю, что придумала его сама и шью на заказ. Все мои платочки сшиты из натуральных тканей — или шелка, или льна. Разного цвета, они подходят под любую одежду и стали уже моей отличительной маркой.

Глава 53

Борода

Германа иногда принимают за батюшку, потому что он ходит с бородой. Настолько уже ушло в небытие, что борода — это один из отличительных признаков мужчины. По правилам Церкви, того, кто умирал со стриженной бородой, нельзя было даже отпевать, так как он считался еретиком. Как для женщины юбка, так и для мужчины борода является отличительным признаком, к какому полу они принадлежат. Как женщина с бородой — это аномалия, так и мужчина в юбке, согласитесь, — извращение. Бладобритие пошло из древнего Рима, где в последние для них времена был развит порок мужеложества. И юноши, выдавая себя за девушек для утех высокопоставленных вельмож, брили себе растительность на лице, о чем повествуется в древних летописях. А теперь наши современные мужчины бреют себе щеки перед зеркалом, душа себя одеколончиком и помазываются кремом после бритья, тужатся разыгрывать из себя мужчин, уже дошли до маникюра. Но получается плохо, применяя на себе женские штучки, оставаться мужчиной в изначальном понимании непросто. Даже если рассматривать «бороду» с мирской точки зрения, проще говоря, с нашей, женской, ведь как и мы одеваемся и украшаем себя для мужчин, так и они ориентируются в этом вопросе на нас, то надо отметить, что в ношении мужем бороды есть много плюсов, так что нам выгодно поддерживать их в отращивании бород.

Во-первых, мужчину борода всегда делает более солидным в молодости и придает года в зрелом возрасте. А это всегда играет на руку женской половине, мы ведь хотим выглядеть моложе своих спутников. Сейчас мне даже сложно представить Германа без бороды, столько бы он потерял в моих глазах привлекательности. Так как я жила и с бритым мужчиной, и с бородатым, то мне есть что сравнивать, это по ощущениям, как с двумя разными мужчинами, с бородатым лучше.

Глава 54

Муж и жена

Говорят, что в семьях, где муж и жена любят друг друга и прожили уже много лет вместе, супруги становятся похожими. Ведь живя вместе, они взаимно влияют один на другого, любовь подразумевает страх потерять или расстроить любимого человека, следовательно, появляется желание слышать и понимать и поддерживать свою половинку. Так, по прошествии нескольких лет уже на большинство вопросов смотришь одинаково, у вас одни цели, одно восприятие жизни.

Муж и жена становятся «как одна плоть». Я по шагам мужа, еще не видя его, могу понять, какое у него настроение, когда он бывает не в духе, зная его, мне легко найти слова, чтобы его отвлечь от грустных мыслей или подбодрить. Когда мы вдвоем, нам всегда есть о чем поговорить и нескучно вместе молчать. Я, как и, наверное, любая мать, очень люблю и переживаю за своих детей, но самый близкий и главный человек для меня, конечно, муж. Дети вырастают, и какими бы близкими с ними у нас, у родителей, не были бы отношения, все равно они будут строить свои семьи. Мы можем также сопереживать, помогать друг другу, но все же у них уже будет своя жизнь, свои заботы. И очень важно, чтобы потом легко было удерживаться от того, чтобы не лезть в молодую семью, не мешать им строить свои отношения, иметь самой крепкие отношения с мужем. Еще учась в школе и приглядываясь к отношениям между моими родителями, родителями моих школьных подруг, я думала, как скучно быть мужем и женой. Жена пилит мужа то за одно, то за другое. Муж, хоть видно, и любит свою супругу, но готов куда-нибудь сбежать от этой рутины и постоянного напоминания, что он все время что-то должен сделать для семьи, все время подотчетен. Это главенство женщины в семье и добровольное согласие играть роль второй скрипки со стороны мужа еще в детстве казалось мне абсурдным, и такая модель семьи была мне совсем непривлекательна. Поэтому, наверное, меня еще Герман привлек и тем, что в нем я сразу почувствовала человека, который не даст собой управлять. Ведь женщина всегда как бы нащупывает, что ей можно допустить в отношениях. Вот поставила ультиматум — и он все выполнил. Ага, получилось. Вот повысила на него голос — опять прошло. Вот сказала, что сделаю так, хоть и знаю, что он категорически против, и опять вышло и никуда не делся. А через несколько лет жалуется, что ей попался тюфяк. Герман хоть и

очень меня любил, но я всегда знала, что нельзя задеть его мужское достоинство, и именно это больше всего в нем и привлекало, ощущение, что он мужчина. У меня никогда не было желания, чтобы муж помогал мне по кухонным делам или уборке. Типа я сегодня мою посуду, а ты выносишь мусор. Такие отношения унижают как мужчину, так и женщину. Я знаю, что, если вдруг меня по каким-то причинам не будет дома, муж прекрасно справится, и дети точно будут накормлены. Или если у Германа просто возникнет желание нас порадовать своей жареной картошкой. Жареные семечки и жареная картошка — это его конек. Кроме этих случаев, домашние дела — это моя территория. Женщины долго боролись за равноправие, наконец-то добились. Можно праздновать победу и радоваться, но что-то я очень мало встречаю счастливых женщин: или мать одиночка, или вообще не была замужем, испытал несколько романов, либо тоскливо тащит на себе инфантильного мужа. Браков, где один брак на всю жизнь, причем в которых до конца горит огонек любви и привязанности, становится все меньше. В борьбе за равенство женщина потеряла право быть слабой и беззащитной. Часто слышу от разных дам: «Перевелись мужчины, как хочется, чтобы за мужем, как за каменной стеной и т. п.». На это можно им сказать, что вы же собственноручно отбили у них охоту опекать вас, заявив, «мы и сами с усами». Я не боюсь показаться глупее мужа, выглядеть забавной и слабой, зависимой от него.

Поэтому, наверное, через 23 года совместной жизни мы пронесли романтику в наших отношениях. У него по-прежнему есть желание меня удивлять. Я не понимаю, как можно выйти замуж и на этом сказать себе: «Все, цель достигнута», и начать жить, просто строя быт, а не отношения. И прожив несколько лет по чувствам, потом оставшиеся годы доживать на одной привычке и чувстве долга. Мы уже столько лет вместе, но элемент игры в отношениях, легкости никуда не ушли. Я считаю, что на первом месте у женщины должно быть желание оставаться для мужа возлюбленной, а не соратником и домоправителем. Если у меня и бывает плохое настроение, то я стараюсь не показать это мужу: оттого, что и у него оно испортится, мне лучше не станет, а общение уже будет испорчено грустной нотой. Я вообще не могу долго быть серьезной, все перевожу в веселое русло. Выбирая себе одежду, я прежде всего ориентируюсь на его вкус. Если ему не нравится наряд, то оттого, что я буду считать, что мне в нем хорошо, в его глазах я все равно не буду выглядеть привлекательно. А наряжаясь, мне прежде всего хочется поразить своего мужа, увидеть в его глазах заинтересованность.

Женщина в семье создает микроклимат. Я в своей семье

играю роль адвоката, «пробиваю» интересы детей перед мужем, всех мирю, потому что все в семье разные, как говорится, сглаживаю углы. Но, конечно, стержнем в семье является мужчина, он придает направление, задает вектор движения, руководит. Ему хорошо — и я спокойна, тогда я могу наслаждаться семейной жизнью. Моя задача создать ему такую атмосферу, чтобы ему было легко и просто, чтобы он в семье отдыхал. В нашем доме на первом месте стоят не дети, а отец, потому что от папы, от мужа зависит благосостояние семьи, зависит ее счастье. Так было всегда, мы просто в гонке за равноправием об этом забыли. Когда папа спит, я говорю: «Дети, не шумите». Если папа в плохом настроении, говорю: «Не шалите». Все знают, что прежде всего надо посмотреть, в каком папа настроении. Это происходит из простого понимания, что ему как мужчине, следовательно, и главе семьи выпала самая тяжелая нагрузка. Это и обеспечить семью всем необходимым: натуральной одеждой, натуральными продуктами питания. Обеспечение безопасности семьи. Постройка дома, содержание хозяйства, то заготовка кормов для скотины, то посадка или сбор урожая. Ведь все это лежит на его плечах. Причем все это он совмещает с изданием книг и разной другой деятельностью. Забота о том, чтобы вокруг не было плохого примера, плохого влияния, чтобы дети развивались правильно — это все в его компетенции. Учителя, которые приходят к нам домой, говорят: «Мы первый раз встречаем такого отца, который вникает во все: в то, как одет учитель, как он разговаривает с детьми, что преподает». При всей своей занятости, большой общественной деятельности, он совсем не похож на многих современных пап. Огромное внимание он уделяет детям, всегда сам старается быть для них хорошим примером, всегда контролирует себя, чтобы каким-нибудь неправильным поступком не ввести их в соблазн, чтобы у них были единомышленники. Для того чтобы круг их общения расширялся, чтобы появлялись семьи с похожими ценностями жизни, Герман вылезает из своего «леса», старается издать и распространить побольше хороших, правдивых книг. Наверно, крепость наших отношений прежде всего основана на его любви ко мне и на моем большом уважении к нему. Это как раз тот баланс, который держит брачную лодку на плаву. Ведь если мужчина любит женщину, он для нее горы готов свернуть, а если женщина уважает мужчину, то она никогда не заденет его мужское самолюбие, всегда подчеркнет его значимость для себя. И еще, конечно, самое главное — это вера. Понимая, что развод — это грех, и брак — это один раз и навсегда, в конфликтной ситуации сто раз подумаешь, как сгладить и погасить сору, чтобы,

как говорится, «из искры не разгорелось пламя» и уничтожило вашу жизнь. Я всегда говорила дочери, что женщина, как сапер, ошибается один раз, выбирая себе мужа, если «подорвавшись» и не погибнет, то покалечится однозначно. Поэтому относиться к замужеству надо очень ответственно.

Глава 55

Женская половина

Когда Полина вышла замуж и ушла жить к мужу, я осталась одна в мужском «царстве». А вскоре старший сын Арсений (ему 15 лет) построил себе дом из лиственницы. Пока один он там жить не собирался, а дом всем моим мужчинам очень понравился, и они решили туда переехать и стали там обустраиваться. А мне все было жалко переезжать из нашего домика, я все откладывала, а потом как-то пришло понимание, что иметь две половины, мужскую и женскую, даже очень здорово. Во-первых, мальчишек воспитать может только отец, женское воспитание приводит только к явлению «бабы в штанах» или «маменькину сынку». Поэтому на мужской половине он их и воспитывает. У них ранний подъем, а я люблю поспать, пока дети были маленькими, у меня получилось почти непрерывных пятнадцать лет бессонных ночей: один только переставал просыпаться по ночам, тут появлялся следующий малыш. А теперь я на законной «пенсии», а в моем возрасте, чтобы хорошо выглядеть, надо прежде всего выспаться, всему свое время. Дом у них без всяких женских заморочек, типа ажурных салфеточек и рюшечек. А в своей половине я вовсю развожу женские штучки, и мы больше с Германом не спорим, где что лучше разместить, каждый украшает свою половину как хочет. Потом Герман приходит ко мне в гости, и в этом появляется опять элемент романтики. Иногда даже бывает так, что Герман уезжает рано, и я, приходя к ним на половину, его уже не застаю, а приезжает поздно, то я его уже не дожидаясь, ухожу к себе, и мы можем не видаться так несколько дней, так что накапливается куча новостей, которыми хочется друг с другом поделиться. На разных половинах хорошо еще жить тем, что, когда чувствуешь, что нарастает какое-то недовольство друг другом, вместо выяснения отношений просто ушла к себе на женскую половину, а утром уже все забылось.

Тем более, мое вечернее и раннее утреннее отсутствие делает мальчишек более самостоятельными, более ответственными старших детей перед младшими. Ведь когда я рядом, все заботы о них естественным образом перекладываются на меня. Я очень люблю свою женскую половинку, как я ее называю, «уютную норку», я здесь отдыхаю от них, а они от меня, от моих нравоучений и различных просьб. Как бы люди ни были близки, и даже пусть они знают друг друга довольно долго, все равно, находясь вместе, на сто процентов расслабиться невозможно.

Любые отношения все равно требуют хоть и минимального, но все равно контроля: что сказать, что сделать, как ты выглядишь. Даже если ты специально об этом не задумываешься, в подсознании это вертится. Поэтому, когда ты знаешь, что у тебя есть место, где можно побыть совершенно одной и в собственном доме, это очень важно чисто психологически. Потом, когда Герман бывает у меня дома, мы спокойно можем поговорить без детских «ушей», что иногда тоже бывает не лишним. Тем более, мне уже далеко не двадцать, когда, встав ото сна, выглядишь будто и не ложились, свежо, мне уже нужно время, чтобы привести себя в порядок и явиться пред очи своего мужа в нормальном виде. Когда бывают гости, мы сначала все вместе сидим на мужской половине, а потом женским коллективом удаляемся пить чай на женскую, на короткое время образуя подобие женского клуба. Так что плюсов раздельных половин мужской и женской оказалось столько, что я так к ним и не переехала. А когда приезжает в гости дочка с внучкой, нас становится уже трое в «женском домике».

Глава 56

Давайте проснемся

Часто в комментариях после Гериного очередного выступления на телевидении или в интервью, данном какому-нибудь журналу, я слышу, что вроде правильно все говорит, но очень резко, даже как-то обидно. Но когда Герман говорит о своих убеждениях, он выбирает довольно резкие выражения, потому что понимает, что в наше время человека надо ошеломить, если хочешь, чтобы он задумался над твоими словами. Герман не политик, которым нужно, чтобы их поддерживал народ и которым для этого надо постоянно говорить приятную для избирателей ложь по принципу: «ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». А Герману не нужен электорат, и он может спокойно называть вещи своими именами, что народа почти и не осталось, а то, что есть, в большинстве моральные калеки, называть извращенцев извращенцами, а не прикрывать их содомский грех красивыми словами и делать вид, что ты такой толерантный, а они такие симпатично-голубенькие. Людей сегодня порой трудно отличить друг от друга: они читают одно и то же, смотрят одно и то же, одевают одно и то же, похожи друг на друга, как инкубаторские, у них и стиль жизни, и даже стиль мыслей настолько одинаков, что, общаясь с ними, знаешь все наперед, новому через это пробиться практически невозможно. Пробивать эту броню Герман пробует резким словом, контрастом, чтобы привлечь внимание, а может быть, даже заставить человека возмутиться, вызвать сильную эмоцию. Тогда есть шанс, что человек начнет думать, почему его это возмутило. Герман пытается вывести людей из спячки, заставить их задуматься о происходящем, а не плыть по течению, которое скоро унесет нас всех в «воронку». Герман часто поднимает темы, которые для большинства людей кажутся незыблемыми, истинными, как дважды два четыре. Просто потому, что они слышат про это с детства, не задумываясь, а правда ли это. Так Герман поднял тему с летоисчислением, которое было изменено Петром Первым совершенно необоснованно, тем самым ложно отнятыми восемью годами, поставив под сомнение Священную Историю. Про обращение на «вы», вместо традиционного для России «ты», про обозначение слова «пацан» и про многие другие вещи. Недавно находилась с мужем в Москве. В центре города к нам подошла женщина, она русская, но вышла замуж за англичанина и уже несколько лет живет в Великобритании и имеет двоих детей. Она

сказала, что смотрела очень много передач с Гериным участием, и ей очень близко то, о чем он говорит. И она с пониманием относится к тому, что Герины выступления отличаются резкостью, так как по-другому просто не достучаться до сознания людей.

Глава 57

Лицевой свод

«Лицевой свод» — это та книга, с которой у нас, как бы пафосно это ни звучало, поменялось очень многое в жизни. А произошло это так. Как-то раз Герман зашел к одному своему знакомому, а тот ему говорит: «Смотри, какая есть удивительная рукопись», и показывает ему «Лицевой свод». Эта книга представляет собой собрание исторических летописей о всех временах и почти всех народах от сотворения мира до времен Иоанна Грозного. Собрал их Святитель Макарий для чтения царским детям, детям Иоанна Грозного. Это своего рода учебник для царских детей. Называется он лицевым из-за обилия миниатюр: там на каждый текст соответствующий рисунок. Герман, когда увидел эти книги, был просто ими пленен. К тому времени было сделано всего десять комплектов этого удивительного издания, по десять томов в каждом комплекте. Один том стоил десять тысяч долларов, т. е. книга удивительная по содержанию, открывающая нам правдиво историю прошлых лет, опять была доступна только для узкого круга людей из-за дороговизны, считайте — единицам. Было это после неудачной президентской кампании в период полного безденежья. Всех семейных сбережений было двадцать тысяч долларов, т. е. цена двух томов из этого издания. Герман, не задумываясь, приобрел первые два тома с древней историей Священного писания. Помню, он пришел домой и говорит, я потратил все деньги, но зато я нашел клад. И положил на стол приобретенные два огромных тома «Лицевого свода». Текст был написан на древнеславянском языке. Герман захотел читать текст в оригинале и выучил для этого древнеславянский язык, а затем взял учителя и для детей, которые тоже быстро освоили наш родной русский язык. Читая эту книгу, многое становилось на место, фальсифицированная многие столетия история вдруг открывалась в совершенно другом виде, все несостыковки от притянутых, как говорится, за уши фактов рассыпались как дым. Книга настолько захватывала, и чтение доставляло неопишемое удовольствие, что огорчало только одно обстоятельство, что такую важную информацию может узнать только ограниченный круг людей, причем тем людям, которым она была бы доступна по цене, чаще всего не было в ней нужды. И Герман загорелся издать все это собрание и раздавать ее желающим бесплатно. Для этого он создал «Общество любителей древней письменности».

Многие его друзья, состоятельные люди, откликнулись на его предложение поддержать издание этих книг с бесплатной раздачей желающим, и желание стало явью. На данный момент книга издается большим тиражом, и после выхода из печати расходуется очень быстро. Она была преподнесена библиотекам разных стран: Болгарии, Турции, Черногорья, Украины, ряду стран Латинской Америки, и многим другим странам, и большому количеству библиотек разных городов России. Все это стало возможным, благодаря таким людям, как Анатолий Борисович Яновский, Николай Петрович Токарев, Костантин Анатольевич Бабкин и другим понимающим значимость данного письменного шедевра древней письменности для всех людей. В «Лицевом своде» Герман нашел ответ про исчезнувшую библиотеку Иоанна Грозного, а Древняя Русь, представляемая нам историками типа Карамзина и Нечволодова, как мрачная и темная, предстала вдруг совсем в другом свете. Герман после прочтения этих книг часто вздыхает с сожалением, что не пришлось ему родиться в то великое и вольное время. Данная в полном объеме, без всяких цензорских обработок и сокращений книга «Иудейская война» Иосифа Флавия, входящая также в «Лицевой свод», открывает глубокий смысл этого произведения, что никак нельзя было понять в современном прочтении книги. А что стоит повествование «Трои», вошедшее в «Лицевой Свод» не только, как исторический факт, но и как пример для царских детей, как, казалось бы, незначительный повод, может ввергнуть целое государство в продолжительную войну и в конце концов полностью стереть ее с лица земли. Эту книгу можно перечитывать не один раз, и все время будешь открывать для себя что-то новое в понимании прошлого, что дает правильно выстроить ориентир в настоящем.

Простые люди и люди, занимающие влиятельные посты из разных городов и стран, приезжают к нам в Слободу, чтобы получить тома «Лицевого Свода». Как правило, когда Герман отсутствует, выдачу книг производят старшие сыновья. Так как люди приезжают из разных городов и даже стран, то круг общения у детей резко расширился. Обсуждая с гостями множество разных тем возникающих при прочтении «Лицевого Свода», они еще раз для себя отмечают значимость и нужность этой деятельности, издание этих книг.

Глава 58

Экологическая доктрина

Начав жить на природе, после даже короткого времени приходит понимание, как мы вообще раньше могли жить в ужасных условиях мегаполиса. Сначала приезжая за чем-то в Москву, видишь, какой смог висит над городом, раньше как-то на это не обращал внимания, уже не можешь тут пить воду, так как почувствовал вкус настоящей воды. То же самое происходит и с пищей. Заставить съесть себя что-то магазинное, вызывает чуть ли не рвотный рефлекс, настолько ясно начинаешь понимать, что это не пища, а сгусток химических реагентов. Любуясь у себя звездным небом, багровым закатом, наслаждаясь колодезной водой, в какой-то момент понимаешь, что это настолько обычные и доступные вещи для всех людей раньше, для современного человечества с космической скоростью превращаются в предмет недоступной роскоши. И оттого, что большинство людей этого не понимают, ратуя и дальше за развитие научно-технического прогресса, с восторгом крича «давай нанотехнологии», легче не становится. Мы все в одной лодке, от «Фукусимы» и «Чернобыля» забором не отгородишься, если пресная вода иссякнет, то для всех впрок не запасешься. Оградить свои семена от генномодифицированных тоже не получится, так что в одиночку не спастись. Для того чтобы выжить, надо запретить и перестать восхищаться теми, кто придумал все то, что нас убивает, то есть ученых и их изыскания. Когда Герман говорит, что ученые самые главные враги человечества, то все сразу на него набрасываются. Стереотип мышления, вбитая чуть ли не с младенчества мысль, что научно-технический прогресс — это благо, убил в людях инстинкт самосохранения. Смог, стоявший два года назад в Москве от пожаров, был прежде всего страшен тем, что горел пластик, который в большом количестве разброшен везде, диоксин при горении предметов, изготовленных из этого материала, очень опасен и, попав в организм через легкие, уже никак не выводится. «Химия», которой мы моем посуду, никуда не девается, мало того, что она не смывается до конца с посуды, с которой мы едим, и с пищей попадает в наши желудки, нанося нам непоправимый вред, она еще со смываемой водой попадает в нашу почву, где день за днем из-за нее отравляется и вода, которую мы потом пьем, и земля, которая нас кормит. Я прекрасно мою посуду сухой горчицей, ни одна «химия» не отмывает жир, как она, быстро, дешево, и даже если что-то не

смоется, не страшно, если попадет в наш организм, и самое главное, она не отравляет наши водные ресурсы и почву. «Химия» для мытья посуды появилась в нашей стране, когда я училась в старших классах, не так-то уж давно, я помню, как многие долго не могли привыкнуть, что после мытья посуды надо есть пищу, перемешанную с запахом «химии», сохраняющимся на тарелках. Но людей приучили. И так практически во всем. Раньше прекрасно мыли автомобили просто водой, а теперь «химией», которая беспощадно уничтожает нашу природу, попадая в почву при смыве. Я уже не говорю о рабочих, которые работают на мойках, через год работы в таком месте они становятся очень больными людьми, способными производить только больное потомство. Осознавая всю опасность от экологической катастрофы, которая неизбежно скоро наступит, если не остановить этот смертельно опасный для человечества процесс научно-технического прогресса, Герман сейчас все свое время посвятил, чтобы донести свою Экологическую доктрину до людей, главная суть которой — «либо ученые до конца уничтожат человечество, либо человечество уничтожит ученых...»

Заключение

Жизнь проходит, растут дети, появляются внуки, когда я дописывала книгу, Пелагея подарила нам еще одну внучку. С одной стороны, кажется, как быстро пролетело время, а с другой — не верится, что за такой короткий срок произошло столько увлекательных событий. Вот и дописаны все главы книги о нашей совместной жизни с Германом. Не знаю, насколько это будет любопытно. Ведь все, что могло быть по-настоящему интересным для читателя, происходило в деловой сфере Германа, о которой мне недостаточно известно. Я писала только о своих женских впечатлениях о совместно прожитых годах, о том, как под влиянием моего мужа у меня менялся образ жизни, приоритеты, жизненные ценности. Одновременно с моими записками наконец-то закончен и коврик в комнату внучки. Все-таки я осилила вязанье крючком: еще одно мое желание исполнилось. Я выглядываю в окно и вижу, как из конюшни в окружении наших сыновей вышел Герман, они идут в направлении к дому, оживленно что-то обсуждая, на лице мужа играет улыбка, и я понимаю, что самое главное еще впереди...

Рецепты из Слободы

1. Хлеб на закваске

Рецепт для выпечки трех буханок.

Закваска.

Берем на полтора литра колодезной воды 50 граммов хмеля, доводим до кипения и продолжаем держать на огне 15–20 минут. Полученную массу процеживаем через дуршлаг и этот раствор остужаем до комнатной температуры. Затем добавляем 100 граммов меда и тщательно размешиваем. Далее кладем чайную ложку соли и 200 граммов пшеничной муки. Накрываем крышкой и ставим на двое суток в теплое место (мы ставим на лежанку русской печи), перемешивая утром, днем и вечером. Через два дня добавляем 400 граммов вареной картошки, измельченной на терке. Перемешиваем и оставляем еще на сутки в теплом месте, так же помешивая три раза в день. Через сутки опять процеживаем, закваска готова, ее можно сразу использовать или хранить в холодильнике или в подвале до надобности. Только надо сделать прорезь в крышке, чтобы закваска не взорвалась.

Опара.

В одном литре теплой воды разводим 200 граммов меда и добавляем 150 граммов закваски и литровую кружку пшеничной муки. Размешиваем и помещаем в теплое место на три-пять часов до поднятия опары.

Тесто.

В приготовленную опару добавляем пшеничную муку и замешиваем тесто до эластичного состояния, чтобы отставало от рук. Раскладываем тесто в формы для выпечки хлеба и оставляем их в теплом месте, пока оно не поднимется.

Затем помещаем в печь и выпекаем 30–40 минут.

2. Домашний сыр

Приготовление сычуга.

Берем желудочек от молодого ягненка или козленка. Тщательно промываем его, ошпариваем кипятком, вываливаем в крупной соли и подвешиваем в темном, проветриваемом помещении до полного высыхания.

Закваска для сыра.

Берем на трех-литровую банку половину высушенного описанным ранее способом желудочка и заливаем прокипяченной сывороткой (сыворотка — это слитая после творога жидкость) и оставляем все это настаиваться трое суток.

Приготовление сыра.

Берем 10 литров молока, чуть-чуть подогреваем и добавляем 150 граммов закваски. Размешиваем и на полчаса ставим в теплое место. За это время молоко, благодаря действию закваски, должно превратиться в желеобразную массу. Начинаем тщательно перемешивать эту молочную массу, пока она не осядет на дно посуды. Затем процеживаем через марлю до полного стекания жидкости, добавляем соль по вкусу, также при желании можно добавить измельченную свежую зелень, получившуюся массу выкладываем в форму для сыра. Сыр готов к употреблению.

3. Печной творог.

Берем скисшее молоко и помещаем в русскую прогретую печь. Готовность печи определяем с помощью муки. Бросаем горсть муки в печь и смотрим, если она не загорается, а медленно дымится, то печь готова для приготовления творога. Скисшее молоко держим в печи 15–20 минут. Затем скидываем в марлю и даем ему стечь. Творог получается очень пышным, как суфле.

4. Домашняя лапша

Берем яйцо от домашних кур и добавляем пшеничную муку, соль по вкусу и замешиваем крутое тесто. Затем раскатываем тесто и нарезаем соломкой, нужной нам ширины. Немного подсушиваем, разложив на столе, лапша готова к приготовлению или хранению.

5. Мытье посуды горчицей

Для мытья даже очень грязной и жирной посуды идеально подходит сухая горчица. Ее можно использовать как в сухом виде, так и разводя водой до кашицеобразного состояния. Кому как удобно. Горчица прекрасно удаляет грязь, заодно дезинфицирует отмываемый предмет. Очень важно, что, в отличие от «химии», она не наносит вреда коже ваших рук, а наоборот, оказывает очень хорошее действие, укрепляет ногтевые пластины пальцев.

6. Стиральный порошок.

Мало того, что химия, которая содержится в порошке для стирки одежды, попадая вместе с грязной водой в землю, отравляет наши недра и водные природные запасы, она еще очень опасна для нашего здоровья: как ни полоскай, все равно что-то остается на одежде и приводит к аллергиям и другим заболеваниям. Ее легко заменить на следующий самодельный порошок. Натирате на терке детское или хозяйственное мыло, добавляете немного пищевой соды, несколько капель лимонного сока и можете на свой вкус для аромата добавить натуральное масло, моя дочь к примеру использует лавандовое. Все, стиральный порошок готов. Отстирывает прекрасно, опробовано не только мной.

Мама в Шанхае, под зонтиком в платке

Моя мама с космонавтом Германом Титовым

Я с братом на даче

Родители Германа: Лев Александрович и Маргарита Арсеньевна

Мамин день рождения на нашей даче: впереди мой брат, за ним — я, а за нами — Галя и Сергей Хрущевы

На дне рождения у Никиты Хрущева. Именинник в центре стола, я — крайняя справа

*Мама Германа, Маргарита Арсеньевна, с Пелагеей около
нашего дома в Америке*

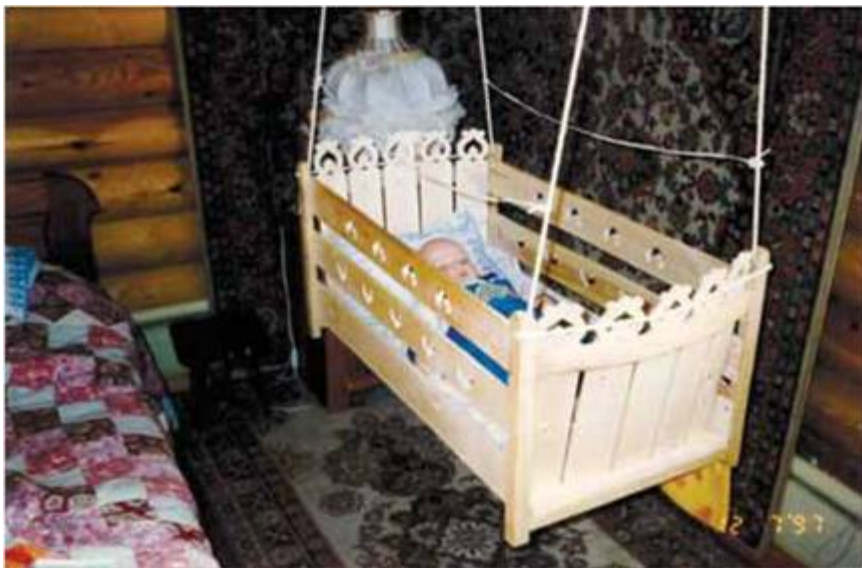
Battery Park City, Нью-Йорк

Эвакуация в Комарово. Брат с женой, на капоте Пелагея, рядом — собака Алиса

В «эвакуации» в Репино на финском заливе. Полина с двоюродным братом Егором

Арсений первым опробовал преимущества люльки

На Рублевке. Арсений и Сергей со своими солдатиками

Эта реклама многих водителей ввергала в ступор

Последний день на Рублевке

Брат Германа, Дмитрий Львович с Арсением

Герин папа, Лев Александрович, с внуками Пелагеей и Арсением

Герман с Пелагеей, Арсением в походе по Алтаю

Подарили им то, чего они были лишены на Рублевке

Осваиваем новый вид транспорта

Дальняя Слобода. Герман на коне

Первая проба готовить свой хлеб в русской печи

Первые птицы в слободе (любительское фото дочери)

Наш дом в дальней Слободе, в котором мы жили после пожара

Вверху: Михай 1,5 года, первый опыт

Глядя на счастливых детей, трудности Слободы особенно не чувствовались

Летняя кухня

На крыльце дома

Михей. Знакомство с курицей

Сыновья любят дарить мне луговые цветы

Дальняя Слобода

Михей готовится к прыжку (1,5 года)

Счастливое детство

Андрей, друг Германа, чудом выживший после аварии на мотоцикле, у нас в Слободе с Пантелеймоном

Дальняя Слобода

Первые годы после пожара

Мама Германа у нас в гостях. Первая осень после пожара

Арсений. На охоту

Пантелеймон

Арсений

Цветы с нашего пруда. Подарок детей

В дальней Слободе Пелагея научилась ездить верхом

Мы с Германом в Париже, куда он ездил по поводу АРТЦ

Дом на новой Риге

Герман с дочерью Пелагеей в Слободе

Кабул. Герман в Афганистане выбирает барана

Этого барана должны были доставить в Москву, но его спецслужбы выкрали в Дубае

Арсений в путешествиях с отцом таскал свой горшок сам (обещали мне, что у ребенка будет горшок), но ни разу им не воспользовался. Мужское воспитание. г. Афон

Сергей

Козы очень любопытны

Афганистан. Герман хочет пройти в гостиницу со своим бараном

Михей с папиными «трофеями» из Афганистана

В Афганистане с сопровождающими лицами на приеме у губернатора провинции Герат: слева — председатель КГБ Герата (следующей ночью он же под дулами автоматов и вывез мужа в горы)

Соколова и Собчак. Думают, что они у нас в гостях

Гости с Украины

Дом, который построил Арсений

Православный поклонный крест

В избушке зимними вечерами

Русская армия

Первая мебель, сделанная на продажу детьми, с логотипом артели братьев Стерлиговых

Счастливые уже бабушка с пробабушкой

Четыре поколения. Евфросинье один год

С любимыми тестем и тещей

Пекарня, которую достраивают дети, для выпечки настоящего хлеба

Дом, который построил Сергей

Хорошо зимой на воле: Арсений, Сергей и Пантелеймон

Муж проводит экологический минимитинг на Болотной